АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ им. Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

КАЗАХСТАН, СРЕДНЯЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В XVI—XVIII вв.

Издательство «НАУКА» Казахской ССР
АЛМА-АТА·1983

Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI—XVIII вв. — Алма-Ата: Наука, 1983. — 192 с.

На материалах восточных источников и русских архивных документов рассматриваются отдельные аспекты истории взаимоотношений народов Казахстана, Средней и Центральной Азии. Вводятся в оборот новые источники по истории народов Казахстана и Средней Азии XVI—XVIII вв.

Книга рассчитана на историков, преподавателей школ и вузов, аспирантов.

Ответственный редактор

член-корреспондент АН СССР
Б. А. ТУЛЕПБАЕВ

Рецензенты:

доктора исторических наук Б. П. ГУРЕВИЧ,
У. Х. ШАЛЕКЕНОВ

К $\frac{10604—111}{407(05)—83}$ 6.83.0505040000

© Издательство «Наука» Казахской ССР, 1983.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый сборник статей «Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI—XVIII вв.»*, подготовленный сотрудниками Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР при участии востоковедов Киргизии, посвящен знаменательному событию в жизни народов нашей страны — 250-летию добровольного присоединения Казахстана к России.

Хронологически статьи, помещенные в сборнике, охватывают период со второй половины XVI и до XVIII столетия. Это было время усиления и расширения территорий казахских ханств, их интенсивных торговых и дипломатических связей с соседними странами и народами, упорных многолетних войн с Шайбанидами и ойратами, ожесточенных межфеодальных усобиц. Этот насыщенный бурными историческими событиями период завершился подписанием акта о добровольном вхождении в состав России Младшего и Среднего казахских ханств. В эти столетия политическая жизнь Казахстана протекала в тесной связи с жизнью Русского госу-

* Центральная Азия — географический термин, впервые введенный в обиход в середине XIX в. немецким ученым А. Гумбольдтом. Под Центральной Азией он подразумевал район внутренней части Азиатского материка, расположенный на 5 градусов к северу и югу от 44 1/2 градуса с. ш. Содержание этого понятия со временем изменилось. Авторы настоящего сборника, как принято в советской науке, называют так район Внутренней Азии, границами которого являются Алтай — на севере, Тибет — на юге, Памир — на западе, Хинган — на востоке. Подробнее об этом термине см.: *Гафуров Б. Г., Мирошников Л. И.* Изучение цивилизаций Центральной Азии. М., 1976.

дарства, с государствами и народами Сибири. Центральной и Средней Азии — Могулистаном, государством Шайбанидов и позднее возникшими на его месте Кокандским и Хивинским ханствами и Бухарским эмиратом, Джунгарским ханством, Киргизией и Восточным Туркестаном. Этот огромный регион жил единой экономической, политической и культурной жизнью, являясь одним из узловых центров международных отношений на Востоке. Изучение этих связей — важная задача советских исследователей.

В структурном плане сборник состоит из двух разделов: историографии и источниковедения — первый раздел и истории — второй. Историографическая часть представлена статьей члена-корреспондента АН КазССР Р. Б. Сулейменова «Внешнеполитические связи Казахстана XVI—XVIII вв. в советской историографии». Автор отмечает, что это первая в советской казахстанской историографии попытка показать степень изученности такой большой и сложной проблемы, как роль и место казахских ханств в международной жизни Азии, вскрыть имеющиеся трудности и наметить пути их преодоления.

Автор проанализировал состояние источниковедческой базы, на которой основываются исследования по внешнеполитическим связям Казахстана в рассматриваемый период, в общих чертах показал, как закладывался этот фундамент усилиями нескольких поколений советских, в том числе и казахстанских, ученых, рассказал о работе, проводимой в этом направлении флагманом исторической науки республики — Институтом истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР.

Обзор исследований внешнеполитических связей казахов в позднее средневековье и в новое время Р. Б. Сулейменов начинает с трудов академика В. В. Бартольда, подчеркнув, что выдающийся востоковед, по сути дела, заложил основы научного изучения истории Средней Азии и Казахстана. Перу В. В. Бартольда принадлежит свыше 600 монографий, статей, рецензий и заметок, во многих из них в той или иной степени освещаются вопросы внешнеполитической истории казахов.

Р. Б. Сулейменов проследил, как постепенно советские историки А. А. Семенов, А. П. Чулошников, А. Ф. Миллер, С. К. Ибрагимов и другие ученые раз-

рабатывали узловые вопросы международных отношений государств Средней и Центральной Азии, постоянно расширяя фронт исторических исследований, вовлекая в научный оборот новый документальный и нарративный материал. Автор статьи сгруппировал анализируемые им работы по хронологическому и территориальному признаку. Вначале он разбирает книги, статьи, диссертации, посвященные изучению казахско-среднеазиатских отношений (Т. И. Султанова, М. Х. Абусеитовой, Т. К. Бейсембиева, О. Д. Чехович, Б. А. Ахмедова и др.), затем труды, посвященные западным соседям казахов — Кашгарии, Джунгарии, Китаю. Автор показывает вклад в изучение политических и торговых связей Казахстана с названными странами таких советских историков, как Б. П. Гуревич, Ш. Б. Чимитдоржиев, В. С. Кузнецов, И. Я. Златкин, В. П. Юдин, К. А. Пищулина, О. Ф. Акимушкин, А. С. Сабырханов, Е. И. Кычанов, К. Ш. Хафизова, В. А. Моисеев, Г. В. Мелихов, В. С. Мясников, критически разбирает отдельные работы некоторых из них.

Отдельные моменты взаимоотношений казахских ханств со своими соседями затрагиваются и в исследованиях, посвященных истории присоединения Казахстана к России. В этой связи Р. Б. Сулейменов коротко остановился на работах по данной проблематике, изданных в 70-е — начале 80-х гг. Автор дал оценку совместной работе казахстанских ученых Б. С. Сулейменова и В. Я. Басина «Казахстан в составе России в XVIII — начале XX века» (Алма-Ата, 1981), исследованиям Б. А. Тулепбаева, Н. В. Алексеенко, Н. Е. Бекмахановой, Т. Ж. Шоинбаева, Н. Г. Аполловой, Ж. К. Касымбаева, проанализировал материалы Всесоюзной конференции «Прогрессивная роль России в исторических судьбах народов Казахстана», посвященной 250-летию начала добровольного присоединения Казахстана к России.

Автор в заключение подчеркнул, что в изучении проблемы внешнеполитических, экономических и культурных связей Казахстана с соседними странами и народами хотя и достигнуты определенные результаты, предстоит сделать еще много, привлекая при этом новые источники.

В сборнике представлены статьи, основанные на материалах восточных источников, русских архивных документов XVI—XVIII вв., позволяющих, в частности, точнее, объективнее судить о событийной, культурной и социально-экономической истории Казахстана и Центральной Азии, в том числе Советской Средней Азии. В значительной мере лишь на базе широкого изучения восточных источников возможно заполнить пробел в области источниковедения XVI—XVII вв. Такое изучение затруднено неравноценностью различных категорий разноязычных источников, поэтому заслуживают поощрения все конкретные разработки, выявляющие и анализирующие свидетельства источников и расширяющие тем самым источниковую базу. Статьи настоящего сборника как раз и основаны на исследовании конкретных малоизвестных письменных источников и посвящены рассмотрению ряда аспектов средневековой и новой истории региона. В книгу вошли три статьи источниковедческого характера: «„Бахр ал-асрар" Махмуда ибн Вали как источник по социально-экономической истории Восточного Туркестана XVI—XVII вв.» К. А. Пищулиной, «Сведения китайских источников о хозяйственной жизни киргизов в XVIII в.» киргизских ученых М. Я. Сушанло и Г. П. Супруненко, «Легенда о происхождении кокандских ханов как источник по истории идеологии в Средней Азии (на материалах сочинений кокандской историографии)» Т. К. Бейсембиева.

Исторический раздел представлен также тремя работами. В статье В. П. Юдина «Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая...» исследуется этимология названий таких кочевых государственных образований, как вышеназванные, а также некоторых других: Старшей, Средней, Младшей, Мамаевой, Муратовой, Ногайской, Казачьей (Казахской) орд. Устанавливается время возникновения и причины разделения их. Статья построена в основном на показаниях восточных источников, среди которых имеются еще не введенные в научный оборот, учтены также данные многочисленной специальной литературы.

Воссозданию сложной картины взаимоотношений казахских ханств с соседними государствами и народами посвящена статья М. Х. Абусеитовой «Из истории внешнеполитических связей Казахского ханства с соседними государствами во второй половине XVI в.». Автор приво-

дит ряд новых фактов, позволяющих уточнить некоторые события того времени, которые почерпнуты им из персоязычных источников.

Характер взаимоотношений правителей Среднего и Младшего казахских жузов с государством западных монголов-ойратов — Джунгарским ханством, причины военных вторжений ойратских феодалов в Казахстан в 30—40-х гг. XVIII в. — предмет исследования В. А. Моисеева.

Таким образом, основная задача, которую поставили перед собой авторы сборника, состояла в том, чтобы ввести в научный оборот большую группу мало и даже совсем неизвестных источников по социально-экономической, внутри- и внешнеполитической истории Казахстана и сопредельных с ним государств и народов, осветить некоторые вопросы истории международных отношений Казахстана в XVI—XVIII вв., приступить к разработке историографии казахстанского востоковедения. Авторский коллектив рассматривает этот сборник как начало своей работы в области источниковедения, историографии и истории Казахстана и сопредельных стран Востока.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Р. Б. СУЛЕЙМЕНОВ

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ КАЗАХСТАНА XVI—XVIII вв. В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

История как отрасль человеческого знания не может развиваться, не познавая самое себя. Проследить поступательный ход развития этой общественной науки, показать достижения советской историографии в изучении внешнеполитических связей Казахстана в период от образования и укрепления Казахского ханства и до начального этапа его присоединения к России, наметить контуры дальнейших исследований в этой области — цель настоящего историографического обзора.

Положение дел в исторической науке Казахстана, степень разработанности тех или иных научных проблем всегда были в поле зрения советских историков[1]. Несмотря на очевидные достижения казахстанской советской историографии[2], к сожалению, до настоящего времени не предпринималось даже попыток проанализировать историографию внешней политики казахских

[1] Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС. М., 1982; Итоги и задачи изучения внешней политики России. М., 1981.

[2] *Бекмаханова Н. Е.* История дореволюционного Казахстана в новейшей советской литературе: (1968—1971 гг.). — Вопросы истории, 1982, № 10; *Дахшлейгер Г. Ф.* Историография Советского Казахстана. Алма-Ата, 1969; *Он же.* В. И. Ленин и проблемы казахстанской историографии. Алма-Ата, 1973; *Нусупбеков А. Н.* Основные вехи и некоторые итоги развития исторической науки в Казахстане. — Известия АН КазССР. Серия общественных наук, 1981, № 1.

ханств, показать степень изученности этой проблемы, вскрыть имеющиеся трудности и пути их преодоления. Внешнеполитические связи казахов в позднее средневековье — большая, важная проблема, без ее разрешения не могут быть правильно поняты многие события истории не только казахского, но и других народов Азии.

Изучение роли и места Казахстана в международной жизни в названный период базируется на определенном источниковом фундаменте, который закладывался в течение нескольких десятилетий. Уже в первые годы зарождения казахстанской советской исторической науки остро встал вопрос об источниковой базе исследований, о выявлении и введении в научный оборот документов русских архивов, восточных хроник и сочинений, материалов западноевропейских путешественников. Русский архивный материал, собранный и хранящийся в центральных и областных архивах (Архиве внешней политики России при МИД СССР, Центральном государственном архиве древних актов, Центральном государственном военно-историческом архиве, Центральном государственном историческом архиве, Архиве Академии наук СССР, Центральном государственном архиве Казахской ССР, Государственном архиве Омской области, Государственном архиве Оренбургской области и др.), представлял собой исключительно важный интерес не только для воссоздания истории добровольного вхождения Казахстана в состав Российской империи, но и для успешного решения многих проблем социально-экономического и политического развития края. Статейные списки, дневники, «сказки» посланцев царского правительства и местной оренбургской и сибирской администрации к казахским ханам, султанам и старшинам, правительственные распоряжения и переписка казахских феодалов с царскими чиновниками и двором, таможенные ведомости и записки участников научных экспедиций в казахские степи — эти и другие материалы постепенно извлекались из архивных недр и становились достоянием широкой научной общественности. Большую помощь в этой кропотливой и трудоемкой работе по выявлению и подготовке к печати нужных документов и материалов оказали Казахстану и республикам Средней Азии ученые Москвы и Ленинграда. Так, Ленинградским отделением Института истории АН

СССР была подготовлена серия томов под названием «Материалы по истории Казахской ССР». Из этой серии в 1940 г. под руководством М. П. Вяткина был издан 4-й том, охватывающий период с 80-х гг. XVIII в. по 20-е гг. XIX столетия [3]. А несколько ранее известные советские ученые С. Д. Асфендиаров и П. А. Кунте издали сборник извлечений и материалов из работ античных и средневековых восточных авторов, отрывки из книг европейских путешественников и выдержки из русских архивных документов, содержащих разнообразные сведения о казахах и их исторических предках [4]. В сборник вошли сведения и о внешнеполитических контактах казахов: их борьба с Шайбанидами, калмыками. М. П. Вяткин и В. Лебедев опубликовали подборку русских архивных документов, раскрывающих процесс сближения Казахстана с Россией в XVIII в. [5]

Укрепление материальной базы АН КазССР и увеличение числа квалифицированных кадров историков позволили в 1946 г. создать Институт истории, археологии и этнографии, ставший ведущим центром исторических исследований в республике. Это позволило сконцентрировать и направить значительные научные силы на расширение фронта источниковедческих исследований, в том числе и по внешнеполитическим связям казахов.

Среди книг, изданных в конце 40-х гг., нужно выделить совместную работу Ф. Киреева и Н. Зинина [6] и публикацию М. П. Вяткиным второго тома «Материалов по истории Казахской ССР»[7]. Однако все эти подборки документов, хотя и дополняли отдельные аспекты исторического прошлого казахского народа, однако носили

---

[3] Материалы по истории Казахской ССР. М.; Л., 1940, т. 4.

[4] Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Сб. 1: (V в. до н. э. — XVIII в. н. э.)/Под ред. проф. С. Д. Асфендиарова и проф. П. А. Кунте. Москва; Алма-Ата, 1935.

[5] *Вяткин М. П.* «Сказки» XVIII века как источник для истории Казахстана: Проблемы источниковедения. М.; Л., 1940; *Лебедев В.* Из истории сношений казахов с царской Россией в XVIII в. — Красный архив, 1936, № 5 (78).

[6] *Киреев Ф., Зинин Н.* К истории торговых и дипломатических взаимоотношений дореволюционного Казахстана с другими странами: (Обзор архивов). — Известия Казфилиала АН СССР. Серия истор., 1946, № 2 (27).

[7] Материалы по истории Казахской ССР. Т. 2, ч. 2: (1741—1751 гг.). Алма-Ата, 1948.

бессистемный, порой даже случайный характер и не позволяли не только глубоко и всесторонне изучить внутреннее и международное положение Казахстана, но даже воссоздать картину присоединения Казахстана к России. К тому же некоторые из этих публикаций были выполнены на низком научном уровне, без критического исследования документов, без необходимых комментариев и научно-справочного аппарата. Со временем эти сборники, издаваемые, как правило, небольшими тиражами, стали библиографической редкостью. В связи с этим во второй половине 50-х гг. Институтом истории, археологии и этнографии АН КазССР и Центральным государственным архивом КазССР была проделана большая работа по выявлению в архивах страны документального материала по истории дореволюционного Казахстана. Группа специалистов Института и госархива (А. К. Алейникова, В. Я. Басин, Ф. Н. Киреев, Г. И. Семенюк, Т. Ж. Шоинбаев и др.) после многолетней поисковой работы подготовила и опубликовала в начале 60-х гг. два тома материалов и документов по истории казахско-русских отношений в XVI—XIX вв., заложив прочный фундамент для объективного научного изучения не только истории присоединения Казахстана к России, но и многих других проблем [8].

В эти же годы коллектив Института истории проделал работу по выявлению и публикации собрания сочинений казахского ученого XIX столетия Ч. Ч. Валиханова. В него вошли выявленные Ч. Ч. Валихановым подборки архивных документов о взаимоотношениях казахских ханств с государствами Средней Азии, джунгарами, Россией и Китаем. Подлинники многих из этих документов до настоящего времени не сохранились, что повышает научную значимость сохраненных Ч. Ч. Валихановым документов [9].

Наряду с выявлением и публикацией архивных материалов велась работа по вовлечению в научный оборот различного рода записок путешественников и ученых, изучению научного наследия дореволюционных исследо-

---

[8] Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках: (Сборник документов и материалов). Алма-Ата, 1961; Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках: (Сборник документов и материалов). Алма-Ата, 1964.

[9] *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч.: В 5-ти т. Алма-Ата, 1961.

вателей истории казахского народа И. К. Кирилова, В. Н. Татищева, П. И. Рычкова, Н. П. Рычкова, А. И. Тевкелева и др., существенным образом дополняющих показания документов, раскрывающих различные стороны русско-казахских отношений в XVIII в.[10]

Однако по мере творческого роста казахстанской исторической науки, расширения диапазона ее исследований и дальнейшей специализации становилось все более очевидным, что для исследования многих кардинальных проблем древности и средневековья и отчасти новой истории казахского народа начиная от вопросов этногенеза вплоть до завершения присоединения к России необходимо широко привлекать восточные хроники и сочинения, составители которых сами являлись не только свидетелями, но и участниками описываемых событий. С этой целью в 60-е гг. казахстанские востоковеды проделали значительную работу по выявлению, переводу и комментированию тюркских и персидских сочинений, подготовили и опубликовали ценный научный труд «Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков»[11].

В сборник вошли извлечения из 16 персо- и тюркоязычных сочинений и 4 вакуфных документа. Для изучения внешнеполитической истории Казахстана рассматриваемого периода важное значение имеют выполненные В. П. Юдиным переводы извлечений из «Та'рих» Шах Махмуд ибн Мирза Фазил Чораса, «Бадаи ал-вакаи» Васифи, «Тарих-и Кипчаки» Кипчак-хана, анонимного сочинения «Тарих-и Кашгар», а также из сочинений «Та'рих-и Рашиди» Мирза Мухаммад Хайдара (перевод К. А. Пищулиной и Н. Н. Мингулова) и «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар» Махмуда ибн Вали (перевод К. А. Пищулиной). Особую ценность представляют источниковедческие статьи В. П. Юдина ко всем

[10] См.: *Бижанов М.* Казахстан второй четверти XVIII века в трудах и записках русских исследователей. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1968; *Ерофеева И. В.* Казахстан второй половины XVIII — первой четверти XIX в. в трудах и записках русских ученых и путешественников. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1980.

[11] Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков: (Извлечения из персидских и тюркских сочинений)/Составители: С. К. Ибрагимов, Н. Н. Мингулов, К. А. Пищулина, В. П. Юдин, Алма-Ата, 1969.

источникам, вошедшим в «Материалы», в которых автору удалось решить некоторые вопросы историко-источниковедческого характера и поставить ряд проблем истории внешнеполитических связей казахов.

Самостоятельное научное значение имеют статьи В. П. Юдина, посвященные анализу малоизученных и ранее не привлекавшихся для изучения истории Казахстана рукописей, в частности «Тарих-и Шайбани», «Зийа ал-Кулуб» Мухаммад Аваза и др.[12] Им также предложена классификация восточных источников, учитывающая социально-политические тенденции, содержание и т. д.[13] Выполненные на высоком научном уровне переводы отрывков из этих сочинений имеют важное значение для воссоздания истории отношений казахов с народами Средней Азии в XVI—XVII вв., определения роли суфийских шейхов в распространении ислама среди казахов.

В 1974 г. в Институте истории, археологии и этнографии АН КазССР был создан отдел древней и средневековой истории Казахстана, укомплектованный сотрудниками, имеющими специальное востоковедческое образование[14]. Перед востоковедами института была поставлена задача ввести в научный обиход новые или малоизвестные источники на арабском, персидском, тюркском и китайском языках. За прошедшее время их усилиями значительно пополнена источниковая база казахстаники, подготовлен ряд статей источниковедческого характера[15].

---

[12] *Юдин В. П.* «Тарих- и Шайбани» как источник по истории казахского и каракалпакского народов XVI—XVII вв. — В кн.: Тезисы докладов научной конференции профессорско-препод. состава, посвященной XXIV съезду КПСС. Алма-Ата, 1971, с. 155—157; *Он же.* Известия «Зийа-ал-кулуб» Мухаммад Аваза о казахах XVI века. — Вестник АН КазССР, 1966, № 5, с. 71—76; *Он же.* Рец. на: *Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков. М., 1965. — Известия АН КазССР. Серия обществ., 1966, № 2, с. 85—89.

[13] *Юдин В. П.* Статья к «Шараф-наме-йи шахи». — МИКХ, с. 241—245.

[14] Об исследованиях отдела см.: Народы Азии и Африки, 1982, № 6.

[15] *Ибрагимов С. К.* «Михман-наме-и Бухара» Рузбехана как источник по истории Казахстана XV—XVI вв. — В кн.: Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана: Труды ИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1960, № 8; *Он же.* Некоторые данные к истории казахов XV—XVI вв. — Известия АН КазССР. Серия историч., 1956, вып. 3; *Он же.* Новые материалы по истории Казах-

Безусловно, важное значение для исследования проблем истории Казахстана имеет источниковедческая работа, проводимая учеными Москвы, Ленинграда, республиканских научных центров. Уже в 1932 г. усилиями московских и ленинградских историков были подготовлены «Материалы по истории Узбекской, Туркменской и Таджикской ССР»[16]. Известный советский востоковед П. П. Иванов подготовил и опубликовал материалы, освещающие взаимоотношения каракалпаков с казахами и среднеазиатскими ханствами[17]. Под руководством А. П. Чулошникова начался сбор материалов для десятитомника документов по истории Башкирии[18].

Востоковеды Советских республик Средней Азии проделали большую работу по переводу восточных сочинений. В 1938 г. группой советских востоковедов издается интересная работа по истории Туркмении. В материалах книги имеются ценные сведения по исто-

стана XV—XVI вв. — В кн.: История СССР, 1960, № 4; *Он же.* Некоторые источники по истории Казахстана XV—XVI вв. — Вестник АН КазССР, 1956, № 9; *Юдин В. П.* Рец. на: *Мугинов А. М.* Описание уйгурских рукописей Института народов Азии АН СССР. М., 1962. — Известия АН КазССР. Серия обществ. наук, 1965, вып. 2; *Хафизова К. Ш.* «Пиньдин чжуньгээр фанлюе» как источник по истории взаимоотношений Цинской империи с казахскими ханствами во второй половине XVIII в. — В кн.: Тезисы докладов молодых научных сотрудников Института востоковедения АН СССР. М., 1972; *Она же.* «Чоубань иу шимо» как источник по истории казахов в XIX в. — В кн.: X научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тезисы и доклады. М., 1979; *Абусеитова М. Х.* «Ахсан ат-таварих» Хасан-бека Румлу как источник по истории казахских ханств. — В кн.: Письменные памятники и проблемы истории народов Востока: XII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. М., 1977; *Она же.* О ташкентском и ленинградском списках «Мусаххир ал-билад». — В кн.: XIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. М., 1977; *Она же.* Некоторые сведения «Шараф-наме-ий шахи» о ташкентском восстании 1588 года. — Вестник АН КазССР, 1978, № 10; *Она же.* «Мусаххир ал-билад» Мухаммадйар бен-араб Катагана как источник по истории Казахстана XVI века. — В кн.: Письменные памятники Востока: история, филология. М., 1979; *Пищулина К. А.* Письменные восточные источники о присырдарьинских городах Казахстана XIV—XVII вв. — В кн.: Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии: Материалы всесоюзного совещания. 13—15 мая 1981 г. Алма-Ата, 1983.

[16] Материалы по истории Узбекской, Туркменской и Таджикской ССР. М.: Л., 1932, т. 1, вып. 3.

[17] *Иванов П. П.* Очерк истории каракалпаков. — В кн.: Материалы по истории каракалпаков: Труды Института востоковедения АН СССР. М.; Л., 1935, т. VII.

[18] Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л., 1936, ч. 1.

рии среднеазиатско-казахских связей, извлеченные из различных персо- и тюркоязычных рукописей [19]. В 1956 г. А. А. Семенов перевел и опубликовал Муким-ханскую историю Мухаммеда Юсуфа Мунши [20] и ряд других ценных источников. Известный советский тюрколог А. Н. Кононов издал сочинение хивинского хана Абул-Гази «Родословная туркмен», содержащее сведения об образовании собственно Казахского ханства и его борьбе с правителями Мавераннахра Шайбанидами [21].

В начале 70-х гг. собрание переведенных и изданных восточных рукописей и материалов пополнилось обширным сводом извлечений из арабских, персидских и тюркских источников X—XIX вв., в которых нашли отражение различные события политической истории народов Средней и Центральной Азии на протяжении многих столетий [22]. Из последних работ советских ученых необходимо отметить издание О. Ф. Акимушкиным «Хроники» Шах-Махмуда Чураса, рассказывающей о бурных и трагических событиях, происходивших в Восточном Туркестане и на прилегающих территориях в XVI—XVII столетиях [23], и статью М. Кутлукова «Рукописи и документы по истории Восточного Туркестана в XVI — 60-х гг. XIX в. и его взаимосвязи со Средней Азией»[24], в которой автор стремится осветить на основе некоторых рукописных источников и документальных материалов, хранящихся в рукописном фонде ИВ АН УзССР, некоторые аспекты истории Восточного Туркестана XVI—XIX вв. и его тесные связи со Средней Азией.

---

[19] Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 2: XVI—XIX вв. Иранские, бухарские и хивинские источники/Под ред. В. В. Струве, А. К. Боровкова, А. А. Ромаскевича и П. П. Иванова. М.; Л., 1938.

[20] *Мухаммед Юсуф Мунши.* Муким-ханская история/Пер. с тадж., предисл., примеч. и указ. А. А. Семенова. Ташкент, 1956; *Он же.* Амин-и Бухари Мир Мухаммед. Убайдулла-наме/Пер. с тадж., примеч. А. А. Семенова. Ташкент, 1957; *Он же.* Абдуррахмани Тали. История Абулфейизхана/Пер. с тадж., предисл., примеч. и указ. А. А. Семенова. Ташкент, 1959.

[21] *Кононов А. Н.* Родословная туркмен. Сочинение Абул-Гази, хана хивинского. М.; Л., 1958.

[22] Материалы по истории киргизов и Киргизии/Под. ред. А. А. Ромодина. М., 1973, вып. 1.

[23] *Шах-Махмуд Чурас.* Хроника/ Критич. текст. перев., коммент., исслед. и указ. О. Ф. Акимушкина. М., 1976.

[24] Актуальные проблемы советского уйгуроведения. Алма-Ата, 1983, с. 202—208.

Обзор источников, в той или иной степени касающихся внешнеполитических связей казахов, опубликованных советскими историками, конечно же, далеко не полон. Мы остановились лишь на наиболее значительных работах, явившихся основой для разработки многих узловых вопросов политической истории региона [25].

Большой вклад в советскую историографию Казахстана и Средней Азии внес В. В. Бартольд. Выдающийся востоковед, он значительно обогатил русское и советское востоковедение своими трудами. «В. В. Бартольдом был заложен фундамент научного изучения истории Средней Азии в раннем средневековье. В дальнейшем он исследовал историю Средней Азии эпохи Тимура и Тимуридов, историческую географию Средней Азии, историю ее экономики и культуры, а также историю отдельных населявших ее народов. В мировой науке трудно найти другого такого ученого, который сделал бы так много для изучения одной страны, по существу, создав ее историю, для чего обычно требовалась работа ряда поколений исследователей»[26]. За 42 года своей научной деятельности В. В. Бартольд опубликовал свыше 600 монографий, статей, рецензий и заметок, многие из которых имеют непосредственное отношение к затронутому нами вопросу. Среди них «Очерк истории Семиречья»[27], в котором он впервые дал связное, систематическое изложение истории края и его населения. Многие вопросы внешнеполитической истории Казахстана рассматриваются в основном в связи с историческими судьбами народов Средней Азии [28]. В «Отчетах» В. В. Бартольда о его научных командировках в Среднюю Азию впервые был введен в науку целый ряд первоклассных источников, относящихся к истории Шайбанидов и Аш-

---

[25] Подробнее см.: *Лунин Б. В.* Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Ташкент, 1965.

[26] *Бартольд В. В.* От редакционной коллегии по изданию «Сочинений» академика В. В. Бартольда. — Соч. М., 1963, т. 1, с. 6.

[27] *Бартольд В. В.* Очерк истории Семиречья. — Соч. М., 1963, т. 2, ч. 1.

[28] *Бартольд В. В.* История турецко-монгольских народов. — Соч. М., 1968, т. 5; *Он же.* История культурной жизни Туркестана — Соч. М., 1963, т. 2, ч. 1; *Он же.* К истории орошения Туркестана. — Соч. М., 1965, т. 3; *Он же.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. — Соч. М., 1968, т. 5; *Он же.* Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времен до XVII века. — Соч. М., 1965, т. 3.

тарханидов, в частности «Фатх-наме» Шади, «Зубдат ал-асар» Абдаллаха Насраллахи, «Бахр ал-асрар» Махмуда ибн Вали [29].

В исследовании истории и культуры Средней Азии и Казахстана в средние века значительную роль сыграл уже упоминавшийся нами А. А. Семенов. В ряде своих работ он довольно подробно освещает историю династии Шайбанидов, ее внешнеполитические связи с соседними странами, в том числе с Казахстаном [30].

Особый интерес, хотя теперь уже чисто историографический, представляют работы А. П. Чулошникова, прежде всего его «Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен»[31]. Автор затрагивает вопросы политической, хозяйственной и общественной истории казахов в XVI—XVIII вв., рассматривает внешнеполитические связи казахских ханств при Хакк-Назаре, Шигае, Таваккуле с киргизами, Шайбанидами, ногаями, Русским государством [32].

Борьбе казахов за бассейн Сырдарьи во второй половине XVI в. посвящена статья А. Ф. Миллера «Международное положение Казахстана во второй половине XVI века». Узость источниковой базы, степень разработанности этой проблемы в научной литературе, да и рамки статьи не позволили ему дать развернутую картину международных связей Казахстана в рассматриваемый им период [33].

Важными для изучения истории казахов XVI—XVIII вв. являются работы П. П. Иванова. В своем труде «Очерки по истории Средней Азии (XVI — сере-

---

[29] *Бартольд В. В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью: (1893—1894 гг.). — Соч. М., 1966, т. 4; *Он же.* Отчет о командировке в Туркестан: (лето 1902 г.). — Соч. М., 1973, т. 8.

[30] *Семенов А. А.* К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана. Сталинабад, 1954, вып. 1; *Он же,* Шейбани-хан и завоевание им империи Тимуридов. Сталинабад, 1954, вып. 1.

[31] *Чулошников А. П.* Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Оренбург, 1924, ч. 1.

[32] *Чулошников А. П.* Казахский союз и Московское государство в конце XVIII в. — Известия АН СССР. Серия обществ. наук, 1936, № 6.

[33] *Миллер А. Ф.* Международное положение Казахстана во второй половине XVI века. — Исторический журнал, 1942, № 8.

дина XIX в.)[34] он показывает исторический фон, на котором разворачиваются события истории народов не только Средней Азии, но и Казахстана, рассказывает об истории взаимоотношений кочевников и оседлых, анализирует проблему этногенеза народов региона.

Заканчивая краткий разбор научной литературы, изданной в Советских республиках Средней Азии, нельзя не упомянуть о трудах известного востоковеда Б. А. Ахмедова, которые содержат обширный и ценный фактический материал, извлеченный из восточных источников и конкретизирующий историю взаимоотношений народов и государственных образований Средней Азии в XIV—XVI вв.[35]

Казахстанские историки также внесли значительный вклад в изучение проблемы международных отношений и внешнеполитической борьбы в Центральной и Средней Азии в позднее средневековье. В общем плане внешнеполитическая история казахских ханств в XV—XVI вв. рассматривалась в статьях С. К. Ибрагимова [36].

Основные моменты из истории внешнеторговых связей казахов в XVIII в. представлены в статье С. К. Ибрагимова «Из истории внешнеторговых связей казахов в XVIII в.». Автор приходит к выводу, что в этот период казахи имели широкие торговые связи. Сведения о торговле казахов с Россией взяты С. К. Ибрагимовым как сравнительный материал, чтобы показать место Средней Азии и Китая во внешнеторговых связях казахов в XVIII в. Однако мнение С. К. Ибрагимова, что Средняя Азия уже в XVI—XVII вв. не могла удовлетворить потребностей казахов в качестве рынка сбыта скота и источника снабжения промышленными изделиями и поэтому в XVIII в. была оттеснена на задний план, а главную роль в их внешних торговых связях стала играть Россия, оказалось ошибочным. Так, В. С. Батраков в своей статье «К вопросу о торговых связях казахов со Средней

---

[34] *Иванов П. П.* Очерки по истории Средней Азии: (XVI — середина XIX в.). М., 1958.

[35] *Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков. М., 1965.

[36] *Ибрагимов С. К.* Некоторые данные к истории казахов XV—XVI веков. — Известия АН КазССР. Сер. ист., эконом., философ., права, 1956, вып. 3; *Он же.* Из истории внешнеторговых связей казахов в XVIII в. — Ученые записки Института востоковедения АН СССР. М., 1958, т. 19.

Азией и Россией в XVIII веке» доказал, что торговые связи казахов со Средней Азией были гораздо более значительными и развитыми. С. К. Ибрагимовым было задумано издание сборника «Материалы по истории казахских ханств в XV—XVIII вв.». Эта работа, как уже говорилось выше, была завершена под руководством В. П. Юдина в конце 60-х гг.

Борьба казахов с Моголистаном в XVI—XVII вв.— предмет исследований О. Ф. Акимушкина. Привлекая и сопоставляя сведения, почерпнутые из различных источников на персидском, таджикском и тюркском языках, автор попытался проследить узбеко-моголо-казахские отношения на протяжении 100—130 лет и выяснить, каким образом изменение этих отношений отражалось на внешнеполитическом курсе правителей Могольского государства. Попытка, на наш взгляд, оказалась успешной [37].

Плодотворно работает в области изучения внешнеполитических связей Казахстана К. А. Пищулина. Ее перу принадлежит интересная работа «Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV—XVII веках», в которой она дает характеристику хозяйственного и военно-политического значения этих городов Туркестана для казахских ханств того времени [38]. На основе широкого круга источников автор воссоздает упорную многолетнюю борьбу между казахскими и среднеазиатскими феодалами за обладание этими городами, анализирует причины упадка и постепенного затухания жизни во многих из них в начале XVIII в.

Высокую оценку научной общественности получила монография К. А. Пищулиной «Юго-Восточный Казах-

---

[37] *Акимушкин О. Ф.* К вопросу о внешнеполитических связях Могольского государства с узбеками и казахами в 30-х годах XVI в.—60-х годах XVII в.— Палестинский сборник. Л., 1970, вып. 21/84; *Батраков В. С.* К вопросу о торговых связях казахов со Средней Азией и Россией в XVIII веке.— В кн.: Материалы по истории Средней Азии: Научные труды ТашГУ. Ташкент, 1966, вып. 281.

[38] *Пищулина К. А.* Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV—XVII веках.— В кн.: Казахстан в XV—XVIII веках. Алма-Ата, 1969; См. также: *Пищулина К. А.* Борьба казахских ханов за присырдарьинские города.— В кн.: Материалы научной конференции молодых ученых АН КазССР. Алма-Ата, 1968.

стан в середине XIV — начале XVI века»[39]. В работе на основе анализа оригинальных восточных источников исследуются сложные проблемы этногенеза казахского народа, процесс складывания собственно Казахского ханства и борьба первых его правителей с Могольским государством и Шайбанидами за свою независимость, за объединение всех казахских родов и племен в единое государственное образование.

Отдельные аспекты казахско-среднеазиатских отношений исследуются в статьях, диссертациях и монографиях казахстанских и ленинградских историков Т. И. Султанова, М. Х. Абусеитовой, Т. К. Бейсембиева, О. Д. Чехович и др. Истории кочевых племен Приаралья в XV—XVII вв. посвящена работа Т. И. Султанова, поставившего перед собой задачу исследовать «вопросы внутренней истории Узбекского улуса и Казахского ханства»[40]. Тем не менее автор приводит ряд сведений о внешнеполитической истории казахов, их отношениях с Шайбанидами. Кандидатская диссертация М. Х. Абусеитовой посвящена внешнеполитической борьбе Казахского ханства во второй половине XVI века [41]. На основе персоязычных источников, не привлекавшихся ранее исследователями прошлого казахов, таких, как «Мусаххир ал-билад», «Зафир-наме-ий Мукими», «Тарих- и Сайид Рахим», автор проследила историю взаимоотношений Казахского ханства с государствами Шайбанидов и Аштарханидов в Средней Азии, с Русским государством, осветила историю заключения политического союза казахов с киргизами, могулами, узбеками, каракалпаками, борьбу с джунгарами. Отдельные внешнеполитические события из истории казахов в XVIII в. получили отражение в статьях и диссертации Т. К. Бейсембиева о кокандской историографии [42]. О. Д. Чехович

---

[39] *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV — начале XVI века: (Вопросы политической и социально-экономической истории). Алма-Ата, 1977.

[40] *Султанов Т. И.* Кочевые племена Приаралья в XV—XVII вв. М., 1982; *Он же.* Основные вопросы истории казахского народа в XV—XVII вв. по персидским, таджикским и тюркским источникам. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1971.

[41] *Абусеитова М. Х.* Казахское ханство во второй половине XVI столетия. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1978.

[42] *Бейсембиев Т. К* «Байан-и таварих-и шахр-и Хукад» как исторический источник. — Вестник Каракалпакского филиала АН

в статьях по истории Ташкента приводит ряд фактов о борьбе за этот важный торговый и политический центр Средней Азии между казахами и узбеками [43]. Как видно из сказанного, по истории взаимоотношений казахских ханств с их южными соседями в средние века и новое время советская историография располагает рядом довольно солидных монографий и специальных статей. Этого, однако, нельзя сказать о проблеме ойрато-казахских связей, оказавших огромное влияние на ход исторических событий в Центральной и Средней Азии.

Джунгарское ханство — государство западных монголов-ойратов (в Средней Азии и Казахстане их часто называли «зенгорскими калмыками» в отличие от их сородичей волжских калмыков) возникло в начале XVII столетия в пределах нынешнего Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР и западного района МНР. В конце XVII в. отдельные локальные конфликты между ойратами и казахами переросли в упорную борьбу, в результате которой казахи вынуждены были оставить часть Семиречья и земли в бассейне р. Иртыша и отступить на запад, потеснив своих соседей в Мавераннахре и по Яику (Уралу). Несмотря на тесные и многообразные связи, существовавшие между джунгарами и казахами на протяжении нескольких веков, история их изучена к настоящему времени весьма слабо и неравномерно.

Эта проблема затрагивается в общих работах по истории Казахстана и Монголии, в ряде специальных исследований по истории Джунгарского ханства [44]. Среди исследований, специально посвященных проблеме взаимоотношений двух кочевых народов, необходимо отметить монографию бурятского ученого Ш. Б. Чимитдоржиева «Взаимоотношения Монголии и Средней Азии

УзССР, 1977, № 4; История изучения «Та'рих-и Шахрухи». — Сб. по вопросам истории, археологии и этнографии. Алма-Ата, 1978; Известия «Та'рих-и Шахрухи» о Восточном Туркестане. — В кн.: Актуальные проблемы советского уйгуроведения. Алма-Ата, 1983; «Та'рих- и Шахрухи» как исторический источник. Дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1983.

[43] *Чехович О. Д.* О некоторых вопросах истории Средней Азии XVIII—XIX вв. — Вопросы истории, 1956, № 3; *Она же.* Городское самоуправление в Ташкенте XVIII в.: История и культура народов Средней Азии: (древность и средние века). М., 1976.

[44] *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства: 1635—1758 гг. М., 1964.

в XVII—XVIII вв.» [45]. Автор, скромно назвавший свою книгу лишь «обзором монголо-среднеазиатских отношений», совершенно справедливо во введении заметил, что предпринятое им исследование «по существу является первым опытом разработки этой проблемы в нашей историографии». Ш. Б. Чимитдоржиев систематизировал уже известные в общем факты из истории ойрато-казахских отношений, но не смог раскрыть эту проблему во всей ее сложности и противоречивости.

Отношения казахских ханств с Джунгарией в 40—50-е гг. XVIII в. рассматриваются в научно-популярной книге В. С. Кузнецова «Амурсана», посвященной одному из активных участников и организаторов антицинской национально-освободительной борьбы народов Центральной Азии в середине XVIII столетия [46]. В принципе ничего нового эта работа не дает. Более того, нельзя не обратить внимания на весьма субъективный подход и трактовку автором истории ойрато-казахских отношений. Вопреки историческим фактам он изображает взаимоотношения между Джунгарским ханством и казахскими жузами как отношения перманентной вражды. В освещаемый же В. С. Кузнецовым период, период активной внешне- и внутриполитической деятельности Амурсаны, наряду с обоюдными набегами наблюдалась и тенденция к политическому союзу между отдельными группировками казахских и ойратских феодалов. Эта тенденция усилилась, когда над народами Центральной Азии нависла угроза агрессии со стороны маньчжуро-китайских захватчиков. Сошлемся на свидетельства очевидцев, дошедшие до нас в показаниях русских архивов. В 1744—1745 гг. казахи, приезжавшие по торговым делам в Семипалатинскую крепость, сообщали местным русским властям, что «ныне де у них спокойно с калмыками Галдан-Чирина (Галдан-Цэрэна — ойратского хана с 1727 по 1745 гг. — *Р. С.*) и друг другу ездят... а которые де приезжают для торгу почасту и оныя выезжают без всякого озлобления» [47]. Более того, стремясь сгладить остроту ойрато-казахских

---

[45] *Чимитдоржиев Ш. Б.* Взаимоотношения Монголии и Средней Азии в XVII—XVIII вв. М., 1979.

[46] *Кузнецов В. С.* Амурсана. Новосибирск, 1981.

[47] Архив внешней политики России (далее АВПР), ф. Зюнгарские дела, оп. 113/1, 1745 г., д. 1, л. 52.

противоречий, правители Джунгарии шли в эти годы на серьезные уступки политического и экономического характера [48].

Разумеется, история взаимоотношений ойратов и казахов не всегда была такой идиллически мирной, между ними, как уже говорилось выше, часто вспыхивали ожесточенные кровопролитные войны за пастбища, за господство над торговыми путями и рынками. Но зачем искать вражду там и тогда, где и когда ее не было.

В. С. Кузнецов, не затрудняя себя конкретно-историческим анализом причин военных столкновений джунгар и казахов в первой половине XVIII в., огульно обвиняет во всем казахов и складывает вину за развязывание войн с феодалов на народ. Например, говоря об ойрато-казахской войне 1741—1742 гг., автор пишет: «Заключив мирный договор с Пекином, Галдан-Цэрэн крепко приструнил казахских султанов, которые, воспользовавшись войной ойратов с Цинами, поспешили пройтись по беззащитным ойратским улусам. За добытую там поживу казахи потом заплатили высокую цену» (с. 6). Мы далеки от мысли оправдывать действия казахских феодалов, как, впрочем, и ойратских князей, однако хотели бы уточнить, что казахи в этих войнах были все же оборонявшейся стороной и вели борьбу с ойратскими феодалами за возвращение своих исконных кочевий и городов в Южном Казахстане, Семиречье и Тарбагатае, захваченных джунгарами. Автору «Амурсаны», конечно, не безызвестно, что 1723—1727 гг. навсегда остались в памяти казахского народа как «годы великого бедствия» («актабан шубурунды»), что в эти годы тысячи и тысячи казахских семей вынуждены были искать спасения от набегов ойратских полчищ в голодных пустынях, труднодоступных горах, бросать обжитые кочевья. Но В. С. Кузнецов изображает ойрато-казахские отношения только как взаимные набеги и грабежи. Вот его типичное рассуждение. Амурсана, намереваясь занять трон всеойратского хана, обратился за помощью к султану Среднего жуза Аблаю. «Последний просьбе о помощи не внял, зато дал себе волю в налетах на ойратские кочевья. Норовил напасть на такие улусы, где преобладали немощные старики, женщины и дети. Престарелых не брали, увозили молодых женщин. Лучших Аблай самолично отбирал для

[48] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1, 1722—1755 гг., д. 1, л. 48.

себя... Грабил Аблай где хотел, не считаясь с интересами Амурсаны» (с. 100).

Союзнические связи Амурсаны и Аблая возникли в период борьбы ойратского князя за престол в начале 50-х гг. XVIII в. Казахский султан оказывал помощь Амурсане в борьбе против конкурентов за трон, что означало и набеги на владения последних. Однако тот же Аблай помогал Амурсане формировать отряды на территории Казахстана из плененных казахскими феодалами ойратов в период борьбы Амурсаны против агрессии Цинской империи.

В. С. Кузнецов смещает акценты при показе тех или иных событий, внешне правдоподобных, но по существу неверных и противоречащих историческим фактам. Приведем еще один пример из его книги. Вести о вспыхнувших в Джунгарии распрях после смерти Галдан-Цэрэна, пишет автор, «доходили и до ушей казахских правителей и радовали их сердца. Что для ойратов плохо, для них хорошо. Хищно щурил глаза султан Аблай. По хитрости и изворотливости не было ему равных среди прочих правителей Среднего жуза. И в походах удача нередко сопутствовала ему. Нюх особый имел, знал, когда и на кого напасть. Правда, случались и промашки. Угодил однажды в плен к Галдан-Цэрэну. Выкупили его потом» (с. 10—11). Вообще султану (с. 1771 г. хану Среднего жуза) Аблаю досталось от В. С. Кузнецова больше всего. Он предстает перед читателем не как дальновидный правитель, преследующий, конечно, прежде всего свои классовые интересы, стремившийся стать всеказахским ханом, а лишь коварным «любителем курдючного сала», «с «жирными ляжками», «сопливым», «широкобедерным» и «широкожелудочным» предателем и подлецом. Кстати говоря, из описаний очевидцев хорошо известно, что Аблай внешне ничем особенным не выделялся, был среднего роста, крепкого сложения человеком. А в плен к ойратам он попал, защищая от джунгарских набегов казахские кочевья, и был освобожден Галдан-Цэрэном по требованию русского правительства.

Нельзя не отметить также, что В. С. Кузнецов впадает в противоречие с самим собой и с элементарной логикой. Действительно, если Аблай был таким хищником, то почему же Амурсана постоянно находил у него поддержку и убежище, даже в то время, когда это могло стоить ему жизни? Такого рода многочисленные передержки и искажения ничего общего с наукой не имеют.

Отдельные моменты ойрато-казахских связей освещаются в работах Е. И. Кычанова, В. А. Моисеева, А. С. Сабырханова [49]. К сожалению, каких-либо специальных конкретных исследований по этой теме пока в советской историографии нет.

Наиболее полно изученной проблемой внешних связей казахов является история присоединения Казахстана к России. Довольно обстоятельно исследованы внешнеполитические и социально-экономические предпосылки сближения и последующего вхождения казахских земель в состав Российской империи, ход, этапы и последствия этого важнейшего в истории казахского и других народов нашей страны исторического акта. Естественно, что на различных этапах становления и развития советской историографии, в том числе и ее казахстанской ветви, по мере накопления фактического материала и все более глубокого его осмысления, утверждения ленинской методологии и совершенствования методики научного исследования смещались, и довольно существенно, оценки этого явления. Критический разбор трактовки советскими историками проблем присоединения проделан Г. Ф. Дахшлейгером в его монографии «В. И. Ленин и проблемы казахстанской историографии» [50]. Поэтому остановимся лишь на разборе тех работ, которые были изданы в 70—80-е гг. и пока не подвергались критическому разбору.

Добровольное присоединение Казахстана к России стало поворотной вехой в его исторической судьбе. Из числа последних наиболее значительных работ в первую очередь, на наш взгляд, следует выделить совместный труд двух маститых казахстанских ученых Б. С. Сулей-

---

[49] *Кычанов Е. И.* Галдан-бошокту-хан. Новосибирск, 1981; *Моисеев В. А.* Джунгаро-цинские отношения и казахские ханства в первой половине XVIII в. — В кн.: XI научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тезисы и доклады. М., 1980; *Сабырханов А. С.* Динамика формирования восточных границ Казахстана. — Известия АН КазССР. Серия обществ. наук, 1978, № 4; *Он же.* Некоторые вопросы формирования этнической территории казахского народа в XVIII в. — Вестник АН КазССР, 1977, № 3.

[50] *Дахшлейгер Г. Ф.* В. И. Ленин и проблемы казахстанской историографии. Алма-Ата, 1973; См. также: *Сулейменов Б. С.* Проблемы дореволюционного Казахстана в советской историографии: (к 50-летию республики). — Вестник АН КазССР, 1968, № 1; *Сулейменов Б. С., Турта В. В., Басин В. Я.* Некоторые вопросы советской историографии присоединения Средней Азии и Казахстана к России. — Известия АН КазССР. Серия обществ. наук, 1971, № 1.

менова и В. Я. Басина «Казахстан в составе России в XVIII — начале XX века», вышедшей в издательстве «Наука» КазССР в 1981 г.[51] Авторы видели свою задачу в том, чтобы «показать истоки великого содружества русского и казахского народов, этапы, формы, сущность русско-казахских отношений... влияние России на политико-экономическое и культурное развитие края» (с. 22). Глубокое знание предмета позволило им всесторонне осветить причины присоединения, дать емкую характеристику этому сложному и противоречивому процессу, раскрыть динамику социальных изменений, происходивших в казахском обществе в ходе и после завершения вхождения казахских земель в состав Российской империи, проанализировать аграрную политику царизма в Казахстане. Несмотря на сравнительно небольшой объем книги (247 с.), Б. С. Сулейменову и В. Я. Басину удалось справиться с темой, ввести в научный оборот большую группу новых источников (тексты многих из них полностью приведены в приложении). Работа получила высокую оценку в республиканской и союзной научной печати[52]. Вместе с тем нельзя не отметить, что работе присущи и некоторые недостатки. На наш взгляд, авторы несколько недооценивают значимость и научную ценность источников на восточных языках, сосредоточивая все внимание на изучении русских архивных материалов. Внутреннюю обстановку в казахских ханствах, борьбу группировок и мнений относительно различных мероприятий царизма в Казахстане, не говоря уже о политике казахских ханов в отношении своих южных соседей, раскрыть, опираясь на этот круг источников, трудно.

Привлекло внимание научной общественности республики появление второго издания монографии Т. Ж. Шоинбаева «Добровольное вхождение казахских земель в состав России», вышедшей в издательстве «Казахстан» в 1982 г.[53] Автор прослеживает поступательный процесс присоединения Младшего, затем Среднего и Старшего жузов к России, показывает втягивание края во всероссийский торговый рынок.

---

[51] *Сулейменов Б. С., Басин В. Я.* Казахстан в составе России в XVIII — начале XX века. Алма-Ата, 1981.

[52] См.: Известия, 1981, 5 декабря; Вопросы истории, 1982, № 2; Казахстанская правда, 1981, 3 ноября.

[53] *Шоинбаев Т. Ж.* Добровольное вхождение казахских земель в состав России. Алма-Ата, 1982.

Различные вопросы присоединения Казахстана к России и его последствий попутно освещаются в ряде работ советских историков по Казахстану и Средней Азии [54].

В 1981 г. общественность нашей страны широко отметила 250-летие со дня начала добровольного присоединения Казахстана к России. В связи с этим с 28 по 30 сентября 1981 г. в столице Советского Казахстана Алма-Ате Академией наук СССР и Академией наук КазССР была проведена Всесоюзная научно-теоретическая конференция «Прогрессивная роль России в исторических судьбах народов Казахстана», в работе которой участвовали видные ученые Москвы, Ленинграда, союзных и автономных республик, общественные и государственные деятели, передовики производства. Материалы конференции были опубликованы в 1982 г. в Москве (доклады, прочитанные на пленарном заседании) и Алма-Ате [55]. Эта научная конференция явилась определенным этапом на пути постижения исторического прошлого казахского народа, в том числе его связей с сопредельными народами Востока. Об этнических, культурных, политических и торговых контактах казахского народа в средние века и новое время идет речь в докладах Р. Г. Кузеева и Н. Б. Бикбулатова «Этнические и культурные связи Казахстана и Башкирии в XVI—XVIII вв.», академика АН Узбекской ССР С. К. Камалова «Миссия Тевкелева и первое добровольное принятие каракалпаками подданства России в 1731 году», члена-корреспондента АН Туркменской ССР М. А. Аннанепесова «Укрепление связей прикаспийских казахов и туркмен с Россией в XVIII—XIX вв.», В. А. Моисеева «Политическая обстановка в Центральной и Средней Азии накануне начала присоединения Казахстана к России», Б. П. Гуревича «Россия и борьба народов Казахстана и Средней Азии против экспансии Цинской империи во второй половине XVIII — первой половине XIX вв.», В. Я. Басина «Некоторые аспекты присоединения Казахстана к России», академика АН СССР А. П. Окладникова и О. Н. Вилкова «Присоединение За-

---

[54] *Алексеенко Н. В.* Население дореволюционного Казахстана. Алма-Ата, 1981; *Бекмаханова Н. Е.* Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. М., 1980.

[55] Навеки вместе. М., 1982; Навеки вместе: К 250-летию добровольного присоединения Казахстана к России. Алма-Ата, 1982. Ряд докладов опубликован отдельно в ж. «Известия АН КазССР. Серия обществ. наук», 1982, № 3.

падной Сибири к России и развитие экономических связей с Казахстаном в XVI — первой четверти XVIII в.» и некоторых других. Уже сам перечень названий докладов и сообщений участников конференции свидетельствует о весьма широком аспекте затронутых вопросов внешнеполитической истории Казахстана накануне и в период присоединения Казахстана к России.

К юбилейной дате был приурочен выход в свет ряда сборников статей, брошюр, в которых отражены и отдельные моменты внешней политики казахских ханств [56].

Процесс вхождения в состав России восточных районов Казахстана, возникновение и развитие городских поселений в крае, хозяйственное освоение Прииртышья, связи с сопредельными странами (Монголией и Китаем) изучены советскими учеными Н. В. Алексеенко, Н. Г. Аполловой, Ж. К. Касымбаевым и др. [57]

Советская историография присоединения Казахстана к России уже сравнительно давно преодолела односторонность в трактовке и оценках этого длительного и сложного исторического процесса, выявив определенные закономерности, показав прогрессивные последствия. Однако многие вопросы изучены еще недостаточно глубоко. Не хватает нашим исследованиям конкретности, показа того, как и при каких исторических обстоятельствах присоединялись к России отдельные родоплеменные (и феодальные в то же время) подразделения Среднего и Старшего жузов. Необходимо расширить круг источников по этой теме, привлекая материалы на восточных языках.

---

[56] *Ерофеева И. В.* Истоки великого содружества. Алма-Ата, 1981; *Тулепбаев Б. А.* Плоды великой дружбы. М., 1982; Социально-экономические и исторические предпосылки и прогрессивное значение присоединения Казахстана к России: (Межвузовский сборник). Алма-Ата, 1981; *Сулейменов Б. С., Басин В. Я.* Навеки вместе. Алма-Ата, 1980.

[57] *Алексеенко Н. В.* Из истории присоединения Южного Алтая и верховьев Иртыша к России. — Ученые записки Усть-Каменогорского пед. ин-та. Усть-Каменогорск, 1959, вып. 2; *Он же.* Русская крестьянская колонизация Рудного Алтая. — В кн.: Материалы по истории Сибири: Сибирь периода феодализма. Новосибирск, 1965, вып. 2; *Аполлова Н. Г.* Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI — первой половине XIX в. М., 1976; *Касымбаев Ж. К.* Развитие городов Восточного Казахстана как центров взаимоотношений со скотоводческим русским крестьянским населением и сопредельными странами: (20-е годы XVIII — начало XX в.). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Алма-Ата, 1983.

Как внутри казахского общества, так и вне его были силы, стремившиеся сорвать или хотя бы затормозить процесс сближения и присоединения Казахстана к России. Джунгария, а затем и Цинская империя пытались повернуть ход исторического развития вспять. Проблема внешнеполитических и торговых связей империи Цин и ряда представителей феодальной казахской знати, история вторжения цинских войск в приграничные районы Казахстана, борьба за возвращение некогда захваченных джунгарами казахских кочевий — эти и многие другие вопросы уже в 50—60-х гг. затрагивались в общих работах по истории Казахской ССР, по истории присоединения края к России. Однако подлинно научное и интенсивное изучение политики империи Цин в Казахстане и Средней Азии началось по существу лишь в 70-е гг. На основе привлечения широкого круга китайских источников и отчасти русских архивных материалов эти вопросы были подняты в статьях К. Ш. Хафизовой. Она проанализировала причины и ход вторжения цинских войск в пределы Казахстана во второй половине 50-х гг. XVIII в., показала формы и методы, к которым прибегала цинская дипломатия в Центральной Азии, осветила историю взаимоотношений феодалов Среднего жуза с цинским двором во второй половине XVIII века [58].

Более широкий круг проблем политики империи Цин в Центральной Азии в XVII—XIX вв. разрабатывает В. С. Кузнецов. Ему принадлежит ряд статей по истории завоевания Цинами Джунгарии и Восточного Туркестана, национально-освободительной борьбы коренного населения Восточного Туркестана против маньчжурского владычества [59]. В 1983 г. в издательстве «Наука» Сибирско-

[58] *Хафизова К. Ш.* К характеристике политики цинского Китая в отношении казахов: (вторая половина XVIII в.). — В кн.: V научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тезисы и доклады. М., 1974; *Она же.* Россия, Китай и народы Туркестана в публицистике В. П. Васильева. — В кн.: История и культура Китая; (Сборник памяти академика В. П. Васильева). М., 1974; *Она же.* О некоторых методах цинской дипломатии в XVIII в.: (на примере политики Китая в Центральной Азии). — В кн.: VI научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тезисы и доклады. М., 1975; *Она же.* Из истории казахско-китайских отношений в 60-х гг. XVIII в.: («Урянхайское дело»). — В кн.: VIII научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тезисы и доклады. М., 1977.

[59] *Кузнецов В. С.* Казахско-китайские торговые отношения в конце XVIII века. — Вопросы истории Казахстана и Восточного Тур-

го отделения АН СССР вышла его монография «Цинская империя на рубежах Центральной Азии: (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.)»[60]. Работа посвящена исследованию политики цинского двора в отношении казахов, киргизов, Коканда, Бадахшана, припамирских и пригиндукушских владений, а также изучению взаимоотношений России и Цинской империи в Центральной Азии. Подробный критический разбор этой монографии не входит в задачу данной статьи. Ограничимся лишь некоторыми замечаниями общего характера. Безусловно, данная работа В. С. Кузнецова является серьезным вкладом в исследование проблемы «Империя Цин и народы Центральной Азии». Она базируется на прочном фундаменте многочисленных и разнообразных восточных источников и представляет собой систематическое изложение сведений, заимствованных из китайских династийных хроник и сочинений по отдельным разделам: Цинская империя — казахи, Цинская империя — Коканд и т. п. Однако автор почему-то не счел нужным перепроверять сведения используемых им источников показаниями русских архивных документов и местных тюрко- и персоязычных документов. Это привело к тому, что В. С. Кузнецов нередко попросту пересказывает своими словами версии цинской феодальной историографии. Так, в его книге практически не нашла отражения борьба казахов против цинских завоевателей, зато навязчиво проводится мысль о том, что заключение султаном Среднего жуза Аблаем перемирия с командованием цинских экспедиционных войск и обмен посольствами с цинским двором «в значительной мере облегчило империи Цин задачу окончательного покорения Джунгарии и Восточного Туркестана» (с. 25). Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что автор явно игнорирует исследования других советских ученых по ис-

кестана. Алма-Ата, 1962; *Он же.* О дипломатической практике цинского двора в сношениях с западными соседями: (2-я половина XVIII века). — В кн.: IV научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тезисы и доклады. М., 1973; *Он же.* Джунгарское ханство в 1745—1755 гг.: Н. Я. Бичурин и его вклад в русское востоковедение: (К 200-летию со дня рождения). — В кн.: Материалы конференции. М., 1977; *Он же.* Агрессия Цинской империи в Центральной Азии: (вторая половина XVII — первая половина XIX в.): — Новая и новейшая история, 1979, № 1.

[60] *Кузнецов В. С.* Цинская империя на рубежах Центральной Азии: (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1983,

следуемой им проблематике и преувеличивает собственный вклад в изучение проблемы.

Истории международных отношений в Центральной Азии в XVII—XIX вв. посвящены статьи и монография Б. П. Гуревича [61]. Проанализировав огромное количество фактов, сведений из материалов русских архивов и китайских источников, он сумел воссоздать панораму событий, разыгрывавшихся на обширных пространствах Центральной Азии в более чем двухвековой период. Автор показал установление ранних связей России с монголами и Китаем, выход России на центральноазиатские рубежи, возвышение Джунгарии и ее борьбу с империей Цин, вторжение последней в Джунгарию и Восточный Туркестан, попытки покорения Средней Азии, раскрыл многие другие аспекты истории международных связей в этом регионе Азии. Выход в свет монографии Б. П. Гуревича «Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX вв.» в 1979 г. ознаменовал определенный этап в изучении истории народов Центральной Азии, стал своеобразным подведением итогов того, что сделано советскими и зарубежными учеными в этой области исторических знаний [62]. Многочисленные факты, приводимые автором этой книги, убедительно опровергают домыслы современной зарубежной историографии о якобы имевшей место политической зависимости народов Казахстана и Киргизии от цинской династии. «Характер взаимоотношений Цинской империи с народами Казахстана и Средней Азии после завоевания Джунгарии и Восточного Туркестана, — приходит к выводу автор, — свидетельствовал о том, что Цинам так и не удалось подчинить себе казахов, киргизов, узбеков, таджиков за пределами Синьцзяна». Связи этих народов с маньчжурским

---

[61] *Гуревич Б. П.* Вторжение Цинской империи в Центральную Азию во второй половине XVIII века и политика России. — История СССР, 1973, № 2; *Он же.* Великоханьский шовинизм и некоторые вопросы истории народов Центральной Азии в XVIII—XIX веках. — Вопросы истории, 1974, № 9; *Он же.* Некоторые вопросы истории Казахстана и Средней Азии и их извращение в печати КНР — В кн.: История СССР, 1979, № 2; *Он же* (в соавторстве с В. М. Плоских). Кокандско-китайские отношения и кризис национально-колониальной политики Цинской империи в Синьцзяне. — Известия АН КиргССР, 1980, № 5.

[62] *Гуревич Б. П.* Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в. М., 1979.

двором «не выходили за рамки обычных внешнеполитических связей» (с. 186).

Отдельные моменты истории казахско-китайских отношений затрагиваются в работах советских историков (Г. В. Мелихова, Л. И. Думана, В. С. Мясникова, Н. В. Шепелевой, В. А. Моисеева, С. Л. Тихвинского и др.), посвященных внешней политике империи Цин на ее северных и западных рубежах [63].

Таким образом, в исследовании внешнеполитических связей Казахстана XVI—XVIII вв. советская историография достигла значительных успехов. Введены в оборот новые источники, с каждым годом расширяется фронт исторических исследований, повышается их качество, методологический уровень, накапливается позитивный опыт решения довольно сложных научных проблем. Наиболее полно изученными являются проблемы присоединения Казахстана к России, взаимоотношений империи Цин с казахскими ханствами и государствами Средней Азии. Однако остается еще много неизученных и спорных вопросов. Их необходимо решать уже в ближайшее время, учитывая растущий и притом не всегда здоровый интерес к ним со стороны зарубежных историков, стремящихся извратить историю казахского народа в угоду политическим конъюнктурным интересам [64]. Очень слабо изучен, например, вопрос о переселении казахов в Восточный Туркестан, политическая история Старшего жуза, история национально-освободительной борьбы казахского народа против экспансии Цинской империи и ряд других актуальных в научном и политическом отношении вопросов. Сегодня мы, к сожалению, не имеем ни одного конкретно-

---

[63] *Думан Л. И.* Аграрная политика цинского (маньчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII в. М.; Л., 1936; *Он же.* Завоевание Цинской империей Джунгарии и Восточного Туркестана. — В кн.: Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966; *Мелихов Г. В.* Экспансия Цинской империи в Приамурье и Центральной Азии. — Вопросы истории, 1974, № 7; *Моисеев В. А.* Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII в. М., 1983; *Мясников В. С., Шепелева Н. В.* Империя Цин и Россия в XVII — начале XX в.: Китай и соседи в новое и новейшее время. М., 1982; *Тихвинский С. Л.* История Китая и современность. М., 1977; *Он же.* Взаимоотношения Китая с соседними странами в новое и новейшее время и современная китайская историография. — В кн.: Китай и соседи в новое и новейшее время. М., 1982.

[64] *Садвакасов Г. С., Шалекенов У. Х.* Вопреки исторической правде. — Вестник АН КазССР, 1983, № 4.

го исторического исследования, посвященного изучению взаимоотношений казахов с Джунгарией, государствами Средней Азии, народами Сибири, Поволжья. Между тем, как справедливо подчеркивал в свое время Г. Ф. Дахшлейгер, «существует необходимость дальнейшего более глубокого изучения места Казахстана в системе внешней политики России с конца XVI по XX в. включительно на широком фоне всероссийской и мировой истории, в том числе и сопредельных стран Востока. В более объемном и доказательном рассмотрении нуждаются также вопросы истории взаимоотношений казахов с народами Средней Азии, башкирами и калмыками. В освещении этих вопросов еще не до конца преодолено некоторое упрощение, и в литературе иногда делается акцент на взаимные войны, набеги, организованные ханами, султанами и беками» [65].

Несмотря на успехи казахстанской исторической науки в этой области сделано пока еще очень мало. Назрела необходимость на основе привлечения новых источников, в том числе и народного творчества (данных казахского фольклора, эпоса, различных исторических преданий), объединив усилия ученых Москвы, Ленинграда, союзных и автономных республик, приступить к разработке конкретных, а затем и обобщающих исследований по истории внешней политики и международных отношений Казахстана и государств Средней и Центральной Азии. Географию и хронологические этапы международных отношений Казахстана, разумеется, нельзя ограничивать лишь указанными региональными и временными рамками. Известно, например, что южная и юго-восточная части Казахстана в VI—XI вв. входили после завоевания арабами Средней Азии в Арабский халифат. Древняя культура народов Средней Азии и Казахстана — этого «благоухающего» сада правоверных (из дневника арабского путешественника) — сыграла значительную роль в становлении и развитии культуры халифата, органически впитавшей в себя многое из культур других народов (греческой, иранской, индийской). В свою очередь, культурно-идеологическое влияние арабов оставило значительный след в духовной жизни народов Средней Азии и Казахстана. В этом процессе взаимовлияния, ко-

[65] *Дахшлейгер Г. Ф.* В. И. Ленин и проблемы казахстанской историографии, с. 61.

нечно, были свои плюсы и минусы, взлеты и спады, прогрессивные и регрессивные последствия. Но изучать этот процесс нужно. Заслуживает внимания также проблема истории и современного положения казахов, проживающих за пределами СССР — в КНР, МНР, Иране, Афганистане, Турции. Научно-технические, экономические и культурные связи Казахстана со странами Востока в новейшее время, изучение и пропаганда опыта строительства социализма в нашей республике, помощь Казахстана странам Азии и Африки, вставшим на путь строительства социализма, — вот далеко не полный перечень проблем, которые ждут исследователей. Предлагаемый вниманию читателей сборник статей, естественно, не может претендовать на освещение всех этих проблем, он преследует цель пополнить наши знания по истории внешнеполитических связей Казахстана в средние века и новое время.

К. А. ПИЩУЛИНА

«БАХР АЛ-АСРАР» МАХМУДА ИБН ВАЛИ КАК ИСТОЧНИК ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА XVI—XVII вв.

XVI—XVII столетия — один из сложнейших, хотя и наименее изученных периодов истории Восточного Туркестана. Образование здесь в начале этого периода обособленного государства могульских ханов-чагатаидов было теснейшим образом связано с событиями в среднеазиатско-казахстанском регионе. Большую возможность для исследования различных сторон жизни упомянутого государства в Восточном Туркестане дают сочинения среднеазиатской феодальной историографии, охватывающие события в региональном масштабе. Одним из таких сочинений является труд среднеазиатского ученого-энциклопедиста XVII в. Махмуда ибн Вали «Бахр ал-асрар фи ма-

накиб ал-ахйар» («Море тайн относительно высоких качеств добродетельных людей»). Значение этого источника для изучения истории Восточного Туркестана второй половины XVI — первой половины XVII в. показано В. В. Бартольдом [1], который систематизировал сведения Махмуда ибн Вали по ряду вопросов внутриполитической истории Восточного Туркестана этого периода и по взаимоотношениям кашгарских правителей с соседними народами — узбеками, казахами, киргизами. Впервые вводя в научный обиход этот источник, В. В. Бартольд, естественно, сосредоточил внимание в первую очередь на извлечении фактов для установления основных вех политической истории кашгарских ханов. Ценность сочинения Махмуда ибн Вали как источника для изучения социально-экономических вопросов истории Восточного Туркестана указанного времени осталась нераскрытой.

В последние годы вопросы истории Восточного Туркестана, особенно внешнеполитической, стали привлекать внимание исследователей главным образом в русле изучения общих проблем истории Центральной Азии [2]. Введен в научный оборот комплекс новых материалов. Среди других источников на восточных языках по истории стран центральноазиатского региона заняло видное место и сочинение Махмуда ибн Вали [3]. К нему обращаются специалисты по истории Средней Азии, Киргизии, Казахстана, Восточного Туркестана. Однако в целом труд Махмуда ибн Вали все еще остается малоизвестным широкому кругу историков-медиевистов, так как ни текст «Бахр ал-асрар», ни перевод, за исключением отдельных отрывков, еще не публиковались, а число списков рукописей этого сочинения в хранилищах крайне ограничено.

В предлагаемой статье основное внимание уделяется

---

[1] *Бартольд В. В.* Отчет о командировке в Туркестан. — Соч. М., 1973, т. 8, с. 119—210; о «Бахр ал-асрар» — с. 172—190.

[2] *Гуревич Б. П.* Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в. М., 1979; *Зотов О. В.* Политические отношения между Китаем и Восточным Туркестаном в XV—XVIII вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981; *Он же.* Китай и Восточный Туркестан в XV—XVI вв. — В кн.: XI научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тезисы и доклады. М., 1980, т. 2.

[3] *Мокеев А.* Политическая и этническая история северо-восточной части Средней Азии в XVII — первой половине XVII вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1979.

той части обширного труда Махмуда ибн Эмира Вали, в которой излагается столетний период истории могульских правителей Восточного Туркестана во 2-й половине XVI — 1-й половине XVII в. Выделены из источника и проанализированы сведения по малоизученным вопросам социально-экономической истории позднесредневекового Восточного Туркестана, характеризующие состояние хозяйства, общественные отношения, уровень развития местной феодальной государственности.

Обобщены данные Махмуда ибн Вали об оседлоземледельческом и кочевом скотоводческом хозяйстве и взаимосвязях населения Кашгарии и прилегающих областей, сведения по вопросам феодального землевладения и землепользования, сословно-классовой структуры местного населения, экономического и социально-правового положения податного населения и форм его феодальной эксплуатации, состояния ханской власти, характера феодальных междоусобиц, степени феодальной раздробленности в государстве могульских ханов-чагатаидов Восточного Туркестана на рубеже XVI—XVII вв.

Автор «Бахр ал-асрар» Махмуд ибн Вали, как и многие другие средневековые восточные хронисты, естественно, уделял основное внимание политической истории правивших династий, феодальной верхушки. Тем не менее внимательное изучение показывает, что его сочинение имеет определенное значение и для указанной проблемы, что весьма ценно при недостатке документальных (актовых) материалов и ограниченном количестве данных для характеристики малоизученных вопросов социально-экономической истории в нарративных, агиографических сочинениях по Восточному Туркестану, да и небольшом круге последних («Тарих» Шах Махмуд Чураса, «Тарих-и Кашгар», «Тазкира-йи ходжаган» Мухаммад-Садыка Кашгари и др.).

Краткие сведения о жизни и творчестве Махмуда ибн Вали публиковались исследователями, обращавшимися к его труду [4]. Некоторые дополнительные сведения об авторе и его труде, характеризующие исследуемую часть «Бахр ал-асрар» (шестой том), необходимо предпослать изложению темы статьи.

---

[4] *Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков. М., 1965, с. 30, 163, 164; *Он же.* Махмуд ибн Вали и его энциклопедический труд. — Общественные науки в Узбекистане, 1969, № 11, с. 62—65; Собрание

Родился Махмуд ибн Вали в Балхе в семье Эмира Вали в конце XVI в. Он был высокообразованным человеком, знатоком литературы, о чем свидетельствуют многочисленные ссылки на использованные им сочинения предшествующих авторов. Ему принадлежит ряд поэтических произведений: «Махаббат-наме», «Наджм-и сакиб», «Ахлак-и Хусайни», диван касыд и газелей и другие. В 1040 г. х. (1630—1631) Махмуд ибн Вали возвратился в Балх из семилетнего путешествия по Индии, во время которого собрал много научных сведений из книг и бесед с учеными этой страны. По поручению Надир-Мухаммада, правителя Балха и будущего хана Бухары (1642—1645) [5], Махмуд ибн Вали в 1634 г. приступил к написанию своего самого крупного произведения — «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар» [6]. Этот труд по астрологии и космографии, по географии [7] и всеобщей истории состоит из введения (فاتحه), семи томов (مجلد), из которых шесть посвящены истории, и заключения (خاتمه). Каждый из томов подразделяется на 4 отдела (ركن).

План этого обширного сочинения Махмуда ибн Вали стал известен только после обнаружения первого тома с

восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР/Под ред. А. А. Семенова. Ташкент, 1961, т. 5, оп. 3563—3565 (далее — СВР); *Султанов Т. И.* О некоторых источниках «Бахр ал-асрар». — В кн.: Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока: Краткое содержание докладов V годичной научной сессии ЛО ИВ АН СССР. Л., 1969, с. 31—33; *Юдин В. П.* «Бахр ал-асрар»: (биобиблиографическая справка). — В кн.: Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков: (извлечения из персидских и тюркских сочинений)/Сост.: С. К. Ибрагимов, Н. Н. Мингулов, К. А. Пищулина, В. П. Юдин. Алма-Ата, 1969, с. 320—328 (далее — МИКХ).

[5] МИКХ, с. 321—322.

[6] *Махмуд ибн Вали.* Бахр ал-асрар. Рук. ИВ АН УзССР, № 7418 (рук. Джурабека, см. о ней ниже), л. 139б, 211б и др.

[7] Значение «Бахр ал-асрар» как географического сочинения высоко оценил акад. И. Ю. Крачковский (*Крачковский И. Ю.* Избр. соч. М.; Л., 1957, т. 4: Арабская географическая литература, с. 534). Б. А. Ахмедов издал с кратким авторским введением комментированный перевод фрагментов из географической части труда Махмуда ибн Вали, касающихся Средней Азии, Казахстана, Восточного Туркестана, Ирана, Афганистана, Поволжья (*Махмуд ибн Вали.* Море тайн относительно доблестей благородных: (География)/Введение, пер., прим., указатели Б. А. Ахмедова. Ташкент, 1977).

предисловием автора и введением [8]. Описанная В. В. Бартольдом часть «Бахр ал-асрар» является последним, шестым, томом его всемирной истории. Он представляет наибольший интерес для исследователей истории Средней Азии, Казахстана и Восточного Туркестана. Первый отдел посвящен истории Чингисхана и его потомков в Китае и Персии; второй охватывает историю Чагатаидов Мавераннахра, Могулистана и Кашгарии; в третьем рассматривается история потомков Джучи — золотоордынских ханов и Шайбанидов; четвертый отдел посвящен истории бухарских ханов XVII в. из династии Аштарханидов. Весь труд Махмуда ибн Вали завершен около 1050 г. х. (1640—1641) [9].

В. В. Бартольд высоко оценивал сочинение Махмуда ибн Вали, относя его к тем источникам, «в которых исследователи могли бы найти наиболее подробные и достоверные сведения о прошлом страны». Он сам в ряде своих работ основывался на материалах этого автора [10]. Привлекалось сочинение «Бахр ал-асрар» в качестве источника и другими исследователями истории Центральной Азии [11].

Для изучения истории средневекового Восточного Туркестана и прилегающих областей Юго-Восточного Казахстана и Киргизии, существовавших в этом регионе государств Могулистана (Моголистана), затем Могулии (Моголии) [12] интерес представляет 2-й отдел тома 6 «Бахр

[8] СВР, т. 5, оп. 3563, 3564. Введение, 3-й и 4-й отделы т. 1 содержатся в рук. под инв. № 2372.

[9] Бахр ал-асрар, рук. Джурабека, л. 268а; МИКХ, с. 322.

[10] *Бартольд В. В.* Киргизы: (Исторический очерк). — Соч. М., 1963, т. 2, ч. 1, с. 471—543; *Он же.* Очерк истории Семиречья. Там же, с. 21—106; *Он же.* Церемониал при дворе узбецких ханов в XVII в. — Соч. М., 1964, т. 2, ч. 2, с. 388—399.

[11] Дополнительно к вышеуказанным работам В. В. Бартольда, И. Ю. Крачковского, Б. А. Ахмедова, Т. И. Султанова, А. Мокеева, см. также: *Петров К. И.* Очерки феодальных отношений у киргизов в XV—XVIII вв. Фрунзе, 1961; *Абдураимов М. А.* Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI — первой половине XIX в. Ташкент, 1966, т. 1, с. 16—18; *Акимушкин О. Ф.* К вопросу о внешнеполитических связях Могольского государства с узбеками и казахами в 30-х гг. XVI — 60-х гг. XVII вв. — Палестинский сборник. XXI. М.; Л., 1970, с. 233—248; *Он же.* Кашгарский поход узбеков при Абдаллах-хане. — Иранская филология: (Краткое изложение докладов научной конференции, посвященной 60-летию проф. А. Н. Болдырева). М., 1969, с. 5—9, и др. работы.

[12] Кратко об этих государствах см.: *Бартольд В. В.* Очерк истории Семиречья. История Могулистана в XIV — начале XVI в. по-

ал-асрар». Эта часть сочинения Махмуда ибн Вали дошла до нас полностью в рукописи № 7418 ИВ АН УзССР (листы 139 б — 239 б, всего 201 страница. Пагинация этого списка выполнена В. В. Бартольдом). Список не датирован, переписан очень неряшливо, различными почерками, с большими пропусками, часть пропусков восполнена на полях [13]. Из-за небрежности переписчика некоторые географические названия, имена собственные написаны с ошибками.

В другом списке — рук. № 1385 ИВ АН УзССР — 2-й отдел занимает 94 листа (188 страниц по 20 строчек) [14]. Список имеет дефект: отсутствует начало 2-го отдела в объеме 32 страниц, пропущены листы 85 а и 85 б. Эта рукопись также написана неряшливо, в ней много зачеркнутых слов, предложений и целых отрывков, много повторений, надписей на полях. Список предположительно датируется XVIII в.

Сочинение Махмуда ибн Вали отличается образным языком, имеет множество стихотворных вставок. Часто стихи не просто служат цветистым украшением, а несут конкретную информацию о событиях. Так, в стихах рассказано о выступлении 'Абд ар-Рашид-хана против казахов после гибели его сына 'Абд ал-Латиф-султана, в стихах изложена просьба 'Абд ал-Карим-султана к 'Абд ар-Рахим-хану о помощи против Тимур-султана [15] и т. д.

Источниками второго отдела тома 6 «Бахр ал-асрар» послужило большое количество сочинений предшество-

---

дробно освещена в кн. автора данной статьи «Юго-Восточный Казахстан в середине XIV — начале XVI в.: (Вопросы политической и социально-экономической истории)» (Алма-Ата, 1977). О названиях государств Могулистан и Могулия см.: *Юдин В. П.* О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахским и другими соседними народами. — Известия АН КазССР. Серия общественных наук, 1965, вып. 3, с. 52—65; *Он же.* [Рец. на кн.]: *Мугинов А. М.* Описание уйгурских рукописей Института народов Азии АН СССР. М., 1962. — Известия АН КазССР. Серия общественных наук, 1965, № 5, с. 81—82; *Шах Махмуд ибн Мирза Фазил Чурас.* Хроника/Критический текст, перевод, комментарии, исследование и указатели О. Ф. Акимушкина. М., 1976, с. 12, 263.

[13] См.: Бахр ал-асрар, рук. 1385, л. 9б—11а; рук. Джурабека, л. 155б, 218а и др.

[14] Вся эта рукопись состоит из 2-го и 3-го отделов и заключения т. 6. СВР, т. 5, оп. 3564.

[15] Бахр ал-асрар, рук. № 1385, л. 80а; рук. Джурабека, л. 232а. (Далее, если сноски даны на обе рукописи, листы рукописи Джурабека поставлены в скобки.)

вавших Махмуду ибн Вали авторов [16], а также устные рассказы «заслуживающих доверия лиц» и личные наблюдения автора. При этом автор сам иногда называет источники, из которых им почерпнуты те или иные сведения, нередко он критически относится к сведениям своих источников. Так, например, излагая борьбу внуков ханачагатаида Дувы Джанкши и Йисун-Тимура и подчеркивая жестокость последнего, Махмуд ибн Вали замечает: «Удивительней всего то, что автор «Зубдат ал-асар» [17] пишет о нем [Йисун-Тимуре] как о справедливом и богобоязненном государе...» [18].

При изложении взаимоотношений ханов Могулистана Тоглук-Тимура, Йлйас-Ходжи и других с правителями Мавераннахра во второй половине XIV в. Махмуд ибн Вали в значительной степени использовал труд Шараф ад-Дина Али Йазди «Зафар-наме», на который он неоднократно ссылается [19], и одноименный труд Низам ад-Дина Шами.

Основным первоисточником для Махмуда ибн Вали послужил известный труд Мирзы Мухаммад Хайдар дуглата «Та'рих-и Рашиди», написанный в 1541—1546 гг. [20] На материалах «Та'рих-и Рашиди» основана значительная часть 2-го отдела, охватывающая историю ханов-чагатаидов Могулистана и Кашгарии со времени возведения на трон Могулистана хана Тоглук-Тимура, т. е. с середины XIV в. и почти до середины XVI в., когда в Кашгарии правил 'Абд ар-Рашид-хан. Простой для понимания материал «Та'рих-и Рашиди» излагается Махмудом ибн Вали более витиеватым стилем. Иногда он приводит дословно текст Мирзы Хайдара, чаще же кратко пересказывает его, нередко с весьма ценными дополнениями, замечаниями. Неоднократно автор ссылается на свой первоисточник [21].

[16] МИКХ, с. 322.

[17] О «Зубдат ал-асар» см.: СВР, т. I, с. 36; *Бартольд В. В.* Отчет о командировке в Туркестан, с. 187; МИКХ, с. 128—134.

[18] Бахр ал-асрар, рук. Джурабека, л. 169а.

[19] Там же, л. 176а, 184а и др.

[20] *Мирза Мухаммад Хайдар бен Мухаммад Хусайн-курэкан дуглат.* Та'рих-и Рашиди. Рук. ЛО ИВ АН СССР, С 569; рук. ИВ АН УзССР, № 1430; а также перевод на англ. яз.: The Tarikh-i Rashidi of Mirza Muhammad Haidar, Dughlat. A History of the Moghuls of Central Asia. An English version/Ed., with commentary, notes and map by N. Elias. The Translation by E. Denison Ross. L., 1895.

[21] Бахр ал-асрар, л. 185а, 190а, 198б, 318б и др.

Некоторые сочинения, положенные Махмудом ибн Вали в основу его труда, называются им неопределенно или не упомянуты вообще, но их можно установить по характеру сведений, приводимых автором. Так, говоря об антимонгольском, антифеодальном восстании Махмуда Тараби в 1238 г., он приводит рассказ об этом важном в истории Средней Азии после установления монголо-татарского ига событии из «Тарих-и Джахангуша-йи Джувайни»[22] Ала ад-Дина Ата Малика Джувайни. Махмуд ибн Вали, выражая взгляды феодальной верхушки, как и его источник, относит к восставшим самые уничижительные эпитеты и определения: «надменные и спесивые мятежники», «смутьяны», «подонки», «чернь», а их вождя, Махмуда Тараби, называет «сумасбродом», «высокомерным». Автор подчеркивает ненависть вождя народного восстания к завоевателям — монгольским феодалам, а равно и к местной феодальной знати, поддерживавшей их, и отмечает, что Тараби стремился опираться на широкие слои городского населения и жителей окрестных селений. Значительная часть 2-го отдела, охватывающая фактически весь XIII в., основана на данных «Джами' ат-таварих» Рашид ад-Дина[23].

Несмотря на компилятивность начальной части 2-го отдела, она представляет определенный интерес, так как труды предшественников Махмуда ибн Вали дополнены в ней данными других источников, собственными комментариями. Описывая те или иные события, людей или географические места, он дает свои пояснения, приводит современные ему названия[24]. Это делает труд Махмуда ибн Вали незаменимым для издания критического текста сочинения Мирзы Мухаммад Хайдара, ценность которого для исследования истории средневекового Казахстана и сопредельных стран широко известна.

На рассказах весьма компетентных очевидцев и участников событий предшествующих десятилетий, на личных о них воспоминаниях основывает Махмуд ибн

---

[22] Там же, л. 141б—143а: 'Ala ad-Din 'Ata Malik Juvaini. The History of the world conqueror/Transl. from the text of Mirza Muhammad Qazvni by John A. Boyle. Manchester, 1958, vol. 2, p. 109—115.

[23] Там же, л. 143а—157б; *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей, т. 2/Пер. с перс. Ю. П. Верховского. М.; Л., 1960, с. 92—102, 140—144, 160—171.

[24] Там же, л. 165а, 167б, 226б, 227а, 239б и др.

Вали заключительную часть 2-го отдела тома 6 «Бахр ал-асрар»[25], охватывающую почти столетний период — со времени правления в Кашгарии 'Абд ар-Рашид-хана (1533 — около 1566 — 70) до смерти Ахмад-хана и событий, сопровождавших захват кашгарского трона Абдаллах-ханом, сыном 'Абд ар-Рахим-хана (т. е. до 1047 г. х. (1637—38)). «Достойные доверия лица из могульского улуса так рассказывали...», «Мирза Назр джурас... является рассказчиком всего того, что о них здесь сказано»[26]. Такими ссылками, как и личными наблюдениями, Махмуд ибн Вали часто обосновывает свое повествование. Большой интерес представляют сведения, полученные автором от лиц, бежавших из Восточного Туркестана во время феодальных смут первой половины XVII в. и находивших покровительство у правителей Средней Азии, в частности у Надир-Мухаммад-хана (Мирза Латиф Чурас, Ахмад-хан ибн Тимур-хан, 'Абд ал-Карим-султан ибн Абу Са'ид-султан и многие другие)[27]. Участники феодальных усобиц, выходцы из правящих кругов — эти лица явились надежными, хотя и небеспристрастными информаторами автора «Бахр ал-асрар» о современных ему бурных событиях в Восточном Туркестане. Эта часть «Бахр ал-асрар» является оригинальной и поэтому особенно значимой для изучения истории Восточного Туркестана второй половины XVI — первой половины XVII в. Некоторые отрывочные, не всегда точные сведения о событиях начального этапа этого периода содержатся у предшественников Махмуда ибн Вали, авторов конца XVI — начала XVII в., Амин Ахмада Рази («Хафт иклим») и Хайдара Рази («Тарих-и Хайдари»)[28]. Труд Махмуда ибн Вали дает

[25] В рук. 1385, л. 73а, 79б—94а (в рук. Джурабека л. 217б—219б, 225а—239б). Перевод фрагментов из этой части «Бахр ал-асрар» о казахско-могульских, казахско-уйгурских отношениях и из 3-го отдела опубликован автором в МИКХ (с. 329—367). Большое значение этого источника для исследования различных аспектов истории Восточного Туркестана подчеркнул О. Ф. Акимушкин, издавший в 1976 г. текст и комментированный перевод с обстоятельным введением еще одного важнейшего первоисточника по истории Могольского государства — труда Шах-Махмуд Чураса (См.: *Шах-Махмуд ибн Мирза Фазил Чурас.* Хроника, с. 13, 113—116) и сопоставивший сведения Шах-Махмуд Чураса с данными «Бахр ал-асрар» и других источников.

[26] Там же, л. 86б(173а).

[27] Бахр ал-асрар, л. 80а (226а, 239б) и др.; МИКХ, с. 330.

[28] *Акимушкин О. Ф.* Введение в изучение памятника. — В кн.: *Шах-Махмуд ибн Мирза Фазил Чурас.* Хроника, с. 112—113.

совершенно независимый от этих сочинений материал, оставаясь во многом первоисточником по указанному выше периоду.

Второй отдел тома 6 «Бахр ал-асрар» разделен на 50 глав, или повествований (داستان). Эта часть сочинения Махмуда ибн Вали охватывает более чем четырехсотлетнюю (с 1224 по 1636—38 г.) историю Средней Азии и Восточного Туркестана, т. е. историю правления Чагатаидов во всех подчиненных им областях, причем в первой части этого отдела (до начала правления Тоглук-Тимур-хана в Семиречье и Восточном Туркестане) Махмуд ибн Вали ведет речь в основном о районе Мавераннахра — вплоть до падения чагатаидских правителей в Средней Азии и перехода власти к тюркам-барласам в лице эмира Тимура, хотя восточная часть Чагатаидского улуса — Семиречье и Восточный Туркестан — также была подчинена чагатаидским ханам. Тем не менее представляют большой интерес немногие сведения автора о политических, этнических, культурных связях населения областей, входивших в состав государства Чагатаидов [29]. Весьма ценны также данные, хотя и немногочисленные, для анализа хозяйственного положения, уровня социального развития как в западных районах улуса, так и в его восточной части. Немало строк уделено характеристике известного временщика, фактического правителя Мавераннахра и Восточного Туркестана Махмуда Ялавача [30]; Махмуд ибн Вали освещает его роль в управлении завоеванными странами, в подавлении восстания Махмуда Тараби. Большое внимание уделяет автор Мас'удбеку Ялавачу, которому Менгу-каан пожаловал «города Туркестана и Мавераннахра, города уйгуров, Фергану и Хорезм» [31] и который пытался преодолеть в какой-то

[29] Бахр ал-асрар, л. 139б. Автор преувеличивает территорию, отведенную Чагатаю Чингисханом. Ему была выделена Средняя Азия до берегов Амударьи, Семиречье и Восточный Туркестан («страна Уйгуристан, которая состоит из Кашгара, Хотана, Аксу и района Иссык-Куля», — по определению Махмуд ибн Вали). См.: *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей, т. 2, с. 94 («он [Чингисхан] передал ему ... из областей — юрты от Алтая, который был юртом родов найман, до берегов Джайхуна (Амударьи); *Шараф ад-Дин Али Йазди.* Зафар-наме, рук. № 4472 ИВ АН УзССР, л. 9б. Правда, позже территория улуса увеличилась в период экспансии Чагатаидов (Алгу и др.) в южном направлении.

[30] Бахр ал-асрар, л. 140а.

[31] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей, т. 2, с. 140; Бахр ал-асрар, л. 147а.

степени хозяйственный кризис, охвативший эти области в результате монгольского нашествия, феодальных усобиц Чингисидов и жестокой эксплуатации покоренного населения.

История первых после Чагатай-хана правителей Чагатайского улуса излагается в основном Махмудом ибн Вали по Рашид ад-Дину [32], однако автор приводит много подробностей, касающихся как политических взаимоотношений улуса Чагатая (с 1269 г. — Чагатаидского государства) с сопредельными странами, так и его внутриполитической истории.

Замечания Махмуда ибн Вали по вопросам социально-экономической жизни Чагатаидского государства, состоянию хозяйства, тяжелому положению народных масс большей частью теряются среди славословий тому или иному правителю. Так, например, характеризуя правление Тук-Тимура, Махмуд ибн Вали пишет: «Он исправил и устранил все недостатки и изъяны, которые нашли себе дорогу в положении страны и людей во времена заносчивости Никпей-огула... Вследствие того, что в дни правления Борак-оглана и Никпей-огула из-за неосновательных поборов и требований уплаты налога и бесчисленных податей в делах государства и в устройстве жизни нашли себе дорогу беспорядки и смута, большинство крестьян (ра'айа) разбежались и поземельный налог (харадж-и асли) перестал поступать» [33]. Тем не менее свидетельства такого рода помогают в некоторой степени восполнить недостаток сведений социально-экономического порядка.

Чрезмерные подати и поборы, а также разорение целых областей Мавераннахра, Семиречья и Восточного Туркестана в результате длительной междоусобной борьбы Чагатаидов в конце XIII — начале XIV в. приводили к массовому бегству крестьян, являвшемуся своеобразной формой протеста против феодального гнета и разрухи. Махмуд ибн Вали приводит сведения о разорении городов и селений в Чагатаидском улусе, особенно в Юго-Восточ-

---

[32] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей, т. 2, с. 88—102, 160—168.

[33] Бахр ал-асрар, л. 157а. Термин «ра'ийат» (رعيت), мн. ч. *ра'айа* (رعايا), означает 'подданный, простолюдин, крестьянин'. На Ближнем и Среднем Востоке в средние века ра'ийатами называли податное сословие вообще, крестьян в особенности.

ном Казахстане и Восточном Туркестане, вследствие постоянных феодальных усобиц. Эта разруха вызывала обеспокоенность наиболее дальновидных политиков из тех же Чагатаидов, и они стремились поставить ей некоторый предел. Когда Кунчик-хан, сын и преемник Дувы, послал войска против сыновей Хайду, те ответили ему: «В то время, когда наши отцы враждовали с вашими и вели борьбу, много людей погибло, области были опустошены, владения (икта') превращены в мираж, а земля на пашнях иссохла. Нигде никакое важное дело не продвигалось вперед и не завершалось. Кроме того, в междоусобных битвах и сражениях обе враждующие стороны потеряли много воинов, верховые и вьючные животные обессилели и изнемогли. Казна у тех и других [т. е. потомков Дувы и Хайду] опустела, города и строения разрушились, а люди покинули их и превратились в бродяг»[34]. Ради своих экономических интересов, а также под влиянием частых народных восстаний отдельные правители время от времени вынуждены были сокращать налоговые поборы, так как при крайне бедственном положении их подданных они фактически не могли обеспечить поступление в государственную казну главных своих доходов — налогов. Наш источник отразил это положение. «Сделав своим знаменем милость и великодушие, он [Тук-Тимур] уменьшил вдвое сбор необходимого налога (мал)»[35]. Талигу ибн Кодаги собрал лишь половину баджа и хараджа (подорожной пошлины и поземельного налога): «Бóльшую часть неосновательных поборов (таклифат-и намоваджжах) и обременительных кормлений (му'нат-и битах)[36] он устранил с крестьян» и старался «тяжесть гнета сильных, могущественных

[34] Бахр ал-асрар, л. 159б.

[35] Там же, л. 157а. «Мал» (مال) в значении налогового термина — подать, налог вообще, реже — поземельная подать.

[36] Термин «таклиф» (تكليف), мн. ч. *таклифат* (تكليفات) и *такалиф* (تكاليف), употребляется в источниках в значении различных чрезвычайных, дополнительных налогов, податей и повинностей, обязательных для ра'ийатов и чрезмерно обременительных. Термин «му'нат» (مؤنت), мн. ч. *му'нат* (مؤنات) — провизия, кормление, содержание — обозначает тяжелую для ра'ийатов повинность: содержание проезжавших гонцов, чиновников и прочих должностных лиц со всей их челядью, верховыми и вьючными животными, обеспечение их продовольствием и фуражом.

снять со слабых»[37]. Тармаширин-ханом были изданы приказы и ярлыки, гарантирующие, если верить источнику, «облегчение повинности» (му'нат)[38], а Джанкши, внук Дувы, «собрал всех рассеявшихся, вызвал к себе людей из [всех] пределов и областей... умиротворил подданных (ра'айа), сделал их благоденствующими путем высвобождения (му'афи) от бремени неосновательных поборов и тягот (таклифат)»[39].

Эти и подобные им сведения у Махмуда ибн Вали, конечно, слишком общи. И по ним трудно судить о реальных мерах отдельных правителей по облегчению положения крестьян и ремесленников, хотя и понятно, что некоторые чагатаидские правители вынуждены были уделять внимание вопросам экономической жизни подвластной территории, оживлению земледелия и торговли. Так, Ильчигидай «приказывал людям рыть каналы (анхар, мн. ч. от — нахр), сажать деревья, увеличивать посевы (мазари')»[40].

Махмуд ибн Вали не смог подняться выше авторов использованных им сочинений, выражавших точку зрения монгольской военно-кочевой знати, которая отрицательно относилась к усилиям некоторых ханов, в частности Кебека (1318—1326), по укреплению феодальной государственности в бывшем Чагатайском улусе. Автор «Бахр ал-асрар» повторяет без комментариев мнения своих предшественников, с осуждением относившихся, например, к попытке Казан-хана продолжить политику Кебека по централизации государства и укреплению его хозяйственного положения[41], хотя именно такая политика могла бы обеспечить выход из кризиса.

Этот хозяйственный кризис, вызванный разрушитель-

---

[37] Бахр ал-асрар, л. 160б.

[38] Там же, л. 167а.

[39] Там же, л. 169а. Термин «му'афи» означает налоговый иммунитет, освобождение от уплаты налогов, несения повинностей. معاف كردن — предоставлять налоговый иммунитет, освобождать от налогов.

[40] Там же, л. 166а. Букв. значение термина «мазра'а» (мн. ч. *мазари'*) — засеянное поле, пашня, нива. Он употреблялся в источниках и в значении 'сельское поселение, феодальное имение с сидящими на мелких участках крестьянами-издольщиками' (музари'ан) (*Петрушевский И. П.* Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв. М.; Л., 1960, с. 297).

[41] Бахр ал-асрар, л. 170а.

ными последствиями монгольского завоевания и феодальных войн и усобиц, а также отсутствие экономического и этнического единства составлявших Чагатаидское государство частей — западной (Мавераннахр) и восточной (Семиречье, Восточный Туркестан), вели государство к ослаблению и распаду. Все более усиливалась борьба двух социально-политических тенденций, центробежной и центростремительной, в среде феодальной знати и самих Чагатаидов, выражавшихся в разных методах эксплуатации населения покоренных монголами стран, в отношении к их феодальной государственности, культурным традициям [42]. Часть монгольской и присоединившейся к ней тюркской военно-кочевой знати была сторонницей сохранения кочевого быта, полупатриархальных отношений и — главное — неограниченной эксплуатации населения покоренных монголами областей, феодальной раздробленности и децентрализованной власти. Другая часть монголо-тюркской феодальной знати, а также местные феодалы и купечество Мавераннахра и Восточного Туркестана поддерживали тех ханов-чагатаидов, которые стремились централизовать государство, укрепить государственный аппарат и финансы, покровительствовать развитию торговли и городов, а также земледелия. Кебек-хан, который был сторонником такой политики, вслед за Масудбеком Ялавачем попытался осуществить денежную реформу, принял некоторые административные меры, пытался пресечь злоупотребления чиновников и сборщиков налогов, обеспечить более твердое хозяйственное и политическое положение государства. Эти попытки, впрочем, распространились лишь на западную часть чагатаидских владений, они уже не могли удержать в единых политических рамках все области этого государства. Одной из основных причин этого, помимо указанной выше борьбы сторонников двух тен-

[42] *Бартольд В. В.* История Туркестана. — Соч., т. 2, ч. 1, с. 152, 153; *Бартольд В. В.* Чагатай-хан. — Соч., т. 2, ч. 2, с. 543; *Стрэгва Л. В.* Борьба кочевой и оседлой знати в Чагатайском государстве в первой половине XIV в. — В кн.: Памяти акад. И. Ю. Крачковского. Л., 1958, с. 206—220; *Давидович Е. А.* Денежное хозяйство и частичное восстановление торговли в Средней Азии после монгольского нашествия в XIII в. — Народы Азии и Африки, 1970, № 6, с. 57—67; *Петрушевский И. П.* Земледелие и аграрные отношения в Иране, с. 48—52; История Узбекской ССР. Ташкент, 1967, т. 1, с. 308—310.

денций, был тот факт, что постепенно упрочилось стремление к отделению, к независимому политическому развитию формировавшихся в народность местных казахских племен и родов Семиречья, киргизских племен Тянь-Шаня и уйгуров Восточного Туркестана.

Сочинение Махмуда ибн Вали дает дополнительный конкретный материал к анализу причин распада Чагатаидского государства, образования Могулистана, в состав которого вошел на правах вассального владения и Восточный Туркестан.

Рассказом об избрании ханом Могулистана Тоглук-Тимура в 1348 г. Махмуд ибн Вали начинает излагать историю восточной части бывшего Чагатаидского государства — Восточного Туркестана и Семиречья. Следуя плану своего сочинения, по которому 2-й отдел посвящен ханам-чагатаидам, Махмуд ибн Вали после фактического пресечения их линии в Мавераннахре при Тимуре переходит к изложению истории ханов-чагатаидов Могулистана и Кашгарии. Кашгария именовалась термином «Манглай-Субе» в средневековых восточных источниках. Поскольку эта часть «Бахр ал-асрар» представляет собой более или менее краткий пересказ «Та'рих-и Рашиди» Мухаммада Хайдара [43], приведем лишь перечень названий глав, охватывающих историю Могулистана и Восточного Туркестана с 1348 г. по 1546 г., чтобы иметь представление об этой в целом компилятивной части 2-го отдела тома 6 «Бахр ал-асрар». У Махмуда ибн Вали деление на главы не совпадает с таковым в сочинении Мирзы Хайдара:

[22] Повествование о прибытии Тоглук-Тимур-хана ибн Ил-Ходжа ибн Дувадж-хана и восшествие его на трон царствования и господства (л. 173 а).

[23] Повествование о вторичном выступлении августейшей ханской свиты в сторону Мавераннахра и оставлении его сына Илйас-Ходжа-хана [правителем] в той стране (л. 176 а).

[24] Повествование о восшествии на государев пре-

---

[43] Подробный анализ сведений Мирза Мухаммад Хайдар дуглата по различным аспектам истории Могулистана дан в кн.: *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV — начале XVI в.: (вопросы политической и социально-экономической истории). Алма-Ата, 1977. Сведения Махмуда ибн Вали также представлены в этой работе.

стол в Мавераннахре Илйас-Ходжа-хана и о его обстоятельствах (л. 177 а).

[25] Рассказ о восшествии на престол ʻАдил-султана ибн Мухаммад-султан Пулада ибн Кунджик-хана ибн Дува-хана и после него Кабул-султана (л. 180 а).

[26] Рассказ о восшествии на престол Суйургатмыш-хана ибн Кайду ибн Каши ибн Угедей-каʻана (л. 181 а).

[27] Рассказ о восшествии на престол правления Махмуд-хана ибн Суйургатмыш-хана после смерти его отца (л. 182 а).

[28] Повествование о восшествии Хизр-Ходжа ибн Тоглук-Тимур-хана на престол управления в областях Уйгуристана (л. 183 б).

[29] Повествование о восшествии на престол царствования Мухаммад-хана ибн Хизр-Ходжа-хана и после него Шир-Мухаммад-хана ибн Мухаммад-хана (л. 185 а).

[30] Повествование о восшествии на престол Увайс-хана ибн Шир-Али-оглана ибн Мухаммад-хана и окончании его деяний (л. 185 б).

[31] Рассказ о восшествии на престол Исан-Буга-хана ибн Увайс-хана после убийства Увайс-хана (л. 187 а).

[32] Повествование о восшествии на престол Дост-Мухаммад-хана ибн Исан-Буга-хана и после него Йунус-хана ибн Увайс-хана (л. 189 б).

[33] Повествование об определении средств борьбы и о перечислении орудий вражды между Султан Ахмад-мирзой и Омар-Шайх-мирзой и об отправлении Султан Махмуд-хана из Могулистана в сторону Ферганы, [а также] об улучшении [отношений] благодаря Кутб ад-дайира Аршад-Ходжа Убайдалла Ахрару, да святится его тайна (л. 190 б).

[34] Повествование о восшествии на трон падишахства Султан Махмуд-хана ибн Йунус-хана после отца (л. 192 б).

[35] Повествование о восшествии Султан Ахмад-хана ибн Йунус-хана на трон царства (л. 193 б).

[36] Повествование о восшествии Мансур-хана ибн Ахмад-хана на престол правления и на трон знания дела и последнего его сына Шах-хана (л. 194 б).

[37] Повествование о восшествии Султан Саʻид-хана ибн Султан-Ахмад-хана на престол величия (л. 196 б).

[38] Повествование о выступлении Султан Саʻид-хана в Яркенд (л. 199 а).

[39] Повествование о положении дел Султан Са'ид-хана после завоевания Кашгара (л. 202 а).

[40] Повествование о начале появления и роста падишахского могущества 'Абд ар-Рашид-хана ибн Абу Са'ид-хана (л. 205 б).

[41] Повествование о вторичном выступлении Султан Са'ид-хана в Бадахшан (л. 209 а).

[42] Повествование о деяниях Мирза Хайдара [автора «Та'рих-и Рашиди»] в Балти, о важных делах в Кашмире и описание положения тех территорий (л. 211 а).

[43] Повествование об остальных деяниях Мирза Хайдара в Кашмире и о возвращении [его] в Кашгар (л. 214 б).

[44] Повествование о восшествии 'Абд ар-Рашид-хана ибн Султан Са'ид-хана на престол и выяснение действий, предпринятых им и его противниками (л. 217 б).

[45] Повествование об уходе Мирзы Хайдара в Бадахшан и объяснение [того, что] с этим связано (л. 219 б).

[46] Повествование об уходе Джагатаидов из Хиндустана и о завоеваниях Мирза Хайдара в Кашмире (л. 223 а).

* *
*

Оригинальная часть сочинения Махмуда ибн Вали, имеющая значение достоверного первоисточника для освещения истории Восточного Туркестана второй половины XVI — 30-х гг. XVII в., начинается со времени правления 'Абд ар-Рашид-хана. В этих последних главах автор ограничивает свое повествование событиями в Кашгарии, поскольку власть могульских ханов-чагатаидов с образованием и укреплением Казахского ханства в середине 60-х гг. XV — начале XVI в. не распространялась уже на Могулистан, т. е. Юго-Восточный Казахстан и Киргизию. О Могулистане автор упоминает лишь в связи с историей взаимоотношений могульских ханов, теперь уже правителей только Кашгарии (Восточного Туркестана), с казахами и киргизами, в связи с многократными, но неудачными попытками Султан Са'ид-хана и 'Абд ар-Рашид-хана возвратить под свою власть Семиречье, Прииссыккулье и другие утраченные ими территории собственно Могулистана.

Укрепление государственной самостоятельности соседних народов — казахов, киргизов, ограничение территории политического влияния могульских ханов-чагатаидов границами Восточного Туркестана способствовали развитию этнического и политического единства его населения, главным образом, уйгурского. Новое государство получило в источниках название «Могулия», в исторической литературе встречаются и другие наименования: «Могулистан», «Кашгарское ханство», «Могульское (Могольское) государство».

Каковы же черты социально-экономической жизни этого государства по данным Махмуда ибн Вали? Хозяйство местного населения характеризуется двумя направлениями — поливным земледелием в оазисах и скотоводством на обширных пастбищных территориях полупустынь южной и восточной частей страны и предгорий Тянь-Шаня.

Монгольские завоеватели в XIII в. нанесли большой ущерб развитому поливному земледельческому хозяйству местного населения, интенсивно функционировавшему ремесленному производству, оживленной торговой деятельности многочисленных городов [44]. Кашгария стала для монгольских правителей Чагатаидского улуса, затем для чагатаидских ханов Могулистана местом зимовок (кишлаг), а также районом, откуда, наряду с Юго-Западным Семиречьем, поставлялись кочевым и полукочевым племенам Могулистана земледельческие продукты, особенно зерно. Давние традиции земледельческого хозяйства у населения Кашгарии, как и у населения Семиречья, несмотря на упадок его после установления мон-

[44] Перечень «самых богатых» городов, входивших в Манглай-Субе (Кашгарию), приведен у Мирзы Хайдара в «Та'рих-и Рашиди» — рук. ИВ АН УзССР, № 1430, л. 5а; «В те времена в этой области [Манглай-Субе] было несколько городов. Самые большие из них: Кашгар, Хотан, Яркенд, Кашан, Ахсикет, Андижан, Аксу, Атбаши и Кусан». В географической части своего труда Махмуд ибн Вали в перечне «больших» городов области Кашгар, одной «из больших областей восточной половины [обитаемой части света]», также называет Яркенд, Аксу, Хотан, Чалыш, Турфан, Пай и Кусан. «Столицу его [Кашгара] также называют Кашгаром» (Море тайн ..., с. 71). О высоком уровне развития городской культуры и земледелия в восточной части Кашгарии, входившей до конца XIV в. в состав Уйгурского государства, см.: *Тихонов Д. И.* Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства (X—XIV вв.). М.; Л., 1966, с. 77—86.

гольского господства, дали основание Тимуру при подготовке им похода в Китай в 1405 г. приказать правителю Могулистана и Манглай-Субе Хизр-Ходжа-хану содействовать в обеспечении его 800-тысячного войска продовольствием и фуражом: «Следует приложить всевозможные усилия для [развития] земледелия (зара'ат) и обеспечить армию продовольствием (азук)» [45].

В Кашгарии выделялось несколько земледельческих районов-оазисов, расположение которых обусловлено наличием возможности орошения в долинах больших и малых рек страны: округа Хотана и Керии, Яркенда и Кашгара, Аксу и Кучи (Кусана), Чалыша и Турфана. Махмуд ибн Вали подчеркивает важность Яркендского округа в обеспечении населения земледельческими продуктами («В окрестностях того города, который известен [производством] зерна (галла) и продовольственных продуктов (улуфа)...») [46], говорит о занятии земледелием и садоводством в районе города Кашгара. Вокруг городов — центров оазисов находились более или менее крупные земледельческие округа с многочисленным населением. Махмуд ибн Вали отмечает, что во время междоусобной феодальной борьбы представители правящей династии и эмиры со своими войсками беззастенчиво грабили население и опустошали сельские местности вокруг городов: «[Тимур-султан] возвратился в столицу Кашгар, удовлетворившись опустошением и наказанием деревень и селений (касабат ва кари'еджат) под Чалышем» [47] — во время подавления мятежа (Абд ар-Рахим-хана; Искандар-султан и Абу-л-Хади «в течение месяца производили нападения и прилагали усердие в разграблении [окрестностей] Чалыша, разрушали деревни (касабат) и опустошали селения (кари'еджат) той территории». Для этих же двух последних феодалов на следующий год снова «настал удобный случай для разрушения и опустошения поселений (мавази') и имений (мазари')» [48]. Шайбанидскими войсками были разграблены и опустошены сельские местности в окрестностях Яркенда [49]. Подобные свидетельства автора «Бахр ал-асрар»,

[45] Бахр ал-асрар, л. 184а.
[46] Там же, л. 199а.
[47] Там же, л. 232а.
[48] Там же, л. 86б (233а).
[49] Там же, л. 230а.

хотя и косвенные, о наличии у кашгарских городов развитой сельскохозяйственной округи не столь уж малочисленны и дополняются его же, правда, весьма лаконичной, характеристикой земледельческого хозяйства области Кашгар в целом, приведенной в географической части сочинения: «Урожаи его [Кашгара], зерновые и прочие злаки, получаются хорошо, а хлопка там мало. Из фруктов [и плодов] виноград, персики и дыни его хороши. Климат Кашгара близок к умеренному. Много в нем трав и растений» [50]. О самом городе Кашгаре Махмуд ибн Вали сообщает: «Крепость Кашгара весьма прочная и неприступная, а деревни и селения его в полном порядке. Имеется много садов и бахчи...» [51]. Указывается на наличие в городе многочисленных мечетей, медресе и других «благотворительных заведений». Отмечается хороший климат Аксу: «Очень хороша и земля его». Впрочем характеристики хозяйственной жизни других существовавших в исследуемое время городов Восточного Туркестана Махмуд ибн Вали почти не приводит и в географической части своего труда. Более подробны его известия лишь об уже исчезнувших к концу XIV в. городах Алмалыке, Баласагуне.

О занятиях населения скотоводством по данным Махмуда ибн Вали можно судить лишь косвенно, исходя, например, из упоминаний о военной добыче (чаще всего захватывался и угонялся скот), а также сведений о выставляемом тем или иным феодалом конном войске (по требованию хана или по собственной инициативе — в противодействие ему) и т. д.

Материалы сочинения Махмуда ибн Вали говорят о продолжавшемся господстве в Кашгарии XVI—XVII вв. развитых феодальных производственных отношений, утвердившихся в стране еще в раннем средневековье, до и в процессе образования в IX—X вв. Караханидского и Уйгурского государств [52]. Конечно, материалы эти весьма ограниченные как для характеристики форм феодальной земельной собственности, так и — особенно — для освещения крестьянского землепользования, форм и способов

[50] *Махмуд ибн Вали.* Море тайн относительно доблестей благородных: (География), с. 71.

[51] Там же.

[52] *Тихонов Д. И.* Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства, с. 39, 43, 117 и др.

эксплуатации трудового феодально-зависимого населения. В основном эти данные приходится вычленять из повествования автора рассматриваемого источника о внутри- и внешнеполитической жизни Могульского государства.

Наиболее подробны сведения в «Бахр-ал-асрар» о действиях представителей династии могульских хановчагатаидов и феодальной верхушки поддерживавших их кочевых родов и племен.

К середине XVI в. могулы в Кашгарии представляли собой незначительную часть населения. «В настоящее время, — пишет автор «Та'рих-и Рашиди» в 1543 г., — могулов осталось около тридцати тысяч в пределах Турфана и Кашгара, а Могулистан захватили узбеки [казахи] и киргизы»[53], т. е. входившие ранее в государство Могулистан казахские и киргизские племена Семиречья и Северного Притяньшанья, в процессе завершения формирования народностей консолидировавшие свою государственность на рубеже XV—XVI вв. на древней территории своего обитания.

Несмотря на малочисленность, могульские феодалы во главе с ханами-чагатаидами продолжали сохранять власть в Восточном Туркестане еще в течение почти двух столетий после распада Могулистана. Представляют интерес данные исследуемого первоисточника об эволюции политической и экономической ориентации этого нового для Кашгарии слоя могульской кочевой знати, потесненного из Могулистана, и характер взаимоотношений его с местными феодалами, как могульскими, так и уйгурскими, на почве перераспределения земли. Долгое время у этого нового слоя военно-феодальной верхушки могулов сохранялось стремление возвратиться назад[54]. Борясь за восстановление власти в Семиречье и Северном Притяньшанье в 1-й половине XVI в., могульские ханы Са'ид-хан и 'Абд ар-Рашид-хан хотели вернуть под свою власть принадлежавшие их династии еще в недавнем прошлом владения. При этом политические мотивы их борьбы сочетались с экономическими. Переселившиеся в Кашгарию кочевники могульских племен не нашли здесь свободных пастбищ для своего скота, о чем неодно-

[53] *Мирза Мухаммад Хайдар дуглат.* Та'рих-и Рашиди, рук. № 1430, л. 85б; МИКХ, с. 216.

[54] Та'рих-и Рашиди, л. 80а, б; МИКХ, с. 214—215.

кратно сообщает Махмуд ибн Вали вслед за Мирзой Мухаммад Хайдаром. Восстановление политической власти на территории Могулистана могло бы решить проблему нехватки земель, главным образом пастбищ, с которой они столкнулись в Кашгарии. Эта проблема, невозможность вести теперь привычное скотоводческое хозяйство в прежних размерах, сохранять кочевой образ жизни с потерей обширных пастбищ Могулистана обострили конфликты местной оседлой и пришлой кочевой знати внутри страны. У последней постепенно появился интерес к приобретению земельных владений в Кашгарии. Ханы пытались приглушить этот конфликт удачными внешними действиями, захватом новых территорий, грабежами.

Для феодальной знати постоянные войны, как внешние, так и внутренние междоусобные, были источником не только крупной военной добычи, захваченной при удачном набеге. При более прочном завоевании соседней территории появлялась возможность и длительной эксплуатации городского и земледельческого населения захваченных районов путем дани, пошлин, налоговых поборов, а также возможность использования завоеванных земель в качестве пастбищ для многочисленных стад кочевых феодалов. Предыдущая история чагатаидских ханов Могулистана знала немало таких захватнических походов на сопредельные земли — в Туркестан (Присырдарью), в Фергану, Кашгарию, хотя, в свою очередь, их собственные владения на территории Семиречья и долин Притяньшанья подвергались агрессии феодалов соседних стран (эмира Тимура, хана Абулхайра, ойратских предводителей). Продолжаются феодальные войны и позже, в первой половине XVI в. Наш источник дает яркие тому свидетельства, причем его автор не забывает подчеркнуть результаты походов, именно: захват военной добычи и новых территорий, покорение новых контингентов налогоплательщиков, хотя цели этих походов как обычно прикрывались задачей распространения ислама и искоренения «неверных». Территориальная экспансия при этом шла в сторону более слабых государственных образований. Такими были походы, например, Султан Са'ид-хана в Тибет, его сына Искандар-султана и военачальника Мирза Мухаммад Хайдар дуглата (будущего автора «Тарих-и Рашиди») в Тибет и Балтистан [55]. Насе-

[55] Бахр ал-асрар, л. 74б, 211а.

ление покоренных территорий обязано было выплачивать помимо единовременной дани постоянные налоги [56]. Длительное время во власти Са'ид-хана оставалась область Болористан, население которой оказывало упорное сопротивление захватчикам [57].

Со временем, однако, возможности грабительских, захватнических походов иссякли как в связи с усилением соседей (упомянутые выше попытки Са'ид-хана и Рашид-хана отвоевать земли бывшего Могулистана потерпели крах, натолкнувшись на прочный союз казахов и киргизов; возможность нападать на сопредельные районы Мавераннахра также исчезла в связи с усилением Шайбанидов, которые сами совершали походы на Кашгарию) [58], так и из-за отсутствия прочной власти в руках самих кашгарских ханов, страну которых с самого начала их правления сотрясали ожесточенные междоусобицы и внутренние неурядицы. Стремление пришедших с Султан Са'ид-ханом в 1514 г. вождей кочевых племен к захвату земель столкнулось с интересами местных феодалов.

Несмотря на успехи Са'ид-хана (1514—1533) в борьбе за Кашгарию, ему пришлось признавать некоторое время верховную власть его брата Мансур-хана, наследовавшего титул хана, номинального главы могульского улуса, практически, однако, владевшего лишь Чалышем и Турфаном. Его сын и преемник 'Абд ар-Рашид-хан (1533—1559/60) приложил много усилий к укреплению государства, но ему также не удалось создать сильное централизованное государство.

История Кашгарии XVI—XVII вв. при могульских ханах характеризуется слабостью центральной власти и

---

[56] Бахр ал-асрар, л. 219б.

[57] Там же, л. 226б. Болористан, Болор или Кафиристан — о границах этой области (на севере Афганистана) сообщает Махмуд ибн Вали в географической части сочинения: «Биллуристан ... Он из благоустроенных мест на Востоке. Бо́льшую часть его составляют труднопроходимые горы. С востока граничит с Кашгаром и Яркендом, с севера — Бадахшаном, с запада — Кабулом и Лагманом, а с юга — Кашмиром» (Море тайн ..., с. 30).

[58] Бахр ал-асрар (л. 82б—84а и 228—230а) содержит подробное описание нашествия на Кашгарию шайбанидского войска, посланного Абдаллах-ханом (1588—1598), во время правления кашгарского хана Мухаммада (1592/93—1609/10). См.: *Акимушкин О. Ф.* К вопросу о внешнеполитических связях Могольского государства с узбеками и казахами ... ; *Он же.* Кашгарский поход узбеков при Абдаллах-хане.

значительной степенью раздробленности страны на отдельные феодальные владения — уделы. Фактически в непосредственном распоряжении хана был лишь Яркенд с областью, хотя формально хан считался верховным собственником всех земель.

Власть хана была непрочна и часто оспаривалась многочисленными отпрысками ханского рода из потомков Тоглук-Тимура. Махмуд ибн Вали неоднократно отмечает зависимость ханов от знати — «столпов государства» (аркан-и доулат), подчеркивает, что акт передачи власти тому или другому претенденту на престол зависел от сановников и знати (акабир ва ашраф) [59]. Это правило непосредственного участия глав могульских родов и племен в избрании ханов диктовалось установлениями «Великой Ясы» Чингисхана и сохранялось в Кашгарии в течение всего времени правления там Чагатаидов. Незыблемость такого порядка подчеркивает, правда, обычными, трафаретными фразами и Махмуд ибн Вали: «При содействии царевичей и нойонов (шахзадеган ва нуйинан) он [Шуджа ад-Дин Ахмад-хан] занял прочное положение на троне царствования и утвердился на престоле владычества. Тогда же придворные эмиры (умара-йи баргах) и знатные люди столицы (аркан-и тахтгах) по установившемуся обычаю [участвовать] в ханских делах и в важных вопросах управления государством поставили печать и подписались под своими обязательствами и обещаниями [служить новому хану], подкрепив их высокими клятвами» [60]. В свою очередь хан обязывался не предпринимать никаких действий без их согласия. Хотя право на ханский трон передавалось старшему в ханской фамилии, чаще старшему сыну хана, однако многое зависело от фактической силы того или иного члена правящей династии, а эта сила представляла собой не что иное, как наличие поддержки в кругах феодальной знати. «Великие эмиры посовещались и обсудили важные дела ханствования и управления страной, — говорит Махмуд ибн Вали об избрании ханом после смерти Апак-хана в 1036 г. х. (1626/27) его племянника Ахмад-хана, сына Тимур-хана. — Они прошли шагом справедливости и беспристрастия площадь деяний принцев... после [обме-

[59] Бахр ал-асрар, л. 74а, 81а (227б) и др.
[60] Там же, л. 84б (230б).

на] советами и обсуждения [эмиры] проголосовали за правление Султан Ахмад-хана ибн Тимур-хана»[61].

Особым могуществом среди крупных эмиров отличались улусбеки, фактические правители при имевших подчас лишь номинальную власть ханах. Длительное время должность улусбека принадлежала главам дуглатов, которым еще первыми чагатайскими ханами вместе с пожалованием территории Манглай-Субе были предоставлены семь «привилегий»[62]; при Тоглук-Тимур-хане и Хизр-Ходжа-хане число их выросло до двенадцати. Наиболее важными из этих привилегий были следующие: глава рода дуглатов считался «эмиром всего могульского улуса, и в фирманах его имя писалось как сардар могульского улуса»; он имел право, «без того, чтобы докладывать об этом хану, назначать на должность или устранять от должности по собственному усмотрению «эмиров тысяч» (умара-йи хазара). Ханские указы скреплялись печатями и хана, и улусбека (его печать ставилась ниже печати хана). Все двенадцать «привилегий» передавались вместе с должностью улусбека из поколения в поколение главе дуглатов как в период Могулистана, так и после его распада и образования Могулии. Улусбеки имели, таким образом, очень широкие административные и военные полномочия, без их контроля и подтверждения не мог издаваться ханом ни один указ, их власти повиновались крупные и средние военачальники — эмиры, главы других могульских родов. Махмуд ибн Вали отмечает, что улусбек Сайид Мухаммад-мирза, которому, как главе дуглатов, была передана эта должность вместе со всеми привилегиями Султан Са'ид-ханом[63], обладал правом после смерти хана выбрать кандидатуру нового правителя и предложить ее эмирам, а они уже «сочтут своим государем и ханом того человека, на которого падет его [Сайид Мухаммад-мирзы] выбор»[64].

Однако вместе с ростом феодальной раздробленности и усилением самостоятельности представителей военно-феодальной знати других племен всесилие главы рода дуглатов было поколеблено. Борьба за политическое преобладание, за влияние на ханов ведется не только

[61] Бахр ал-асрар, л. 92б (239а).
[62] Там же, л. 184б; Та'рих-и Рашиди, рук. № 1430, л. 34б—35а.
[63] Бахр ал-асрар, л. 197а.
[64] Там же, л. 217б.

между главами различных родов и племен, отдельными группировками эмиров, но и среди знати одного этноса, в частности, дуглатов (таковы интриги дуглата Мирза Али-Тугая, которые привели к гибели улусбека Сайид Мухаммад-мирзы при вступлении 'Абд ар-Рашид-хана на престол). В последующем, по мере роста могущества военно-феодальной знати других племен (чурас, барлас, бахрин и др.) феодальная верхушка дуглатов потеряла свое влияние, тем более что основная часть дуглатов, как известно, сконцентрирована была в Семиречье, в казахском Старшем жузе, и частично вошла в состав киргизов [65].

Политическое могущество могульской знати основывалось на прочном экономическом фундаменте. В руках отдельных ее представителей было сосредоточено управление обширными территориями страны. Во всех крупных областях (уделах) правили назначаемые ханом члены ханской фамилии (они традиционно именуются султанами; после избрания кого-либо из них главой всего государства избранный получал титул хана. И Махмуд ибн Вали строго соблюдает это правило при описании событий в Кашгарии) [66].

Как показывают материалы Махмуда ибн Вали, широкое развитие получила система удельного землевладения. Автор приводит имена девяти сыновей 'Абд ар Рашид-хана ('Абд ал-Латиф, 'Абд ал-Карим, Мухаммад, Суфи, Курайш, Йунус, Баки-Мухаммад, Абу Са'ид и 'Абд ар-Рахим) и называет их удельные владения: «Первый сын — 'Абд ал-Латиф-султан, который при жизни [своего] великого отца был хакимом Аксу. Еще 'Абд ал-Карим-султан, которому была оказана честь управлять Кашгаром и который после смерти отца утвердился на ханском троне. Одним словом, в то время как сам 'Абд ар-Рашид-хан правил в Яркенде на троне владычества, сыновей [своих] он назначил управлять [различными] областями государства» [67]. Такой же порядок оста-

[65] *Юдин В. П.* О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии, с. 59; *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971, с. 49.

[66] Так, 'Абд ар-Рашид до вступления на трон всюду называется султаном, после вступления—'Абд ар-Рашид-ханом (л. 74а и др.).

[67] Бахр ал-асрар, л. 80б (226а); МИКХ, с. 329, 330.

вался и при преемнике ʻАбд ар-Рашид-хана ʻАбд ал-Карим-хане, который, «соблюдая отношения родства», предоставил своим братьям управление различными «областями и территориями». ʻАбд ар-Рахим-султана он послал в Чалыш и Турфан, Абу Саʻид-султана поставил хакимом Кашгара. «Точно так же каждого [из братьев] он назначил на управление какой-либо областью» [68]. Отдельные области получили в управление и его сыновья, в частности, в Хотане стал хакимом его сын Шах-Хайдар-Мухаммад-султан [69].

Наиболее значительные области, крупные по величине и экономическому значению города вместе с округами отдавались под контроль в управление старшим представителям ханского рода (братьям и сыновьям правившего хана). При Султан Саʻид-хане и в первые годы правления ʻАбд ар-Рашид-хана резиденцией наследника был город Аксу (в нем правил при отце ʻАбд ар-Рашид-султан, затем его сын ʻАбд ал-Латиф-султан). Позже в удел наследнику отдавался Кашгар, первый после столицы (Яркенда) город: при Мухаммад-хане Кашгар сделался владением его сына и наследника Шуджаʻ ад-Дин Ахмад-султана, а сыну последнего, Тимур-султану, принадлежал Аксу. Когда же ханом стал Шуджаʻ ад-Дин Ахмад, он «вызвал в Кашгар своего первого сына, Тимур-султана, который находился в Аксу» [70], и Тимур-султан, как наследник трона, стал управлять Кашгаром. После смерти Тимур-султана Шуджаʻ ад-Дин Ахмад-хан передал Кашгар другому своему сыну, тринадцатилетнему Апак-султану, ставшему его наследником [71].

До того как Кашгар стал удельным владением преемника ханского трона, этот город долгое время оставался наследственным владением улусбеков. При Султан Саʻид-хане Кашгаром владел его улусбек Сайид Мухаммад-мирза дуглат. ʻАбд ар-Рашид-хан послал управлять Кашгаром вместо Сайид Мухаммад-мирзы Мирзу ʻАли-Тугая [72], однако уже не столько потому, что к этому последнему переходили привилегии рода дуглатов и наследст-

---

[68] Бахр ал-асрар, л. 81а (227б).
[69] Там же, л. 82б (228б).
[70] Там же, л. 84а, 85а(230б, 231а).
[71] Там же, л. 88б(235б).
[72] Там же, л. 74а(218а).

венное владение в Кашгаре, сколько за помощь при вступлении на трон.

Помимо членов ханского рода и улусбеков отдельные территории получали в управление и другие эмиры. Таких фактов Махмуд ибн Вали приводит большое количество. Так, после того как Мирза 'Али-Тугай бежал из Кашгара в Каратегин, 'Абд ар-Рашид-хан «управление различными территориями этой области [т. е. Кашгара] возложил на великих эмиров»[73]. При Шуджа'ад-Дин Ахмад-хане, после того как его сын Тимур-султан, бывший до того правителем Аксу, получил как наследник в управление Кашгар, хакимом области Аксу был назначен Мирза Хашим из племени бахрин[74]. За содействие в борьбе с 'Абд ад-Рахим-ханом Субхан-Кули, бывший хакимом города Бая еще при Шуджа' ад-Дин Ахмад-хане, при Апак-хане «вновь был удостоен чести стать хакимом этого города»[75]. Как правило, самые влиятельные эмиры назначались на управление и в наиболее важные города и области.

Приведенные выше материалы из сочинения Махмуда ибн Вали говорят о широком распространении в Могульском государстве XVI—XVII вв. института феодальных пожалований. Говоря о передаче, жаловании тех или иных областей, округов, городов в управление (ба хукумат) султанам и эмирам, автор «Бахр ал-асрар» нередко использует для социальной атрибуции этих пожалований термин «икта'»[76]. Так, он обозначает этим термином владения Мансур-хана, который был, как старший из потомков Ахмад-хана, наследником своего отца в могульском улусе и фактически был ханом, номинальным главой Восточного Туркестана. Махмуд ибн Вали пишет: «Как только Мансур-хан получил известие о смерти брата [Са'ид-хана] и о волнениях, происходящих в стране, он поспешил из своих владений (аз икта'-йи хиш) в Аксу»[77]. В период правления своего брата в западной части Кашгарии Мансур-хан оставался самостоятельным правителем, ханом восточной части, тем не менее автор «Бахр ал-асрар» называет его владения термином, издавна

[73] Бахр ал-асрар, л. 226б.
[74] Там же, л. 231б.
[75] Там же, л. 91б(238а).
[76] Там же, л. 194б, 204а, 233а, 234а и др.
[77] Там же, л. 80а (225а, б).

применявшимся на мусульманском Востоке к условным пожалованиям. Хотя Мансур-хан давно уже стал совершенно независимым от яркендского хана в своих владениях, но юридически он был владельцем пожалованного ему отцом удела, состоявшего, правда, из огромной территории.

Термином «икта'» названы автором «Бахр ал-асрар» владения Бабаджак-султана (города Бай и Куча), полученные им от старшего брата, Мансур-хана. «Придя в Яркенд, Султан Са'ид-хан вторично осыпал братьев и эмиров милостями (ба суйургамиши фармуд) [78] ...После этого он позволил Бабаджак-султану удалиться в свое икта' (ба икта'-йиш)» [79]. Словом *икта'* названо здесь, как и выше, удельное владение одного из отпрысков ханского рода. Еще пример использования термина: «Эмир Джаббар-Берды оставил крепость Уч, которая была из его икта' (аз икта'-йи у буд)» [80]. В данном случае термином «икта'» названо владение эмира, причем из указания Махмуда ибн Вали видно, что икта' его представлял собой немалую величину — город Уч был лишь частью его владений. Таким образом, из этих примеров и приведенных выше видно, что термином «икта'» Махмуд ибн Вали называет области, города вместе с подвластной им округой, пожалованные султанам, эмирам, военачальникам — «столпам государства и высокопоставленным вельможам» (аркан-и доулат ва а'ийан-и хазрат), т. е. икта' названы как владения-уделы членов ханского рода, представлявшиеся им главой правящей династии в управление, так и земельные владения, пожалованные представителям феодальной знати, военачальникам, видным государственным деятелям в качестве вознаграждения за те или иные заслуги перед ханом — за поддержку при вступлении на ханство, за помощь в междоусобной борьбе, за военные

---

[78] Слово *суйургамиши* имеет значение 'милость, благоволение': *суйургамиши фармудан* — 'оказать милость, одарить, обрадовать, выказать благоволение'. Об употреблении слова *суйургамиши* в источниках и о связях с ним термина для обозначения феодального института «суйургал» см.: *Беленицкий А. М.* К истории феодального землевладения в Средней Азии и Иране в тимуридскую эпоху: (образование института суюргал). — Историк-марксист, 1941, № 4; *Петрушевский И. П.* К истории института сойургал. — Сов. востоковедение, 1949, т. 6, с. 232—249.

[79] Бахр ал-асрар, л. 204а.

[80] Там же, л. 194б.

подвиги и т. д., или на условии несения военной или гражданской службы, в виде вознаграждения за эту службу.

Употребление термина «икта‘» в «Бахр ал-асрар», как видим, неоднозначно. Чаще всего оно отражало существо термина «икта‘» в его социальном значении, как феодального института, определенной категории временного условного пожалования, иногда—«пожалования вообще».

«Икта‘» в традиционном значении, применявшемся в Средней Азии со времен Караханидского государства, как и в Восточном Туркестане, а во многих других странах Ближнего и Среднего Востока еще со времен Арабского халифата, означал институт временного земельного феодального пожалования с налоговым иммунитетом на условиях военной службы правителю. В сущности владельцу икта‘ (иктадару) жаловалось на время службы право на получение налогов (частично или полностью) с населения определенной области, района, города, селения, предоставляемого в икта‘. К концу XIV в. феодальный институт икта‘ как временное ленное пожалование, хотя и имевшее тенденцию превращения в наследственное владение, был заменен новым институтом феодального земельного пожалования с более широкими правами жалованного лица — суйургалом. Суйургал как форма феодального пожалования за службу, военную и гражданскую, представлял собой дальнейшее развитие икта‘ в направлении феодальной земельной собственности. Помимо налогового иммунитета (государственные чиновники не имели права собирать подати с этой территории), обладатель суйургала получал также и право судебно-административного иммунитета, был, по существу, полновластным хозяином в своем владении. Владелец суйургала обязан был выставлять по требованию правителя войско.

Суйургальное пожалование имело наследственный характер, получали его сначала в основном представители военно-кочевой знати, позднее — и другие феодалы, включая мусульманское духовенство [81].

[81] *Петрушевский И. П.* Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв., с. 273; *Абдураимов М. А.* Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI — первой половине XIX в. Ташкент, 1970, т. 2, с. 190—218; *Ашурбейли С. Б.* Феодальные пожалования в Ширване в XV—XVII вв. — В кн.: Формы феодальной

В источниках XV — начала XVI в. изредка встречается и термин «икта‘», но, по мнению исследователей, он является синонимом термина «суйургал». Однако в нарративных сочинениях и документах последующего времени термин «икта‘» встречается намного чаще. Исследователи проблемы социально-экономических отношений в эпоху феодализма в Средней Азии, на Ближнем и Среднем Востоке долгое время воспринимали употребление термина «икта‘» для позднесредневекового периода или в качестве «главным образом традиционного пережитка книжного выражения» (П. П. Иванов), или синонима заменивших институт феодального пожалования икта‘ феодальных институтов сойургал, тиул (И. П. Петрушевский) и танха (М. А. Абдураимов) [82]. Б. А. Ахмедов, обобщивший эти мнения ученых-востоковедов, выявил и проанализировал многочисленные факты использования термина «икта‘» в среднеазиатских нарративных сочинениях XVI—XVIII вв. (Хафиз Таныша, Махмуда ибн Вали, Мир Мухаммад Амина Бухари и др.) наряду с терминами «суйургал», «танха». Исследователь пришел к выводу, что эти термины не всегда были синонимами. Если в XVI в. термины «икта‘» и «суйургал» «были идентичными и обозначали условное пожалование членам царствующего дома, военачальникам и видным государственным деятелям, в зависимости от их общественного положения, отдельных областей и округов с предоставлением им налогового и административного иммунитета» [83], то начиная со второй половины XVI в. термин «икта‘» на территории Бухарского ханства «полностью вытеснил доминировавший до того термин „суйургал“»

земельной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке: Бартольдовские чтения 1975 г. М., 1979, с. 28; *Эфендиев О. А.* Институт «суйургал» и централистская политика правителей Ак-Койунлу и первых Сефевидов. — Там же, с. 168—169; *Фарзалиев Ш. Ф.* О суйургале в XV—XVI вв. (по «Ахсан ат-таварих» Хасан бека Румлу). — Там же, с. 141—144.

[82] *Иванов П. П.* Хозяйство Джуйбарских шейхов: К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв. М.; Л., 1954, с. 26, 27; *Петрушевский И. П.* Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в. Л., 1949, с. 185—186; *Абдураимов М. А.* Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве . . . , т. 2, с. 112—113.

[83] *Ахмедов Б. А.* Икта в Средней Азии в XVI — начале XVIII в. — В кн.: Формы феодальной земельной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1979, с. 15—16.

для обозначения упомянутого выше временного условного пожалования [84].

Термин «суйургал» в XVII—XVIII вв. стал обозначать здесь «всякое пожалование саййидам, шейхам, улемам и наиболее видным поэтам», а танха был «пожалованием ренты-налога с небольшой территории военному и мелкому служилому сословию для их содержания» [85]. Выводы Б. А. Ахмедова о широком распространении института феодального пожалования икта' (и обозначавшего его термина) в Средней Азии, отличавшегося от других видов пожалования, подтверждаются, видимо, материалом Махмуда ибн Вали и по Восточному Туркестану. Хотя вполне понятно, что информация автора «Бахр ал-асрар» о столь сложном социальном явлении, как феодальные пожалования, формы землевладения и земельной собственности, характерные для этой весьма отдаленной от него страны, не может быть такой же полной и отчетливой, как для его родной страны. Новый тип феодального земельного пожалования в Бухарском ханстве, обозначавшегося термином «икта'», судя по данным Б. А. Ахмедова, отличался и от старого традиционного икта' (к налоговому иммунитету добавляется и административный, как у пожалования типа суйургал) и от давнего классического суйургала XIV—XV вв. (новый вид икта' был временным пожалованием за службу, а суйургал был наследственным). Каковы особенности икта' в Могульском государстве XVI—XVII вв., чем отличаются от этого вида феодального пожалования иные виды (судя по другим источникам, в Восточном Туркестане XVI в., как и в Средней Азии, были феодальные пожалования типа суйургал [86]) — ответы на эти вопросы по данным Махмуда ибн Вали могут быть лишь самыми предположительными, основанными на его же косвенных свидетельствах, так как он, хотя и говорит, по существу, о феодальных пожалованиях, но не применяет термина «суйургал», не поясняет и значение употребляемого им термина «икта'»,

---

[84] *Ахмедов Б. А.* Икта в Средней Азии в XVI — начале XVIII в., с. 18.

[85] Там же, с. 17—18.

[86] Например, сохранившиеся в сочинении Кари-Курбана-'Али «Та'рих-и джарида-йи джадида» две грамоты о пожаловании суйургалов Мансур-ханом (в 1518 г.) и Са'ид-ханом (в 1514—1533 гг.). Рук. ЛО ИВ АН СССР, С 578, л. 15б—17б. Об этом авторе статьи любезно сообщил В. П. Юдин.

хорошо знакомого ему по среднеазиатской действительности.

Могульские ханы, судя по вышеприведенным сведениям Махмуда ибн Вали, широко пользовались системой наделения членов правящей династии, ближайших родственников хана, в первую очередь сыновей его, крупными уделами, фактически целыми удельными княжествами на правах наследственного владения и на определенных условиях, главным образом — военной службы хану. В своих уделах представители правящего дома пользовались всеми административными правами и правом сбора государственного налога. Крупные феодалы, в первую очередь военно-кочевая могульская знать, также награждались за службу значительными территориями, целыми областями, городами, их округой, земледельческими оазисами с селениями и прилегающими пастбищами.

Удельные владения членов ханского рода и владения наиболее крупных эмиров, назначавшихся правителями больших городов с их сельскими округами (Кашгар, Аксу, Хотан, Бай, Куча, Уч, Турфан и др.), подразделялись на более мелкие феодальные владения. Автор «Бахр ал-асрар» не отмечает различия между передачей какой-либо области в удел члену ханского рода, крупному феодалу с получением на содержание части налогов в этой области и пожалованием территории в личное его владение с получением всего дохода на свое содержание. Тем не менее очевидно, что правитель области (хаким) распоряжался не всеми доходами, получаемыми с данной территории. Возможно, только часть доходов, поступавших ранее в виде налогов в государственную казну с отданной ему в управление области (вилайет, мамлакат, худуд), поступала в его личное распоряжение в качестве вознаграждения за несение службы. Другую же часть доходов области или земельные участки, селения хаким должен был переуступать представителям феодальной знати — «эмирам и нойонам» (умара ва нуйинан), «вельможам и знатным лицам» (ашраф ва ‘аийан), стоявшим рангом ниже в ряду административных и военных должностей. Раздавалась ли получаемая ими территория членам их рода — воинам (сипахийан, лашкарийан, мардум-и лашкар), с которыми они должны были являться на военную службу к удельному правителю или к хану (о такой раздаче можно судить по словам Махмуда ибн

Вали: «войска возвратились в свои икта' и жилища»[87], «дал им позволение отправиться в их икта' и дома»[88] и др.), или же эти эмиры и нойоны — главы родов и одновременно военачальники соответствующих войсковых единиц — содержали свои военные отряды сами, за счет средств, получаемых ими от доходов со своих земельных владений, — об этом нельзя говорить со всей определенностью на основании сообщений автора «Бахр ал-асрар». Можно считать несомненным лишь то, что и в том и в другом случае содержание феодалов и их войск осуществлялось за счет эксплуатации оседло-земледельческого населения и рядовых кочевников Кашгарии могульской и местной уйгурской военно-феодальной, сословно-иерархической знатью (хан[89], удельные правители — хакимы, эмиры и нойоны). Все, начиная от султана или крупного эмира, которому пожалована область, и кончая мелким служащим или воином, в зависимости от места, занимаемого им в социальной иерархии, иерархии должностей, все получали на разных условиях или земельные держания, или доходы с земли, взимавшиеся в виде ренты-налога с трудового населения.

Главным условием получения феодального пожалования султанами и феодальной знатью было несение военной или административной службы. Предоставлялись пожалования за содействие в получении ханами приоритета в борьбе за трон, за содействие в удачном завоевательном походе. Неоднократны сообщения Махмуда ибн Вали о том, что тот или иной хан за оказанные ему услуги, за военную помощь проявляет «великодушие... при назначении на должности»[90], удовлетворяет «военных лиц... высокими чинами» и делает «их пользующимися [благами более] высоких должностей»[91]. Пожалованная территория предоставлялась во временное пользование до тех пор, пока за лицом, получившим ее, сохранялась соответствующая должность, т. е. пока он нес службу, причем она нередко оставалась за данным лицом и при

[87] Бахр ал-асрар, л. 86б.

[88] Там же, л. 87б.

[89] Личным владением хана был, как указывалось, Яркендский округ («Сам 'Абд ар-Рашид-хан правил в Яркенде на троне владычества», л. 226а), за счет которого содержались собственно ханские войска и двор.

[90] Бахр ал-асрар, л. 84б.

[91] Там же, л. 82а(228а).

смене ханов. Так, Абу-Са'ид-султан получил в управление Кашгар при 'Абд ал-Карим-хане и продолжал владеть им при Мухаммад-хане (позже был изгнан не только из Кашгара, но и из меньшего по значительности Сары-Кула из-за того, что «поднимал пыль ссоры») [92]. Как правило, в случае сохранения лояльности в отношении нового хана обладатели тех или иных должностей и соответствовавших им земельных владений сохраняли их и дальше. «Благородного происхождения эмиры и высокородные князья... опоясавшись поясом служения Мухаммад-хану, остались на своих местах» [93]. Новый правитель подтверждал права на должность и соответствующее земельное владение.

О значительности размеров земельных пожалований говорит количество войска, с которым обязаны были являться их владельцы по требованию хана; численность войсковых частей отдельных феодалов доходила до нескольких тысяч. Посылая Искандар-султана в Чалыш против мятежного 'Абд ар-Рахим-хана, Шуджа' ад-Дин Ахмад-хан дал ему, помимо своих личных войск, еще и войско Хотана под командованием Йусуф бахрина и Монак чураса, а также 1500 всадников из Аксу, принадлежавших правителю этого города Мирзе Хашиму.

Разграбив окрестности Чалыша, Искандар-султан и Абу-л-Хади возвратились в Кучу, «а назначенные [им в помощь] войска — в свои владения (икта') и жилища (амакин)» [94]. Год спустя с той же целью к Искандар-султану и Абу-л-Хади были посланы Багур бикджик и 'Абд ал-факар икарджи с 1500 всадниками, все войско Аксу, а несколько позже — «Мирза Кули бакавал, который принадлежал к привилегированному сословию (аз хасс-и ахл-и ихтисас) с пятьюстами всадников», 1500 воинов из Аксу во главе с Шах-Мурадом барки и войско Субхан-Кули-бека, хакима Бая [95]. Во время осады г. Кучи Тимур-султан послал часть войск, находившихся в его распоряжении, против казаха Искандар-султана — союзника осажденного в крепости 'Абд ал-Карим-хана. Численность только посланного войска составляла 10 тысяч всадников. С этими силами к Тимур-султану прибыли его

[92] Бахр ал-асрар, л. 81б(227б), 82б(228б) и 84б(231а).
[93] Там же, л. 82а(228а).
[94] Там же, л. 86б.
[95] Там же, л. 87а, 87б(233б, 234а).

вассалы Хайдарбек чорас и хаким Аксу Мирза Хашим [96]. Икта' членов ханской династии составляли огромные территории. Доходы с них позволяли им содержать значительные войска.

Данные Махмуда ибн Вали говорят о постепенном росте независимости удельных правителей и владельцев земельных пожалований, об их стремлении превратить свои, обусловленные службой хану, должностью, земельные владения в наследственную, безусловную частную земельную собственность. Центробежные устремления среди могульской военно-феодальной знати наблюдаются в течение всего рассматриваемого периода, причем во все более возрастающей степени. Буквально каждый новый хан вынужден начинать свое правление с подавления мятежей и усмирения междоусобиц. Особенно продолжительной и упорной была борьба против центральной власти 'Абд ар-Рахим-султана, получившего при 'Абд ал-Карим-хане [97] в управление Чалыш и Турфан, незадолго до того перешедшие к кашгарским ханам от потомков чагатаида Мансур-хана. 'Абд ар-Рахим-султан превратил округ Чалыша и Турфана в экономически и политически самостоятельное владение, совершенно независимое от центрального правительства, со своими войсками, системой управления, с передачей власти по наследству [98]. Многочисленны свидетельства Махмуда ибн Вали о самостоятельности других удельных правителей и эмиров, о нарастании феодальных усобиц. Автор «Бахр ал-асрар» подчеркивает, что «неповиновение вероломных эмиров» во время отражения нашествия узбеков привело к поражению Мухаммад-хана [99]; отмечает, что «в делах ханских мулазимов [приближенных] стала проявляться недоброжелательность» и возникли «противоречия и разногласия», в результате чего неудачной оказалась осада Чалыша Искандар-султаном и Абу-л-Хади [100].

Борьба за власть между претендентами на трон из числа членов династии, участие в их борьбе крупнейших правителей областей, предводителей кочевых могульских племен определяла содержание внутриполитической си-

[96] Бахр ал-асрар, л. 84а(232а); МИКХ, с. 333.
[97] Бахр ал-асрар, л. 81а(227б).
[98] Там же, л. 93б(239б).
[99] Там же, л. 84а(230а).
[100] Там же, л. 87а(233б).

туации Могульского государства. Страна была расколота фактически на две части. Могущество удельных правителей подчас было так велико, что хан не осмеливался «охладить пыл самостоятельности» своих вассалов, а если и предпринимал попытки покончить с междоусобицей, то нередко сам терпел поражение. Не только удельные владетели из ханского рода, но и многие крупные эмиры часто добивались полной независимости от хана. В междоусобной борьбе за власть членов правящей династии они выступали на стороне то одного, то другого ее представителя. Таковы Субхан-Кули, хаким Бая, присоединившийся к 'Абд ар-Рахим-хану [101], Абу-л-Хади, бывший аталык Искандар-султана, самостоятельно чеканивший монеты в городе Куче и неоднократно переходивший на сторону то яркендских правителей, то 'Абд ар-Рахим-хана [102]. Самостоятельность Абу-л-Хади в его действиях была так велика, что он вел совершенно независимую политику в отношениях с соседями Кашгарии — узбеками, казахами, калмыками. Махмуд ибн Вали сообщает, что Абу-л-Хади «совершил набег на ставку (орду) казахских султанов» где-то в присырдарьинских районах и увел в плен сыновей Кучик-султана и Абд ал-Мухаммада Андиджани. После смерти 'Абд ар-Рахим-хана он заключил союз с одним из предводителей калмаков (ойратов) Далай-тайши (в тексте Илдай-тайши) [103] и дал ему тысячу воинов, чем помог разграбить Аксу [104].

Одним из очевидных свидетельств растущей самостоятельности удельных владетелей и их независимости от центрального ханского правительства является уклонение от несения военной, административной службы хану, хотя именно эта служба была условием, на котором им предоставлялся удел, земельное пожалование. Махмуд ибн Вали рассказывает о подобном неповиновении, уклонении от военной службы одного из внуков 'Абд ар-Рашид-хана — Шах-Хайдар Мухаммад-султана, бывшего правителем (хакимом) Хотана. Во время осады узбекским вой-

---

[101] Бахр ал-асрар, л. 90а(237а); 91б(238а).

[102] Там же, л. 89б(237а), 91б(238б); МИКХ, с. 339, 344.

[103] Возможно, это — Далай-тайша, глава дербетского объединения, сторонник джунгарского хунтайджи Эрдени Батура (Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607—1636). М., 1959, с. 150—153.

[104] Бахр ал-асрар, л. 91б(238б—239а); МИКХ, с. 345.

ском Кашгара Шах-Хайдар Мухаммад-султан явился было на помощь к своему дяде Мухаммад-хану, но затем, как говорит источник, «в битве могулов с узбеками в Кашгаре проявил беспечность и нерадивость», оставил хана задолго до сражения под Яркендом и ушел к себе в Хотан, отговорившись тем, что все его войска находятся в том городе. Хан не имел фактически реальных сил, чтобы призвать к порядку своего вассала, оправдавши перед самим собой и окружающими свое бессилие тем, что «необходимого времени для наказания [племянника] не было» [105].

О степени феодальной раздробленности в Могулии говорят многочисленные выступления против центральной власти фактически независимых ханских вассалов. Автор «Бахр ал-асрар» много рассказывает о мятежах, феодальных смутах султанов и эмиров. При 'Абд ар-Рашид-хане мятежные эмиры «бежали в Хотан с некоторыми из ханских сыновей и в той области поднимали пыль смуты и волнений» [106]. Правление следующего хана, 'Абд ал-Карима (1559/60—1592/93), было ознаменовано выступлением против него его брата Курайш-султана [107], который бежал из Яркенда в Чалыш и Турфан. В свою очередь сын Курайш-султана Худабенде-султан при Мухаммад-хане (1592/93—1609/10) тоже бежал в Чалыш и Турфан, поднял там мятеж, причем, как сообщает Махмуд ибн Вали, получил поддержку у местного населения. Мятежные феодалы нередко пользовались в своих интересах в противодействии хану недовольством угнетенных масс, их борьбой против гнета феодального государства, тяжелых налоговых поборов, бесконечных тягот и лишений, которые несли народу феодальные войны и усобицы. Однако, втягивая трудящиеся массы в свою борьбу, феодалы еще в большей степени ввергали их в пучину разорения и бедствия, ибо в условиях феодального государства только сильная центральная власть могла хоть в какой-то степени облегчить тяжелое положение населения, вдвойне страдавшего от феодальных усобиц.

При Махмуд-хане восстал упомянутый выше правитель Чалыша и Турфана 'Абд ар-Рахим-хан [108]. Неодно-

[105] Бахр ал-асрар, л. 83а (229б), 84б (231а).
[106] Там же, л. 80а (225б).
[107] Там же, л. 81б (227б).
[108] Там же, л. 84а (230а).

кратно он выступал со своими войсками против яркендских ханов и оспаривал их власть, причем много раз ему удавалось, хотя и временно, присоединить к своим владениям и некоторые соседние города.

Подробные свидетельства Махмуд ибн Вали о междоусобных войнах, которые вел 'Абд ар-Рахим-хан против яркендского правительства, представляют большую ценность для уяснения характера и степени политической раздробленности Кашгарии на рубеже XVI—XVII вв. Вкратце об этих усобицах упоминает В. В. Бартольд [109], однако эти данные заслуживают специального исследования.

Здесь же отметим лишь, что борьба яркендских правителей с 'Абд ар-Рахим-ханом, который стремился не только сохранить экономическую и политическую независимость своих владений, но пытался и расширить их, осложнялась выступлениями против них и других ханских вассалов.

Так, в ходе борьбы с чалышско-турфанским правителем восстал аталык Искандар-султана Абу-л-Хади; он изгнал из города своего подопечного и вступил в переговоры о союзе с 'Абд ар-Рахим-ханом и казахским ханом Ишимом (Есимом), которые и пришли к нему в город Кучу с войсками. В сражениях с ними Искандар-султан потерпел поражение и был вынужден уйти в Аксу[110]. Шуджа' ад-Дин-хан (1609—1615) не смог оказать противодействия 'Абд ар-Рахим-хану и Абу-л-Хади, так как в это же время восстал против хана брат Искандар-султана Шараф ад-Дин Мухаммад-султан [111]; он направился было в Кашгар, но был схвачен ханским отрядом. Вместе с другими братьями Шараф ад-Дин был изгнан из пределов страны и ушел в Индию.

Вслед за Шараф ад-Дином поднял восстание его брат Искандар-султан, бежавший после поражения под Кучей в Аксу, правителем которого он был. Благодаря содействию эмиров его не постигла участь брата-изгнанника, он был помилован ханом и вновь получил в управ-

---

[109] *Бартольд В. В.* Отчет о поездке в Туркестан, с. 182—186.

[110] Бахр ал-асрар, л. 87б(234б); МИКХ, с. 337. Об участии казахских ханов в междоусобицах Чагатаидов см.: *Юдин В. П.* Бахр ал-асрар: [Вводная статья]. — МИКХ, с. 326; *Акимушкин О. Ф.* Введение в изучение памятника . . . , с. 125—129.

[111] Бахр ал-асрар, л. 88а(235а).

ление Аксу. Однако через год убил своего аталыка Мирзу Хашима, приверженца хана, и некоторых других эмиров и отправил гонцов к ʻАбд ар-Рахим-хану с заявлением о своем «дружелюбии и согласии».

Через год после подавления восстания Искандар-султана (в 1614 г.) Шуджаʻад-Дин Ахмад-хан был убит мятежными эмирами, которые возвели на ханский престол Курайш-султана, сына Йунус-султана и внука ʻАбд ар-Рашид-хана. «Законный» наследник престола ʻАбд ал-Латиф-(Апак)хан направился из Кашгара, своего удельного владения, в Яркенд, разбил в местности Рабатчи яркендское войско и, войдя в крепость, убил двоюродного брата своего отца Курайш-султана, который правил всего лишь 9 дней [112].

Новый хан (1615—1627) сразу же после подавления мятежа Курайш-султана и эмиров был вынужден возобновить борьбу с ʻАбд ар-Рахим-ханом. Эту длительную упорную борьбу ханов Яркенда с правителем Чалыша и Турфана использовали мятежные феодалы, достаточно сильные и независимые для того, чтобы самим выбирать себе верховных владык и не выполнять своих обязанностей в качестве их вассалов. Так, упомянутый Абу-л-Хади, утвердившийся в Куче, обратился с просьбой к Апак-хану, чтобы тот прислал к нему кого-либо из членов ханской фамилии. Одновременно такую же просьбу он послал и к ʻАбд ар-Рахим-хану, который и удовлетворил ее, отправив к нему своего сына Абдаллаха [113]. Играя таким образом роль «слуги двух господ», Абу-л-Хади укрепил свое независимое положение.

Не прекратились усобицы и после смерти Апак-хана в 1036 г. х. (1626—1627). Как пишет Махмуд ибн Вали, при Султан Ахмаде (Пулад-хане) «возникли противоречия и распри среди эмиров Ахмад-хана. Дело дошло до того, что пребывание ханской особы в той области стало поводом для сожаления» [114]. Бесконечные феодальные усобицы буквально взрывали изнутри государство; фактически, как мы видели, каждому новому правителю приходилось начинать свое правление с ликвидации междоусобиц и усмирения мятежей.

---

[112] Бахр ал-асрар, л. 89б (236б); *Бартольд В. В.* Отчет о командировке в Туркестане, с. 180.

[113] Там же, л. 90а(236б).

[114] Там же, л. 93б(239б).

Приведенные здесь лишь некоторые отрывочные сведения Махмуда ибн Вали говорят об ожесточенной междоусобной борьбе в Кашгарии во второй половине XVI — начале XVII в. Феодальные междоусобицы приводили к политическому отделению независимых удельных владений как членов ханского рода, так и крупных эмиров. В войнах друг с другом и с ханами отдельные владетели — представители военно-феодальной знати опирались на свои войска, умело использовали волнения и недовольство народных масс, прибегали к военной помощи своих соседей — казахов, киргизов, калмыков [115]. Феодальная верхушка этих народов была заинтересована в ослаблении Могульского государства, преследуя свои интересы, постоянно вмешивалась в его внутренние дела. В 20-х гг. XVII в. феодальная междоусобная борьба султанов и эмиров привела к падению власти могульских ханов — потомков внука Са'ид-хана Мухаммад-хана, переходу яркендского трона, правда, ненадолго, к сыновьям чалышско-турфанского правителя, другого внука Са'ид-хана, 'Абд ар-Рахим-хана. К концу XVII в., пользуясь фактическим развалом государства могульских ханов и отвечая на просьбу Апак-ходжи о помощи против хана Исмаила, один из предводителей калмаков Галдан ликвидировал независимость Восточного Туркестана, подчинив его Джунгарскому ханству, что открыло путь к захвату Восточного Туркестана в 1759 г. Китаем [116].

Выше были рассмотрены материалы Махмуда ибн Вали, касающиеся института феодальных пожалований в Могульском государстве, выявлена распространенность в Кашгарии XVI—XVII вв. этого типа феодального держания (собственности); хотя и на косвенных данных, показаны характер, условия, на которых предоставлялись пожалования, отмечены социальные и политические результаты раздачи уделов в икта' и другие формы феодальных пожалований; рассмотрены тенденции превращения держаний на условиях службы в наследственные

[115] МИКХ, с. 332, 333, 337 и др.

[116] *Мокеев А. М.* Основные формы связи кочевников с городами Восточного Туркестана в XVII — первой половине XVIII в. — В кн.: Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья: (Бартольдовские чтения, 1976). М., 1979, с. 181; *Зотов О. В.* Политические отношения между Китаем и Восточным Туркестаном в XV—XVIII вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981, с. 16.

владения, фактически в частную земельную собственность, а крупных уделов — в политически независимые владения, усиление центробежных сил, а отсюда ослабление Могульского феодального государства и потеря им политической независимости.

Из приведенных выше и других материалов автора «Бахр ал-асрар» можно сделать заключение о наличии в Кашгарии некоторых других форм земельной собственности. Феодальные пожалования за службу осуществлялись главным образом из фонда государственных земель, хотя производились они иногда, как показывают последние исследования, и из других видов земельной собственности, в частности — милковых [117]. Следовательно, если был распространен институт феодальных пожалований за службу, будь то часть дохода из целой области с ее городами и их округой, отданных в удел члену правящей династии или крупному эмиру, или сама земля с сидящими на ней феодально-зависимыми крестьянами, составившая небольшое держание мелкого феодала, то значит была и государственная собственность на землю. Сама природа феодального общества определяется базисным моментом — системой награждения за службу земельными наделами (или частью доходов, ренты-налога, поступавшего с феодально-зависимого крестьянства), а господствующий класс в средние века «принимает обычно форму служилого сословия (военного или... гражданского) с развитой внутренней иерархией» [118]. Фонд земли для наделения уделами этого служилого сословия, включая его высший слой — родственников хана, ближайших его сподвижников из числа крупных эмиров, мог быть пополнен за счет расширения государственной территории путем экспансии за пределы феодального государства; т. е. в поисках новых земель, постоянных доходов (а не только разового захвата добычи, ограбления) ханы, подталкиваемые алчными, жадными до наживы феодалами, особенно из военно-кочевой знати, становились на путь внешних завоеваний (примеры подобных действий могульских ханов приводились выше). Он, этот

[117] *Давидович Е. А.* Феодальный земельный милк в Средней Азии XV—XVIII вв.: сущность и трансформация. — В кн.: Формы феодальной земельной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1979, с. 47.

[118] *Никифоров В. Н.* Восток и всемирная история. М., 1977, с. 50.

фонд, мог быть получен также за счет перераспределения внутреннего фонда земель, что связано с лишением права собственности на землю или владения ею уже имеющихся собственников земли, землевладельцев. Возможность этого возникает и реализуется в ходе феодальных усобиц, нестабильности внутриполитического положения государства, при подавлении мятежей (принадлежавшие мятежным феодалам земли отбирались, конфисковывались и переходили в казну, в фонд государственных земель, независимо от того, условной или безусловной феодальной земельной собственностью они были).

Система раздачи земель в уделы в виде награждения за службу особенно распространялась (возрождалась снова и снова) в период завоеваний, смены династий правителей страны. Так было всегда в странах Ближнего и Среднего Востока, как и в Средней Азии (при Тимуридах, Шайбанидах, Аштарханидах). И в Кашгарии в начале XVI в. хотя и не сменялась династия (могульские ханы-чагатаиды правили Кашгарией наряду с Могулистаном и в предшествующие полтора столетия), власть ее здесь была сильно потеснена в последние десятилетия XV — начале XVI в. дуглатскими мирзами (Абу-Бекр-мирза дуглат и др.) [119]. Но теперь, с 1514 г., когда Са'ид-хан, не добившись успеха в Могулистане, утвердился (фактически путем завоевания страны) в Кашгарии, власть Чагатаидов сосредоточилась только на этой территории. Возникла необходимость перераспределения земельного фонда между местными и новыми, вытесненными из Могулистана, слоями могульской, главным образом военно-кочевой знати. Са'ид-хан, как говорилось выше, еще пытался удовлетворить их требования внешними завоеваниями, а своего сына 'Абд ар-Рашида, будущего хана, он посылал отвоевывать себе у казахов и киргизов в удел Прииссыккулье и Семиречье. При Рашид-хане все крупные области Кашгарии были розданы в уделы его многочисленным сыновьям, т. е. им фактически осуществлено было право верховного собственника всей государственной земли, или распорядителя государственного земельного фонда. Хан, как верховный правитель, сохранял юридическое право собственности на пожалованную в удел территорию: он мог конфисковать

[119] МИКХ, с. 186, 210, 212 и др.

удел, землю (например, за неповиновение), сократить или наоборот увеличить удел (за оказанные услуги в беспрерывных войнах, в частности), заменить один удел другим. Но в конкретных условиях постоянной нестабильности внутреннего положения Могульского государства осуществлять ханам свое право было все труднее.

И это было связано не только с политическими условиями жизни Могулии, но и с самим характером условного феодального пожалования, его постоянной возможностью перейти в частную земельную собственность. Институт феодальных земельных пожалований самым тесным образом связан с институтом феодальной земельной собственности — безусловной частной собственностью. Наличие ее в феодальном обществе Могульского государства следует отметить не только исходя из немногих данных Махмуда ибн Вали, но и из имевшей место эволюции института феодального пожалования, обладатель которого стремился превратить его в наследственное владение. И эта эволюция была характерна для всех категорий феодального держания, условного пожалования (икта, суйургал, танха, тийул и т. д.) в любых феодальных обществах, государствах Востока, включая и Кашгарию. В то же время переходили или имели тенденцию переходить в безусловные земли (милк) не только условные военные или иные феодальные держания за службу, но и наоборот, частнособственнические (милковые) земли тоже могли переходить в разряд условных пожалований (например, при конфискации, сначала попав в государственную собственность, а затем будучи переданной за службу другому лицу). Частная безусловная феодальная земельная собственность складывалась не только путем покупки, дарения, пожалования земли собственнику со стороны правителя государства с правом наследования и отчуждения, но и путем превращения условного земельного держания в безусловное.

Частная собственность (т. е. не обусловленная службой хану) и условное пожалование, как временное, так и наследственное, одинаково имели феодальный характер, так как право распоряжения землей и собственника, и держателя феодального пожалования реализуется через феодальную ренту разного типа (отработочную, натуральную, денежную). Любой феодальный собственник (обусловлена или нет несением службы его собствен-

ность) по отношению к крестьянину выступает как феодал, получая с него в свою пользу феодальную ренту (часть или полную), т. е. доход, полученный феодально-зависимым крестьянином на принадлежащей феодалу земле и ранее уплачиваемый им в виде государственных налогов (хараджа и др.).

Частнособственническими землями являлись также земли собственно ханского домена. В монгольское время они носили и в Кашгарии название курук, инджу [120]. Сохранились они и в позднее время (вышеупомянутые земли хана в Яркендском округе). Они также имели феодальный характер, сидевшие на них крестьяне уплачивали феодальную ренту в казну хана, на содержание его двора и войска.

Имелась в Могульском государстве еще одна категория феодального землевладения — вакфные земли мусульманских мечетей, медресе и других заведений, на этих землях также работали феодально-зависимые крестьяне, платившие налоги — феодальную ренту в пользу духовной знати. Наиболее крупные ее представители — ходжи — приобрели в Восточном Туркестане огромное политическое влияние к концу XVII в.

В Кашгарии часть населения вела кочевой образ жизни. Хан и удельные владетели — султаны, стремясь подчинить своему влиянию кочевые племена (не только местные могульские, но и казахские, киргизские, калмакские на окраинах Кашгарии), привлекали к себе предводителей племен, назначая их наместниками городов и областей, а их племенам предоставляя обширные площади земель, как пастбищных, так и обрабатываемых. Военно-феодальная знать была фактическим собственником этих земель, поскольку у нее было право руководства кочевым хозяйственным циклом, распределением пастбищных участков, право использования лучших угодий для своих собственных стад.

Таковы формы феодальной земельной собственности и землевладения, существовавшие в Кашгарии на рубеже XVI—XVII вв., которые можно выявить по данным, большей частью косвенным, сочинения Махмуда ибн Вали. Они говорят о том, что во главе феодального могульского

---

[120] *Тихонов Д. И.* Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства (X—XIV вв.), с. 127—128.

государства стоял класс земельных собственников, державших в своих руках на правах различных форм феодальной собственности и владения основное при феодализме общественное богатство — землю.

Эксплуатация непосредственных производителей носила феодальный характер. Крестьяне-земледельцы при перераспределении земли между феодалами, переходе ее из одной формы феодальной собственности или владения в другую оставались на своей земле. Обложению государственными налогами подлежали все крестьянские хозяйства, независимо от того, на каких землях они находились: государственных (мамлака, падшахи), на землях, составлявших феодальное пожалование (икта, суйургал и др.), при котором часть налога шла феодалу, а часть — государству, но крестьянин все равно платил налог полностью, или на частных феодальных землях (милк) — часть налогов уплачивалась феодалу, а часть — государству; если же эта частная собственность была «обелена», т. е. освобождена от налогов государству, то все налоги шли в пользу феодала. Т. е. налоговым иммунитетом (муафи) пользовались феодалы — держатели пожалования или частные собственники, а феодально-зависимое крестьянство неизменно обязано было платить все налоги в пользу феодала.

Для характеристики положения народных масс сочинение Махмуда ибн Вали дает незначительный материал. В его труде нет данных о численности сельского населения, о размерах сельских поселений, которые автор называет различными терминами (касаба [121], карйа [122], моуза‘ [123], мазра‘а [124]), не давая никаких пояснений относительно того, к каким типам поселений относятся данные названия; нет данных о крестьянском или общинном землевладении. Не затрагивает автор и вопросов экономического и правового положения раййатов — основного податного сословия, обрабатывавшего ту самую землю

---

[121] Бахр ал-асрар, л. 86а(232а). *Касаба* (قصبه) — ‘местечко, селение, городок’.

[122] Там же, л. 86а(232а), 86б(233а). *Карйа* (قريه) — ‘деревня, поселение’.

[123] Там же, л. 86б(233а), 90б(237б) и др. *Моуза‘* (موضع) — ‘местность, поселение’.

[124] Там же. *Мазра‘а* (مزرعه) — ‘поле, нива, селение’.

или пасшего на ней скот, которая являлась разного рода феодальным держанием или собственностью феодала. Это и понятно, потому что автор «Бахр ал-асрар» писал типичную историю правителей и все его повествование вращается вокруг вопросов, связанных с жизнью ханов, их борьбой с претендентами на трон и т. д. В связи с этим в его истории чаще мелькают имена представителей того самого господствующего класса феодалов — земельных собственников и землевладельцев, о которых шла речь на предыдущих страницах, по терминологии нашего автора — высокородной (ʻали-табар) знати и людей, «принадлежавших к привилегированному сословию» (аз хасс-и ахли-ихтисас) [125]: султаны, принцы (шахзадеган), эмиры (умара), нойоны (нуйинан), хакимы, вельможи (акабир), знать (ашраф, ʻаийан) [126], ученые-богословы (маʻариф) [127], улемы (ʻулама) и ученые (фозала) [128], аталыки, атабеки и пр. Автор четко разграничивает знать и «простонародье», «массу людей»: «могущественные и незначительные лица» (акабир ва асагир) [129], «господа и люди низкого происхождения» (акаси ва адани) [130]. Положение трудовых слоев населения, или, как называют их авторы средневековых исторических сочинений, «масса незначительных людей» (джумхур-и барайаʻ карх) [131], «мошенники и городские подонки» (ронуд ва оубаш), «люди низкого происхождения» (мардум-и зирдаст) [132] — не являются предметом внимания Махмуда ибн Вали.

О феодальных повинностях, номенклатуре и размере налогов, взимавшихся с основного субъекта феодальной эксплуатации — зависимых крестьян, об ограблении и насилиях над населением сельской округи городов со стороны военно-феодальной знати, о голодовках и дороговизне, об угоне населения во время междоусобных войн Махмуд ибн Вали говорит лишь вскользь, при изложении истории правителей и междоусобных войн, кото-

---

[125] Бахр ал-асрар, л. 87а(233б).
[126] Там же, л. 81б.
[127] Там же, л. 73б(218б).
[128] Там же, л. 226б.
[129] Там же, л. 82а.
[130] Там же, л. 83б(229б), 92а(238б).
[131] Там же, л. 82а.
[132] Там же, л. 88а(235а).

рые они вели. Причем нужно отметить, что, поскольку внимание автора в основном приковано к истории правителей Чагатаидской династии в Кашгарии, то он очень мало говорит о жизни местного уйгурского населения. У автора заметно противопоставление рядового населения, подданных (ра'айа) «людям армии» (мардум-и лашкар) [133], воинам (сипахи ва лашкари), т. е. могульским кочевникам, из которых главным образом комплектовались войска хана и удельных правителей.

На основе сведений Махмуда ибн Вали можно составить некоторое представление о характере феодальных повинностей зависимого податного сословия в Кашгарии в XVI—XVII вв. Как и в предшествующих главах, здесь тоже много общих фраз типа: «[Апак-хан] устранил и уничтожил неосновательные распоряжения (тасариф-и намуваджжах) и бесчисленные налоги и повинности (такалиф-и битех)» [134], но мало конкретных данных об этих налогах и поборах. Причем автор «Бахр ал-асрар» свободно обращается с некоторыми социальными терминами, прилагая их к знакомой ему только по рассказам действительности. Это видно на примере употребления им таких известных в литературе по истории восточного средневековья терминов, как «харадж» (для обозначения государственного налога, поземельной подати) и «бадж» (подорожной пошлины, налога с торговцев; более общие значения термина «бадж» — 'налог, дань, пошлина'). Махмуд ибн Вали использует слово *бадж* как синоним слова *харадж* для выражения одного понятия — поземельного налога, а также и в более широком смысле — налога вообще; употребляет он оба эти термина (бадж ва харадж) и для передачи совершенно иного рода поборов — например, ясака, дани с кочевников. Так, он сообщает, что Тимур-султан, сын Шуджа' ад-Дин Ахмад-хана, в начале XVII в. разбил калмаков и «довел дела этого народа (таифе) до такого состояния, что, когда стали прибывать остальные войска, он [этот народ] принял на себя [обязанность уплачивать] бадж и харадж в [виде] йасака» [135].

Встречается у Махмуда ибн Вали и другой налоговый термин — «мал-у-джихат» (также «малваджихат»). Пос-

[133] Бахр ал-асрар, л. 89б(236б).
[134] Там же, л. 98б—99а(236б).
[135] Там же, л. 86б(232б).

ле покорения Балтистана Искандар-султаном и Мирзой Хайдаром население его обязано было выплачивать налог «мал-у-джихат»[136]. Термин «мал-у-джихат», как отмечают исследователи, употреблялся в Иране и Средней Азии, начиная с XV в. и особенно часто с XVI в. вместо старого термина «харадж» в значении налога с государственных земель, «поземельной подати деньгами и натурой»[137]. Так как Махмуд ибн Вали не дает никаких пояснений относительно этого налога, нельзя определенно сказать, действительно ли здесь речь идет о поземельной подати, которую должно было выплачивать покоренное население Балтистана, или же автор произвольно прилагает термин «малваджихат», знакомый ему по среднеазиатской действительности, к той дани, к тем повинностям, что легли на плечи балтистанцев. Очевидно автор применил здесь термин «мал-у-джихат» именно в этом последнем смысле, так как ниже эти же самые налоги он называет термином «амвал» (мн. ч. от *мал* — в старом значении налогов вообще; в этом значении Махмуд ибн Вали употребляет термин «мал» довольно часто[138]).

Интересны подробности о сборе указанного налога, приводимые Махмудом ибн Вали. Население одной из областей Балтистана, Суру, отказалось допустить к себе сборщика податей (мухассил), не желая, «чтобы кто-либо пребывал на дорогах и проходах, ведущих к их жилищам». «Мы сами произведем уплату своей части [налога] в том самом месте, [где находится ваш лагерь], — заявили жители Суру, — и нет необходимости в том, чтобы сборщик налогов приходил в наши селения»[139]. Когда же сборщик налогов явился в Суру, он был убит вместе со всем отрядом воинов, сопровождавших его. Взимание налогов как внутри страны, так и — тем более — с покоренного населения соседних территорий сопровождалось разного рода злоупотреблениями, еще более усиливавшими тяжесть налогового пресса. Прибытие сборщика податей с вооруженным отрядом

---

[136] Бахр ал-асрар, л. 74б(219б).

[137] *Иванов П. П.* Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.). ИВЛ, 1958, с. 58; *Петрушевский И. П.* Земледелие и аграрные отношения, с. 374—376.

[138] Бахр ал-асрар, л. 157а, 166а, 219б и др.

[139] Там же, л. 74б(219б).

представляло собой настоящее бедствие, сопровождавшееся произволом, грабежами и насилиями. Факт, приводимый Махмудом ибн Вали, говорит о том, что население отвечало на это вооруженным сопротивлением.

Более подробны сведения Махмуда ибн Вали о бедствиях и лишениях, которые приходилось испытывать жителям городов и селений в условиях ожесточенной междоусобной борьбы в Кашгарии на рубеже XVI—XVII вв., причем эти разорения и опустошения, как отмечает автор, несли рядовому люду в равной степени как отряды мятежных удельных правителей, так и ханские войска: «Когда 'Абд ар-Рахим-хан прибыл в окрестности Аксу, он поднял в тех краях пыль вражды и высыпал прах горя и неприятностей на жилища подданных [Шуджа' ад-Дин-хана]»[140]. Махмуд ибн Вали подчеркивает, что «набеги и грабежи» являлись «необходимостью» для независимых удельных правителей[141], настолько они были часты и обычны, являясь настоящей «доходной статьей» феодалов. Военные походы, будь то за пределами или внутри страны, давали в руки феодального класса не только добычу, но и дополнительные земельные площади, давали возможность постоянно увеличивать число податного населения. Но народным массам эти феодальные войны и усобицы несли лишь разруху и усиление гнета, эксплуатации. Не раз сообщает автор о том, что осада городов приводила к гибели окрестные селения, что в самих осажденных городах подчас «голод и дороговизна достигали такой степени, что [осажденные] употребляли в пищу убитых и мертвых»[142].

Междоусобные войны, помимо гибели людей, истребления жилищ и садов, вытаптывания посевов, разорения селений, отрицательно сказывались на хозяйственной жизни еще и потому, что мирное население отрывалось от производительного труда: мятежные владетели практиковали массовый увод населения с тем, чтобы обезлюдить территорию своего противника и тем самым ослабить его, лишив снабжения продовольствием, фуражом, а также источника новых контингентов военной силы. Махмуд ибн Вали говорит об уводе жителей окрестностей

---

[140] Бахр ал-асрар, л. 231б.
[141] Там же, л. 231б, 232а.
[142] Там же, л. 82б(228б).

Аксу ‘Абд ар-Рахим-ханом [143] и об использовании их при последующей осаде крепости Аксу в качестве хашара: «Люди из Аксу, [пришедшие с войском ‘Абд ар-Рахим-хана], несколько раз ставили с внешней стороны крепостной стены приставные лестницы, наполняли землей и мусором ров» [144]. Позже ‘Абд ар-Рахим-хан предлагает хакиму Бая Субхан-Кули увести население города в Чалыш с тем, чтобы обезлюдить Бай, к которому подходил преследовавший его Апак-хан. Апак-хану удалось вернуть назад жителей Аксу, а затем он и сам попытался увести население округа Бая, куда направлялся ‘Абд ар-Рахим-хан [145]. Сообщает Махмуд ибн Вали и о захвате в плен населения союзниками мятежных удельных правителей. Так, один из киргизских предводителей, по имени Талка (Тиляка)-бий, напал на город Уч и «взял в полон жителей той территории» [146], разграбив их имущество.

У Махмуда ибн Вали есть отрывочные сведения о выступлениях народных масс. В рассказах о мятежах он неоднократно упоминает о том, что их организаторы — султаны и эмиры — опирались на «чернь» и «подонков». «Городские подонки и разбойники (ронуд ва оубаш») [147], «низкие, презренные мятежники» (ахл-и ‘усйан-арзал) [148], «преступники» (бирахан) [149], «недостойные» (на-ахлан) — так называет автор разорившихся ремесленников и других городских жителей, обедневших беглых крестьян. Их недовольством и возмущением иногда пользовались мятежники из высокопоставленных лиц, выступая в роли предводителей.

Подробно описывает автор «Бахр ал-асрар» восстание населения, захваченного в 1526 г. кашгарцами Болористана — горной страны на территории северного Афганистана. Посланное ‘Абд ар-Рашид-ханом на подавление восстания войско потерпело поражение, причем повстанцы «надели пленникам на шею ярмо и стали использовать их в сельском хозяйстве и на земледельческих рабо-

---

[143] Бахр ал-асрар, л. 237б.
[144] Там же, л. 91б(238б).
[145] Там же, л. 92а(238б).
[146] Там же, л. 231а; МИКХ, с. 332.
[147] Там же, л. 88а(227а, 235а).
[148] Там же, л. 81б(227б).
[149] Там же.

тах (ба амр-и фалахат ва зара'ат), где обычно применяется рабочий скот (ба'ази хайванат)»[150]. После этой неудачной попытки подавить восстание Рашид-хан сам выступил с войсками в Болористан. На этот раз восстание было подавлено, причем, как подчеркивает сам автор, благодаря помощи кашгарскому хану со стороны местной военно-феодальной знати — «глав и военачальников тех мест», которые «вышли навстречу ['Абд ар-Рашид-хану] шагом извинения и смиренной просьбы о заключении мира». Ради сохранения своего привилегированного положения знать предавала интересы народа. Подавление восстания явилось поводом для разграбления страны: пришедшие на подавление кашгарские войска «занялись, как обычно, грабежом и захватом добычи»[151]. Было разрушено несколько болористанских крепостей, в память о чем Рашид-хан приказал, «чтобы каждый человек из числа людей этого государства доставил в Яркенд мешок с болористанской землей»[152].

Большую ценность представляют сообщения Махмуда ибн Вали о неоднократных выступлениях против центрального правительства уйгурского населения Чалышско-Турфанской области. Рассказывая о мятеже Худабанде-султана, автор говорит, что «жители тех мест [т. е. Чалыша и Турфана] стали его соучастниками и уклонились с большой дороги правильного образа действий и с заслуживающего одобрения пути»[153]. Восставшие заперлись в Чалышской крепости, и только через три месяца крепость была взята ханскими войсками. В перипетиях дальнейшей борьбы ханов Кашгарии с 'Абд ар-Рахим-ханом чалышцы и турфанцы поддерживали последнего, надеясь сохранить независимость своей области. При временном переходе Чалыша в руки нового ханского наместника Искандар-султана и его аталыка Абу-л-Хади чалышцы оказали им сопротивление. Когда новые правители, «послав в поселки и селения мулазимов... взялись за дело и осуществили и применили в той области свой порядок действий и свои распоряжения», то «по этой причине чалышцы уклонились с пути благожелательности и добропочитания и в некоторых делах стали обнаруживать

[150] Бахр ал-асрар, л. 226б.
[151] Там же, л. 226б.
[152] Там же, л. 227а.
[153] Там же, л. 82а—82б(228а—228б).

признаки беспристрастия и непослушания»[154], т. е. поднимались на борьбу против усиления феодального гнета. Осуществлять свои «распоряжения», т. е. взыскивать с населения подати и заставлять его нести различные повинности (например, работы по укреплению крепостных сооружений), чалышскому правителю удавалось только с помощью войск. Аталык Искандар-султана доносил хану, что «эта дерзость и неповиновение имеют место из-за малочисленности [воинов] могущественного [ханского] двора, пребывающих в этой области», и просил прислать добавочные войска, нужные ему «для осуждения и наказания населения этих округов (хавали)»[155]. «Неповиновение» и «посягательства» чалышцев и турфанцев продолжались и в дальнейшем[156].

В условиях жестокой феодальной эксплуатации и ожесточенной междоусобной борьбы, несшей разорение крестьянству и жителям городов, недовольство, антифеодальные настроения народных масс проявлялись довольно часто и в резкой форме. Об этом могут свидетельствовать также и замечания автора, которыми он сопровождает рассказ о жизни почти каждого хана. Рашид-хан направил свое внимание «на ограждение спокойствия людей»[157], 'Абд ал-Карим-хан «длительное время прилагал усилия и старания к упорядочению и устройству важных дел населения» и «установил и распространил в стране обычаи справедливости и правосудия»[158]. То же самое было при Мухаммад-хане[159], имело место в Кашгаре при правителе Тимур-султане[160].

Однако подробные сведения Махмуда ибн Вали слишком расплывчаты. Автор не приводит никаких конкретных данных, кроме этих кочующих из рукописи в рукопись фраз. И тот факт, что подобные «заботы» о подданных автор приписывает буквально каждому хану, говорит, во-первых, о том, что в действительности, очевидно, не осуществлялось никаких конкретных мер для улучшения положения народных масс, а, во-вторых, о том, что недовольство податных слоев населения страны про-

[154] Бахр ал-асрар, л. 87а(233б).
[155] Там же.
[156] Там же, л. 87б(234а).
[157] Там же, л. 226б.
[158] Там же, л. 82а(227б).
[159] Там же, л. 82а(228а), 84б(230б).
[160] Там же, л. 86б(233а).

должало проявляться постоянно. Разумеется, это осложняло для ханов ведение борьбы с непокорными могущественными удельными владетелями, мятежными представителями знати. Интересен в связи с этим приводимый Махмудом ибн Вали факт привлечения к себе Шуджа'ад-Дин Ахмад-ханом незначительных, «низкорожденных» людей: «Воспитав некоторых лиц из [числа] людей низкого происхождения (аз мардум-и зир-даст), он назначил их на важные должности»[161]. Этим действием Шуджа'ад-Дин Ахмад-хан хотел создать себе окружение — в противовес могущественным, фактически независимым эмирам и нойонам — целиком обязанное ему своим положением, а заодно и разрядить недовольство народных масс. Тем не менее Шуджа'ад-Дин Ахмад-хану не удалось осуществить свое начинание до конца: он был убит именно за это представителями той самой знати, которую пытался ослабить.

На основании данных Махмуда ибн Вали можно составить определенное представление об основных принципах организации феодального войска в Могулии рассматриваемого периода. Выше говорилось о некоторых социальных аспектах комплектования ханского войска из разных городов и округов, о наличии военных отрядов у каждого удельного правителя, к которому должны были являться эмиры со своими отрядами, о ханских войсках, о численном составе войск отдельных удельных правителей, о наделении войск земельными держаниями икта', о грабежах и опустошениях в сельских местностях, чинимых войсками. Можно получить также сведения о порядке построения войск перед боем, подготовительных мероприятиях и порядке ведения боя, что довольно подробно описывается Махмудом ибн Вали в рассказе об отражении нашествия шайбанидского войска [162]. Небезынтересен факт, говорящий о том, что за неповиновение воинов хану наказание несли их семьи: Рашид-хан, вступив на престол, приказал войскам, находившимся с его братом Искандаром в Тибете, возвратиться в Яркенд. «Как только прибудет приказ, воины (сипахи ва лашкари) должны немедленно отправиться в Яркенд, а не то жены и семьи

---

[161] Бахр ал-асрар, л. 89б(236б).

[162] Там же, л. 82б—83а(228б—229а). Есть об этом сведения и в других главах: л. 159б, 165а, 174б, 177б и др.

их будут проданы киргизам [в обмен] на лошадей»[163]. Приводятся автором «Бахр ал-асрар» также некоторые сведения об оборонительных сооружениях в отдельных городах (Яркенд, Аксу, Куча и др.), о крепостных стенах и башнях, рвах и насыпях (валах) и пр.[164], служивших населению защитой не только от иноземного неприятеля, но и во время бесконечных мятежей и войн собственных феодалов.

Таков примерный круг вопросов, для освещения которых можно привлечь данные Махмуда ибн Вали, содержащиеся во 2-м отделе тома 6 его сочинения. Эти данные разрознены, общи, они не могут дать точной характеристики локальных особенностей развития феодальных отношений в Могульском государстве, но в целом и эти косвенные свидетельства весьма ценны. В некоторой степени они дополняют немногие материалы документальных и нарративных источников и помогают полнее раскрыть малоизученный период истории Восточного Туркестана XVI—XVII вв.[165]

М. Я. СУШАНЛО, Г. П. СУПРУНЕНКО

СВЕДЕНИЯ КИТАЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ О ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ КИРГИЗОВ В XVIII в.

Характерной чертой китайской историографии, как феодальной, так и отчасти современной, является стремление принизить уровень политического и экономического развития соседних с Китаем народов, в том числе киргизов. Между тем сами китайские источники свидетельствуют о довольно высоком уровне развития хозяйства кочевников. Пример тому — факты, почерпнутые нами из китайских хроник и описаний XVIII в.

История взаимоотношений киргизов с кокандцами и

---

[163] Бахр ал-асрар, л. 74а.

[164] Там же, л. 82б(228б), 231б—232а, 88а(234б), 91б(238а).

[165] *Акимушкин О. Ф.* Введение в изучение памятника..., с. 112—138.

другими соседями в середине XVIII в. показывает, что в это время они были независимым народом, нередко объединялись против общего врага и проводили самостоятельную политику [1]. Основная масса киргизских племен занимала нынешнюю территорию Киргизстана, а часть из них кочевала в западных районах Восточного Туркестана.

В рукописях «Сиюй чжи» («Описание Западных земель»), «Хуйцзян чжи» («Описание мусульманского края») из Синьцзянской коллекции известного китаеведа К. А. Скачкова [2] и в других китайских источниках XVIII в. содержатся сведения о занятиях киргизов, об их общественном строе, быте и т. д.

Данные рукописи «Сиюй чжи» отражают ситуацию, сложившуюся к началу XVIII в., когда в результате ойратских завоеваний киргизы были вытеснены со своих кочевий на северных склонах Тянь-Шаня и откочевали в районы Ферганы и Каратегина. Цинская империя, уничтожившая Джунгарское ханство, в свою очередь пыталась препятствовать возвращению киргизов на их исконные земли [3].

Важной отраслью хозяйственной деятельности киргизов было скотоводство, которое во многих районах сочеталось с земледелием.

Упомянутая рукопись называет районы, в пределах которых кочевали различные группы киргизов. Здесь были их летние пастбища и зимовки, вблизи которых они возделывали землю.

«Сиюй чжи» свидетельствует о наличии земледельческой культуры у киргизов в долинах Чу и Таласа, в Прииссыккулье, во внутреннем Тянь-Шане, на востоке Ферганы, на Алае. Вот некоторые данные источника: «В Джумгале обрабатывают землю и пасут скот 200 с лишним семей Минлик...

На Алабуге возделывают землю и пасут скот более

---

[1] *Плоских В. М.* Киргизы и Кокандское ханство. Фрунзе, 1977, с. 77.

[2] ГПБ им. В. И. Ленина. Отд. рукоп., ф. 274, № 287/445, 289/435. См.: *Мелналксніс А. И.* Описание китайских рукописных книг и карт из собр. К. А. Скачкова. М., 1974, с. 198—200.

[3] *Гуревич Б. П.* Великоханьский шовинизм и некоторые вопросы истории народов Центральной Азии в XVIII—XIX веках. — Вопросы истории, 1974, № 9, с. 52.

300 с лишним семей Эджибая монголдор бурутов...[4] В Атбаши обрабатывают землю и занимаются скотоводством более 300 семей Алдобая бештамга бурутов... На Сусамыре возделывают землю и пасут скот более 300 семей Ниша, на [реке] Каракол занимаются земледелием и скотоводством 600 семей Налбату племени кушчу и 300 семей Убайдуллы...

На Аксае возделывают землю и занимаются скотоводством две тысячи семей Зиямбека бурутских племен кытай и кушчу. На Кунгее, в [долинах] Чу и Таласа занимаются земледелием и пасут скот более полутора тысяч семей Майтака кушчу бурутов... На Таласе в Ак-Тюбе обрабатывают землю и занимаются скотоводством около 1200 семей Карамолдо бурутского племени кытай. В Таласе в [местностях] Кара-Буура, Уйурлуу-Марал, Кунгей обрабатывают землю и пасут скот более 500 семей Ходжокула племени саруу бурутов, более 400 семей бурута Шабату, 400 семей Жамбала. В Таласе на [реке] Кумуш-Так занимаются земледелием и скотоводством 800 семей Хаджи-бия племени бурутов адигине...

В городе Ош зимуют, а в [местностях] Вама, Муюньгуй, Дахуна, Чжуньбэйсы (?) занимаются земледелием и выпасают скот на летних пастбищах тысяча семей Эркинтая кармыш бурутов...

В селении Арпа обрабатывают землю и зимуют, а в Акташе пасут скот на летних пастбищах 300 семей Атабойто и 200 семей Джума бурутского племени ортомунки...»[5].

Из посевных культур источники отмечают лишь озимую и яровую пшеницу.

У некоторых групп киргизов преобладало кочевое скотоводческое хозяйство. Такие замечания в источниках, как «не живут в домах, а кочуют вместе со скотом»[6] и «это племя живет за счет скотоводства и не имеет, подобно уйгурам, навыков обработки земли и получения продукции»[7], относятся к группам киргизов, которые в первой половине XVIII в. кочевали в Восточном Турке-

---

[4] Бурутами монголы и китайцы в XVII—XVIII вв. называли киргизов Восточного Туркестана и Тянь-Шаня.

[5] Сиюй чжи, кн. 1, с. 30—40.

[6] Хуйцзян чжи, цз. 4, с. 33.

[7] Сичуй яолюе (Сводка основных данных о Западном крае). Б. м., 1807, цз. 4, с. 8а.

стане — области с оседлой земледельческой культурой и крупными центрами ремесленного производства. Именно к группам киргизов, кочевавшим в различных районах Восточного Туркестана, относится нижеследующая характеристика из раздела рукописи «Сиюй-чжи», посвященного описанию занятий уйгурского населения: «Кочующие в горах буруты, полагаясь только на травяные ресурсы, выкармливают скот, — это их занятие. Скот пасется и передвигается, смотря [по достатку] в траве и воде. От скота питаются, со скотом живут в диких степях. Трудятся день и ночь, с восходом солнца принимают пищу и отправляются в путь. Естественно прибавляется молодняк, и единственная забота у них — быстрее увеличить стадо...» [8].

Кочевое скотоводство не удовлетворяло всех потребностей кочевника, и киргизы вели меновую торговлю с местным оседлым населением Восточного Туркестана, обменивая скот и продукты скотоводства на ремесленные изделия, в особенности на шелковые и хлопчатобумажные ткани [9]. Вот весьма показательная фраза китайского источника: «Любят китайский фарфор, чай, шелк, полотно, табак, вино и ценят эти вещи наравне с драгоценностями» [10].

Киргизы поддерживали регулярные торговые отношения с уйгурами Восточного Туркестана, поставляя скот в Аксу, Уч-Турфан, Кашгар, Яркенд и другие места и обменивая его там на товары ремесленного производства. Пошлинный сбор на доставляемый извне скот составлял 1/20, т. е. одна из 20 голов скота отчислялась в пользу казны.

После завоевания Цинами Джунгарии и Восточного Туркестана в конце 50-х гг. XVIII в. цинское правительство, заинтересованное в развитии торговли с кочевниками, установило в Синьцзяне свои внешнеторговые пошлины. Ряд документов из цинских хроник свидетельствует о том, что вопросы торговли предварительно обсуждались правительством с местной администрацией [11]. Для стимулирования внешней торговли Кашгарии

---

[8] Сиюй чжи, кн. 2, с. 74.

[9] Там же, с. 35.

[10] Сиюй вэньцзянь лу. — ГПБ СССР им. В. И. Ленина. Отдел. рукоп., ф. 274, № 292/444, цз. 4, с. 7.

[11] Пиндин чжуньгээр фанлюе (Описание умиротворения джунга-

цинские власти снизили существовавшую там прежде ввозную пошлину на скот с $^1/_{20}$ до $^1/_{30}$ стоимости.

Киргизы, как и другие народы Средней Азии, со своей стороны также были заинтересованы в торговых связях с Китаем. Но, как указывают исследователи данного периода, торговлю с казахами и киргизами Цины нередко использовали в качестве орудия нажима для достижения политических целей. Источники свидетельствуют, что казахи и киргизы поставляли в Синьцзян скот, необходимый Цинам для воинских гарнизонов и местного населения. Однако цинские власти тщательно маскировали свою заинтересованность в торговле с киргизами и казахами, скрывая выгоды, получаемые от торговли, и постоянно подчеркивая, что Цинская империя ведет торговлю якобы только для того, чтобы «дать средства к существованию» уйгурам, киргизам, казахам. Вот некоторые свидетельства источников. Когда в 1759 г. киргиз Келди из племени саяк пригнал в караул Кукурлик скот для продажи, составитель доклада Нашитун писал: «...Келди привел скота немного, непригодного для казенных закупок и пока цена очень высокая. Поэтому указал [ему]: „у нас очень много скота пригоняют из внутренних земель, не нуждаемся в торговле. Но поскольку имеете печать и грамоту от цзянцзюня, я это учту и направлю торговать к ушским [уч-турфанским] уйгурам". Затем послал чиновника наблюдать. Цену назначили за лошадь и корову от 30 до 40 ланов, а за барана приблизительно 13 ланов. Торговал 6 дней и продал все полностью» [12]. Вот другое сообщение: «...что касается торговли с внешними территориями, то для уйгуров — это помощь к существованию» [13].

Однако, когда синьцзянские купцы сами отправлялись торговать в киргизские кочевья и в города Средней Азии, цинские власти запрещали такие поездки, стремясь пресечь частную торговлю местного населения с кочевниками.

ров) Б. м., 1772; Чжэнбянь, цз. 62, с. 18б—19б (1758), цз. 66, с. 18б (1758); Сюйбянь, цз. 8, с. 13б (1760), цз. 11, с. 19б (1761); Дацин личао шилу (Правдивые записи о правлении всех государей великой династии Цин), далее — Шилу. Токио, 1937, цз. 571, с. 23б (1758).

[12] Пиндин чжуньгээр..., цз. 76, с. 21.

[13] Сюйбянь, цз. 11, с. 19б.

Преследованиям и наказаниям подвергались также купцы, которые после прекращения торговли в Кяхте вывозили запрещенные товары в Россию.

Цинская администрация установила правила торга, ассортимент товаров, место и сроки торговли [14].

Оживленная торговля шла в Аксу и Уч-Турфане, куда приезжали купцы из Ташкента и других городов. Киргизы из ближайших кочевий получили разрешение на торговлю в Кашгаре. Источники сообщают, что в Кашгар доставлялись для продажи все виды скота. Цинское правительство не допускало торговли казахов в Восточном Туркестане, и когда, например, в 1763г. в Кашгар приехали казахи и пригнали лошадей для продажи, то им было указано впредь не нарушать установленного для них места торговли в Урумчи и Или (Кульджа), где цинская администрация осуществляла казенные закупки, тщательно скрывая приобретение скота государством: «Сейчас на Или [1763 г.] и в других местах на рынке лучшая лошадь стоит 3—4 лана серебром; а в уйгурских землях вдвое и более дороже... указать приехавшим [казахам], что... им не обязательно приезжать» [15].

Помимо ограничения места и сроков проведения торгового обмена, цинские власти с самого начала определили ассортимент товаров. Из политических соображений запрещалось приобретать в большом количестве некоторые товары, в том числе оружие. Когда в 1762 г. выяснилось, что киргизы покупают в городах Восточного Туркестана оружие, кашгарская администрация, беспокоясь за стабильность обстановки в крае, писала: «...поскольку покупают оружие, значит могут создать конфликт», «...если в частном торговом обмене приобретут чрезмерно много, то задержать» [16].

Такой порядок проведения торгового обмена просуществовал до начала XIX в. Различные препятствия, искусственно создаваемые маньчжуро-китайской стороной, не способствовали развитию широкого торгового обмена.

В то время племена Северной Киргизии еще не имели

---

[14] См.: *Хафизова К. Ш.* К вопросу о казахско-китайской торговле во второй половине XVIII в. — В кн.: Четвертая научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тезисы и доклады, 1973, т. 1.

[15] Шилу, цз. 692, с. 8б—9б.

[16] Шилу, цз. 663, с. 8б; цз. 670, с. 23а.

таких, как у казахов, постоянных политических и экономических контактов с Россией, но влияние последней на жизнь киргизского народа уже начинает сказываться. Товары русского производства проникали в Прииссыккулье через среднеазиатских купцов. По мере усиления связей Средней Азии и Казахстана с Россией торговля русскими изделиями в киргизских аулах все более возрастает.

Таким образом, как свидетельствуют данные китайских источников, киргизы в XVIII в. принимали активное участие в торговом обмене народов Центральной Азии и занимались не только кочевым скотоводством, но и земледелием.

Т. К. БЕЙСЕМБИЕВ

ЛЕГЕНДА О ПРОИСХОЖДЕНИИ КОКАНДСКИХ ХАНОВ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ИДЕОЛОГИИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

(на материалах сочинений кокандской историографии)[1]

Реакционная роль Чингисхана и Эмира Тимура в истории заключается не только в том, что они перекроили политическую карту мира и затормозили поступательное развитие производительных сил человечества, но и в том, что они породили реакционную идеологию. Эта идеология просуществовала века и, оказывая тормозящее влияние

[1] Принятые сокращения: АСТХ — «Ансаб ас-салатин ва газарих ал-хавакин» Мирзы 'Алима Ташканди (Рук. № 1314 ИВ АН УзССР); БТ — «Байан-и таварих-и хаванин-и шахр-и Хуканд» (Рук. Supplement persan 2109 Парижской национальной библиотеки); ЗНХ — «Зафар-нама-йи Худайар-хани» 'Абд ал-Гафура (Рук. № 598 ИВ АН УзССР); КИ — кокандская историография; КХ — Кокандское ханство; МТ — «Мунтахаб ат-таварих» Мухаммад Хаким-хана (Рук. С 470 ЛО ИВ АН СССР); МТФ — «Мукаммал-и та'рих-и Фаргана» Мухаммад Фазил-бека (Рук. № 5971 ИВ АН УзССР); ТДТ — «Та'рих-и джадида-йи Ташканд» Мухаммад Салих-ходжи Ташканди (Рук. № 5732 ИВ АН УзССР); ТС — «Та'рих-и сигари»

на базис, являлась вплоть до новейшего времени господствующей в отдельных частях их империй, например в Средней Азии. Здесь в эпоху после Чингисхана и Тимура преобладание негативных факторов — неблагоприятные условия для роста производительных сил с затяжными периодами их упадка (особенно в XVI—XVIII вв.), нашествия кочевых масс из Дашт-и Кипчака, определяющая роль кочевников в политической жизни, функционирование худших форм эксплуатации, кровопролитные междоусобные войны как проявление межфеодальной и межплеменной вражды, истребление и увод населения, постоянная политическая нестабильность и т. д. — способствовало устойчивости архаичных форм идеологии, в частности порожденных Чингисханом и Тимуром идеологических институтов. Между тем если история установления Чингисханом и Тимуром нового материального порядка в мире изучена более или менее удовлетворительно, то вызванный ими к жизни мир идеального критически освоен и осмыслен совершенно недостаточно. Настоящее сообщение является попыткой анализа одного из структурных элементов данной идеологии — легенды о происхождении династии кокандских ханов.

Сложение в XVIII в. в Средней Азии Кокандского и Хивинского ханств и Бухарского эмирата вызвало в их правящих кругах необходимость идеологического обоснования своего прихода к власти. Средством такого обоснования явилась легенда о происхождении династии Коканда.

Легенда привлекала внимание ученых (В. П. Наливкина, Н. И. Веселовского и В. В. Бартольда), но как материал фольклорного характера [2]. П. Салиев лишь отме-

'Абдаллах амир-и лашкара (Рук. Or. 8156 Британской библиотеки); ТСУ — «Та'рих-и салатин-и узбакиййа-йи аштарханиййа ва манкитиййа», приписываемое Мир-Хусайну, сыну бухарского эмира Хайдара (1800—1826) (Рук. № 112 ИВ АН УзССР); ТТХ — «Тухфат ат-таварих-и хани» 'Аваз Мухаммада (Рук. С 440 ЛО ИВ АН СССР); ТШ — «Та'рих-и Шахрухи» Ниjаз Мухаммада; ТШП — печатное издание ТШ Н. Н. Пантусовым (без перевода): «Молла Ниязи Мухаммед. Таарих Шахрохи. Казань, 1885»; ТШР — рук. ТШ С 468 ЛО ИВ АН СССР; ТШТ — версия ТШ на среднеазиатском тюрки (Рук. № 2237 АН ТаджССР); УН — «'Умар-нама» 'Абд ал-Карима Намангани (Рук. С 2467 ЛО ИВ АН СССР); ШН — «Шахнама» Муллы Шамси; ШУ — «Шахнама-йи 'Умар-хани» Мирзы Каландара Исфараги (Рук. С 471 ЛО ИВ АН СССР).

[2] *Наливкин В.* Краткая история Кокандского ханства. Казань,

тил, что она отражала стремление племени минг придать своей власти законный характер, не ломая традиционного убеждения в том, что ставшее ханом лицо должно быть потомком Чингисхана [3]. Исследованием легенды в других аспектах, в том числе идеологическом, никто не занимался.

В различных версиях легенда содержится в большинстве рукописных сочинений кокандской историографии XIX в. на среднеазиатских фарси и тюрки, выражавшей идеологию различных кругов Кокандского ханства[4]. В КИ легенда — прямое вступление к его истории [5].

Содержание легенды в наиболее распространенном виде, включающем несколько версий, сводится к следующему [6]. Тимурид Бабур, генеалогия которого возводится к роду Чингисхана [7], спасаясь от врагов, оставил в своем

1886, с. 47—51 [изложение легенды на основе «Джахан-нама» (др. название — «Тухфат ат-таварих-и хани», см. ниже) 'Аваз Мухаммада и утраченного теперь ШН]; *Веселовский Н.* Новые материалы для истории Кокандского ханства. — Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1886, ноябрь, ч. 248, с. 177; *Бартольд В. В.* Соч. М., 1973, т. 8: Отчет о командировке в Западную Европу, с. 407—408 [пересказ версии легенды по ТС].

[3] *Səlijif P.* Özbekistan tarıhı: (XV—XIX inci əsrlər). Samarqand; Taskent, 1929, s. 107—108.

[4] Нами привлечены УН, ШУ, МТ, ЗНХ, ТТХ, ТШ (ТШР, ТШП, ТШТ), ТДТ, АСТХ, МТФ и ТСУ. Использованы также БТ и ТС, микрофильмы которых любезно помог нам получить профессор К. Г. Менгес (Вена).

[5] Так же построил Мулла 'Алим Махдум-ходжи свой тюркоязычный труд «Та'рих-и Туркистан» (Ташкент, 1915), бóльшая часть которого содержит историю Кокандского ханства. Следовательно, концептуальные позиции кокандских историографов оказали определенное воздействие на общественную мысль Туркестана начала XX в.

[6] ШУ, л. 34а—35а, 39а—42б; ТТХ, л. 38б—42а, 246а—247а; ТШР, л. 22б—25а; ТШП, с. 15—16; ТШТ, л. 2а—3б; АСТХ, л. 7а—11а; МТФ, л. 10а—12а; ТДТ, л. 11б—12а, 17б. В некоторых сочинениях этот вид легенды отражен очень кратко (ЗНХ, л. 6б) либо заменен основанным на ней заявлением о происхождении кокандских ханов от Тимура и Бабура (УН, л. 20а; БТ, л. 1б).

[7] По ТШ, предок Тимура — дед Чингисхана Бартан-хан (ТШП, с. 173). По др. сочинениям КИ, Тимур (УН, л. 20а) и Бабур (ШУ, л. 35а; ТДТ, л. 12а и т. д.) названы титулом «хан», что, несомненно, основано на легенде об общей родословной Чингисхана и Тимура. Попытка возвести генеалогию Тимура к роду Чингисхана по линии «предок Тимура — Каджули, брат прадеда Чингисхана Кабул-хана» была предпринята еще при Тимуридах (*Шараф ад-Дин 'Али Йазди.* Зафар-наме/Подг. к печати, предисл., прим. и указатели А. Урунбаева. Ташкент, 1972, л. 23б. Ср.: *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей/Пер. с перс. М.; Л., 1952, т. 1, кн. 2, с. 29, 32). Еще

утраченном домене — Фергане — младенца-сына. По ШУ, сочинению КИ раннего цикла (написано в 1822—23 г.[8]), мальчика нашли четыре предводителя кочевых племен минг, кырк, кипчак и киргиз. Догадываясь о знатном происхождении ребенка по дорогим вещам, оставленным при нем (в том числе по золотой колыбели), каждый из глав претендовал на право его воспитания, и никто не уступал. По решению собрания окрестных узбеков мальчика отдали кормилице, назвав его Алтун-Бишик (букв. 'Золотая колыбель'). Алтун-Бишик и стал основателем рода кокандских ханов. Его женой была дочь предводителя мингов[9]. Труды КИ позднего цикла, написанные в 70—80-х гг. XIX в., — ТШ, АСТХ, ТДТ и МТФ — приводят иные версии легенды. По ТШ и МТФ, Алтун-Бишика обнаружили узбеки селений Таргава, Сарай и Джанкент в окрестностях будущего Коканда и разделили находку по жребию на три части: ребенка получили жители Таргавы, вещи — Сарая, колыбель — Джанкента. Узбеки Таргавы отдали мальчика на воспитание праведной (парса) женщине[10]. По ТДТ, Бабур сам препоручил Алтун-Бишика, мать которого была родом из вилайета Андижан, трем группам — мингам, Таргава и Джанкент. По

ближе к Чингисхану возводили свой род Великие Моголы, основателем династии которых был, как известно, тимурид Бабур. По сообщению аштарханидского историографа XVII в. Махмуда ибн Вали, «владетели трона страны Хиндустан — из потомков эмира Караджар-нойона и происходят от рода дяди Чингисхана» (*Махмуд ибн Вали.* Море тайн относительно доблестей благородных: (География)/Введение, пер., прим., указатели Б. А. Ахмедова. Ташкент, 1977, с. 33). Таким образом, подобное генеалогическое построение, известное и распространенное уже в XVII в., было использовано при написании ТШ.

[8] Версия ШУ повторена в ТТХ (написано в конце 60 — начале 70-х гг. XIX в.).

[9] Близка к приведенной версии легенда по ШН (написано в 1292/1875—76 г.), согласно которой у Алтун-Бишика было 4 жены соответственно из четырех родов (кырк, кипчак, киргиз и минг), среди них старшая была из рода минг; от нее родился единственный сын Алтун-Бишика, имевший имена Тангри-Йар, Худайар и Илик-султан (*Наливкин В.* Указ. соч., с. II, 50). В ТДТ есть две версии: одна возводит родословную кокандских ханов к Алтун-Бишику, а другая — к ходжам, указывая на родство с Алтун-Бишиком только по женской линии (ТДТ, л. 15а—б, 18а).

[10] В ТШТ (л. 2б), излагающем данную версию, есть любопытная деталь: Бабур оставил в засаде своего человека — Искандар-ходжу — следить за ребенком до тех пор, пока его не обнаружат и не подберут местные жители.

жребию же раздел был произведен так, как описано выше, т. е. вместо мингов дорогие вещи при Алтун-Бишике достались группе Сарай. По АСТХ, минги, джанкентцы, киргизы и кипчаки поделили «по справедливости» вещи и золото, бывшие при Алтун-Бишике, а его самого отдали на воспитание женщине-суфию (суфи-хатун). Наконец, ТТХ передает наряду с известной версией (см. выше, по Шу) другую, по которой воспитателем Алтун-Бишика был основатель селения Кучкак[11] приближенный Бабура некий Кал-и Фаттак.

Особая версия по ТС и ТСУ, в которой основателем династии кокандских правителей выступает Чамач/Чамаш, рассматривается ниже.

Сыном Алтун-Бишика был, по ШУ и ТТХ, Тангри Йар-султан. Когда последнему было 6 лет, его представили Махдум-и А'заму, который молился о том, чтобы потомки Тангри Йар-султана были «падишахами, властвующими над климатами»[12].

Потомком Алтун-Бишика на 5-м[13] или 6-м[14] колене был Чамаш-бий, любимый мурид Лутфаллаха Чусти[15]. Чамаш-бий усердно служил также правителю Средней Азии шайбаниду 'Абдаллах-хану (1583—1598), он за это сказал Чамаш-бию: «Шаh баш!» ('Будь шахом!'[16]).

В кратком сообщении невозможно проанализировать все детали легенды, за которыми скрываются, вероятно, какие-то конкретно-исторические реалии. Укажем лишь на некоторые из них. Получившие ребенка узбеки Таргавы отдали его на воспитание *праведнице,* что наводит на мысль о духовенстве. К тому же в АСТХ воспитательница Алтун-Бишика прямо названа суфием. Получившая свою долю в разделе группа Сарай одновременно носит название реального узбекского племени сарай. А факт, что в 60-х гг. XIX в. жители Коканда делились на четыре группы — самарканди, кашгари, *чанкати* и кухистани[17], — свидетельствует о том, что представлявшая конкретную общину Коканда группа Джанкент, получив по разделу

[11] Кучкак расположен на западе Ферганы между Канибадамом и Махрамом.

[12] ШУ, л. 42б; ТТХ, л. 42а; АСТХ, л. 11а—б.

[13] ШУ, л. 42б—45а; ТТХ, л. 42а—45а; АСТХ, л. 11а—12б.

[14] ТШП, с. 16; ТДТ, л. 15а.

[15] ТШР, л. 26а—б; АСТХ., л. 12б.

[16] ТШР, л. 27а.

[17] ТТХ, л. 55а.

золотую колыбель, закрепляла за своим городом право быть *столицей* с вытекающим отсюда особым положением ее жителей в иерархической структуре Кокандского ханства. Не исключено, что участие в разделе трех групп, вероятно, аллегорически представлявших кочевников, духовенство и горожан (в широком смысле — оседлое население вообще), отражало модель кокандского государства, частное проявление трехчленной структуры мироздания в сознании людей той эпохи. Дальнейший анализ, выходящий за рамки сообщения, позволит решить этот вопрос во всей полноте.

Коснемся только одного из вопросов — места лица, скрывавшегося под именем Чамаш/Чамач-бия, в истории кокандских ханов. Прежде всего это лицо, с которого, по ТС и ТСУ, собственно, и начинается история кокандских ханов. ТСУ, бухарский нарративный источник, содержащий ценные и уникальные записи о Фергане XVIII в., между прочим сообщает: Рахим Хуканди (один из первых кокандских правителей. — *Т. Б.*) ибн Шахрух-бий — из потомков Чамаш суфия, мурида Лутфаллаха Чусти; Чамаш получил много благословений от своего ишана, давшего благую весть о том, что потомки Чамаша станут правителями (بر اولاد او نوید حکومت داده اند); они правят в Коканде и по сей день [18]. В этой версии легенды нет никаких указаний на происхождение правителей Коканда от Тимуридов или на связь с родом Чингисхана.

Написанное в Кашгаре в 1877 г. ТС излагает эту же версию развернуто и с существенным отличием [19]. По ТС, в Коканде жили два брата *из потомков Чингисхана.* Старшего звали Кулун-бий, младшего — Чамач-бий. Они доставляли Лутфаллаху Чусти молочные продукты, в числе которых были сливки (қаймақ قیماق) и кислое молоко (қатық قتیق) [20]. Лутфаллах Чусти будто бы любил Кулун-бия и однажды сказал, что будет молиться о том, чтобы потомки Кулун-бия стали падишахами, если тот еще раз придет к нему. В другой раз братья поспешно отправились с молочными продуктами к Лутфаллаху Чусти. По дороге племя мангыт отобрало еду

[18] ТСУ, л. 10а.

[19] ТС, л. 2а—3а.

[20] В ТШР (л. 26б) отмечен факт доставки Чамаш-бием Лутфаллаху Чусти молочного продукта *джорғат.*

у Кулун-бия, поэтому Чамач-бий прибыл первым. За это Лутфаллах Чусти благословил потомков Чамач-бия на падишахство, потомков Кулун-бия — на везирство, а мангытов проклял, пожелав им ослепнуть.

Отметим три факта в изложенном. Первый — это то, что благословение Лутфаллаха Чусти — ферганского суфия, претендовавшего после смерти Махдум-и А'зама (2-я половина XVI в.) на руководство мощнейшим суфийским орденом в Средней Азии накшбандиййа, — вместе с постулируемым чингисидско-тимуридским происхождением Чамаш-бия оказывается достаточным для обоснования права потомков Чамаш-бия на ханскую власть в Фергане. Это и не удивительно. Авторитет Лутфаллаха Чусти в Средней Азии, в особенности в Фергане, был необыкновенно высок, а в периоды ослабления ханской власти, раздробленности и смут орден накшбандиййа поднимался в политической жизни Средней Азии иногда до уровня решающей силы. Этим и объясняется обращение в легенде к имени Лутфаллаха Чусти и признание его благословения достаточным для обоснования права на звание хана.

Вторым заслуживающим внимания фактом является то, что, хотя источники и признают благословение Лутфаллаха Чусти в качестве источника права на ханскую власть, однако в самих словах суфийского пира мы не находим слова *хан*. Лутфаллах Чусти употребил слово *падшах*. Слово *падшах* в данном случае вряд ли может истолковываться как простой синоним слова *хан*. За этими двумя словами стоят две различные исторические традиции, разные идеолого-правовые и даже национально-родовые обоснования верховной власти. Слово *падшах*, как и *шах*, продолжает традицию древних иранских царей. Оно принималось в средние века возвысившимися до верховной власти лицами, не принадлежавшими к роду Чингисхана. Так, Бабур после взятия Кабула приказал титуловать себя *падишахом* [21]. Принять титул хана он не посмел, так как историческая традиция, закрепившаяся в общественном сознании и ставшая догмой и элементом политико-правовой идеологии, допускала применение титула *хан* лишь по отношению к членам рода Чингисхана. Поэтому Лутфаллах Чусти и благословил

[21] Бабур-наме: Записки Бабура/Пер. М. Салье. Ташкент, 1958, с. 249.

потомков Чамаш-бия лишь на падишахство. Однако к XVIII—XIX вв. легенды об общем происхождении Чингисхана и Тимура воспринимались как истинные, что и дало возможность использовать слова *будь шахом!* в качестве синонимичных в данном случае выражению *будь ханом!*. Таким образом, налицо определенная эволюция отраженной в соответствующих терминах системы политико-правовых воззрений населения Средней Азии, которая не затронула, однако, существа политико-правовой идеологии, но которая тем не менее заслуживает самого пристального внимания исследователей, так как отразила в себе определенные сдвиги в общественном сознании.

Наконец, третье — факт соперничества в притязаниях на ханскую власть Чамаш-бия и его старшего брата Кулун-бия, вероятно, отразил в себе внутриродовую борьбу за верховенство в Фергане на определенном историческом этапе.

Обратим теперь внимание на имя Чамаш/Чамач-бия. Мы полагаем, что это имя находится в прямой связи с выражением *шаһ баш!* 'будь шахом', которая сказывается в том, что *шаһ баш* прямо выведено из *Чамаш* на основе народной этимологии, использовавшей определенные фонетические особенности тюркских и таджикского языков, их диалектов и говоров. Вероятно, именно *Чамаш* легло в основу данного выражения, так как последнее легко этимологизируется, в то время как этимология *Чамаш* неясна. Как же выражение *шаһ баш!* увязывается с именем *Чамаш,* которое, казалось бы, звучит совсем не так, как первое, почему и создает фонетические затруднения? Вопрос этот немедленно снимается, если предположить, что написание *Чамаш* скрывает под традиционной орфографией совершенно другое произношение в живом разговорном тюркском языке (диалекте) Ферганы. Можно предположить, что диалект, на котором произносили имя *Чамаш,* в области консонантизма был схож с казахским языком, т. е. общетюркское *ч* звучало в нем как *ш,* а *ш* — как *с*. Тогда имя *Чамаш* должно было звучать как *Шамас*. Форма *Шамас,* в свою очередь, является ключом к форме *шаһ баш*. В форме *шаһ* на базе целенаправленной народной этимологии и фонетических закономерностей тюркского и таджикского языков было «восстановлено» выпадающее в разговорном языке в кон-

це слова и слога *h*, а появление *баш* вместо *мас* объясняется тюркским чередованием *б/м* и диалектным *ш*. Таким образом, *шаһ баш* в данном случае выступает как истолкование значения собственного имени *Чамаш/Шамас* с одновременным сообщением ему магического смысла.

Что же касается таких структурных элементов легенды, как молочные продукты, то они указывают на происхождение легенды в среде кочевников-скотоводов и на ритуальное значение этих продуктов у кочевников, что хорошо известно. Изучение других деталей легенды, несомненно, даст возможность выделить в ее составе различные хронологические и этнографические слои и уровни, поможет проследить складывание и эволюцию господствующего класса Коканда и понять сложные перипетии политической борьбы в Фергане в XVIII—XIX вв.

Итак, легенда включает следующие моменты:

1) возведение генеалогии кокандских правителей по агнатической (мужской) линии к роду Чингисхана в большинстве версий опосредовано через Тимуридов (родоначальник кокандских ханов Алтун-Бишик — сын Бабура, предок Тимуридов Бартанхан — дед Чингисхана);

2) выделение узбекского племени минг как родственного по бракам Алтун-Бишику и его потомкам;

3) сопричастность племен Ферганы кырк, кипчак и киргиз к судьбе Алтун-Бишика;

4) сопричастность крупных ферганских ходжей Махдум-и А'зама и Лутфаллаха Чусти к судьбе потомков Алтун-Бишика, а в одной из версий — даже возведение родословной кокандских ханов по мужской линии к ходжам, по женской — к Алтун-Бишику и от него выше, как это указано в (1);

5) негативное воздействие племени мангыт на судьбу предков кокандских ханов и проклятие мангытов Лутфаллахом Чусти.

Легенда зародилась, вероятно, среди верхушки племени минг, когда у нее появилась возможность претендовать на власть в Фергане.

Первоначально, в период преобладающего влияния в Фергане ходжей, суфийского духовенства вообще и ордена накшбандийиа в особенности, решающим аргументом у претендентов на власть из среды кочевой знати была ссылка на благословение со стороны Махдум-и А'зама и Лутфаллаха Чусти. Позже, к началу XIX в., когда откры-

тое сопротивление ферганских ходжей было сломлено, а власть правителей Коканда не только охватывала Фергану, но и могла распространиться на соседние области — Ташкент, Южный Казахстан, Ура-Тюбе и т. д., — возникла потребность в модификации легенды. С принятием кокандским правителем 'Алим-ханом (1798—1810) ханского титула [22] легенда, возможно, обрела свой окончательный вид, главным элементом которого стало предание об Алтун-Бишике, констатировавшее «царственное» происхождение кокандских правителей, а другие установки (благословения суфийских авторитетов и проч.) заняли подчиненное место. При 'Умар-хане (1810—1822/23), судя по УН — наиболее раннему из дошедших трудов КИ — она была уже общеизвестна. В ней нашло отражение сложившееся к началу XIX в. равновесие племенных сил Ферганы в виде иерархии, в которой главенствовало (не установив, однако, абсолютного господства) племя минг. Своеобразная аттестация в легенде мангытов имела целью пресечение претензий Бухары на Фергану и обоснование обособления последней в независимое владение.

Обследование всей массы известий, содержащихся в сочинениях КИ, показывает, что класс феодалов в целом, различные группы внутри него (светские и духовные феодалы, конкретные группировки), знать отдельных племен проявляли заинтересованность в легенде и путем создания версий в свою пользу стремились обосновать близость к трону. Все противоборствовавшие силы в ханстве использовали легенду как истинную и как руководство к действию. Не принадлежавшие к роду кокандских ханов временщики, превращавшие ханскую власть в фикцию, не осмеливались, например, претендовать на титул хана или открыто узурпировать власть [23]. Легенда преврати-

[22] МТ, л. 364б; Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии.— Записки Императорского Русского Географического Общества. СПб., 1849, кн. 3, с. 192.

[23] Показателен следующий эпизод политической борьбы в 1844 г. Когда противники кипчаков, совершив в Коканде переворот, провозгласили ханом сына 'Алим-хана Мурада и убили Шир-'Али-хана (1842—1844), глава кипчаков Мусулманкул, оттягивая время, признал Мурад-хана верховным правителем. Приблизившись с войском к столице и заручившись нейтралитетом большинства городской верхушки, Мусулманкул провозгласил ханом сына Шир-'Али-хана малолетнего Худайара, ворвался в Коканд и расправился с Мурад-ханом, правившим всего 9 дней (ТШТ, л. 70б—72б; ТШП, с. 171—173). Для придания своей власти и влиянию законности временщики

лась в общепринятую политико-правовую идею, ставшую структурным элементом господствующей идеологии, которая овладела сознанием населения Ферганы и определяла его поведение.

Согласно данной идее, верховная власть должна была принадлежать роду Чингисхана. Поэтому кокандские правители могли носить ханский титул только благодаря созданию ложной генеалогии, к которой была подключена и легенда о происхождении рода Тимура от общих с Чингисханом предков и в которой был использован также авторитет крупнейших политических деятелей Средней Азии XVI в. (Махдум-и А'зама, 'Абдаллах-хана и др.).

Утверждение в Фергане династии кокандских ханов означало, следуя легенде, восстановление власти «законных» наследников Чингисхана и Тимура на части их бывших империй. Такой идеологический прием известен на Среднем Востоке издревле. Например, царская власть в Парфии обосновывалась возведением рода ее правителей к Ахеменидам как могущественнейшей династии древнего Ирана [24], чем и доказывалась законность отвоевания парфянами иранских земель у эллинистических царей.

Древним является сам по себе сюжет легенды. Он, например, имеет аналогию в предании о туркменском роде буркас, основателем которого считался сын Тимур-Тоглы-хана, найденный младенцем и воспитанный не имевшим сыновей Исык-Исмаилом [25].

Легенда, являясь источником права Кокандского ханства, свидетельствует о том, что идеологические и

и фавориты практиковали выдачу своих дочерей (Мухаммад-Шариф аталык, Йусуф мингбаши Кашгари и Мусулманкули — в 20—40-х гг. XIX в., сын последнего 'Абд ар-Рахман афтабачи — в 1875 г.) или племянниц (Ирисули-бий — в конце XVIII в.) замуж за кокандского правителя или его брата (потенциального претендента на трон). Тесть хана иногда носил звание *аталык* (букв. отцовство) и выступал в роли его отца (МТ, л. 349б; ТШТ, л. 57б; ТШП, с. 111; АСТХ, л. 140а; *Плоских В. М.* Киргизы и Кокандское ханство. Фрунзе, 1977, с. 162).

[24] *Кошеленко Г. А.* Царская власть и ее обоснование в ранней Парфии. — В кн.: История Иранского государства и культуры: К 2500-летию Иранского государства. М., 1971, с. 213. По замечанию Р. Н. Фрая, царственное происхождение от предшествующей иранской династии — обычная для иранских династий традиция (*Фрай Р.* Наследие Ирана. М., 1971, с. 246, 284).

[25] *Кононов А. Н.* Родословная туркмен: Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского, М.; Л., 1958, с. 74.

правовые нормы, порожденные феноменами Чингисхана и Тимура и стоявшими за ними силами, сохранялись вплоть до XIX в. Роль конкретных лиц в истории, включаясь в систему идеологии кокандского общества, становилась догмой, а история рода — основополагающим элементом универсальной истории и составной частью картины мира. Таким образом, общественное сознание Средней Азии, черпая фонд ценностей из того, что было создано в XIII и следующих веках и даже намного раньше, находилось в плену его вплоть до присоединения названного региона к России.

Системно-структурный, генетический и функциональный анализ легенды о происхождении кокандских ханов вскрывает архаичность, застойность и реакционность идеологии Кокандского ханства. Эта идеология, дополненная другими элементами (шариатом, исламом вообще, например), оставалась, однако, стадиально и типологически на уровне идеологии эпохи Чингисхана и Эмира Тимура. Выяснение состояния идеологии, отражавшей глубинные процессы общественного развития, проливает свет и на другие вопросы истории Кокандского ханства, в частности, в свете марксистского учения об обратном влиянии надстройки на базис позволяет правильно осмыслить некоторые аспекты экономической жизни Ферганы прошлых веков.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ИСТОРИЯ

В. П. ЮДИН

ОРДЫ: БЕЛАЯ, СИНЯЯ, СЕРАЯ, ЗОЛОТАЯ...

В истории евразийских степей и прилегающих к ним районов послемонгольского времени хорошо известны кочевые объединения, в названия которых входило слово *орда*. Некоторые из них, например Золотая Орда, претендовали даже на статус «мировой» державы.

Кроме Золотой Орды, были Орды Белая, Синяя, Серая, Пегая, Мамаева, Муратова, Ахматова, Волжская, Заяицкая, Перекопская, Крымская, Белогородская, Залесская, Городецкая, Большая, Средняя, Младшая (Меньшая), Орда-Сотня, Ногайская (Мангытская), Казачья (Казацкая, Киргиз-Кайсацкая, т. е. Казахская), Каракалпакская, Калматцкая и другие.

Многие из орд существовали в Казахстане и других степных и горных районах в XVI—XVIII вв. и позднее. В это же время в степях продолжала жить память о ряде орд более раннего времени. Но это была не просто память. Идеализированные представления о Чингисовой орде и ордах его ближайших преемников с самого начала осознавались господствующими слоями кочевников в качестве правовых норм. Они служили важным источником права, регулировавшим внешние и внутренние отношения между кочевыми и оседлыми объединениями и государствами, образовавшимися на обломках Монгольской империи.

Феномен татаро-монгольского нашествия и завоевания, образования Монгольской империи и улусов сыновей и ближайших потомков Чингисхана потряс воображение современников, заслонил события предшествующей истории, а в памяти кочевых народов в огромной

мере стер события более ранней этнической, политической, социальной, идеологической, этической и культурной истории. На смену пришли новые реалии.

Татаро-монгольские завоевания перекроили политическую карту Евразии. Затронули они в некоторых отношениях и Африку. В течение многих веков их отзвуки отмечались в мировой истории.

Изменен был, однако, не только материальный «мировой» порядок, но и идеальный, духовный. И в том и в другом отношениях евразийский мир претерпел величайшую перестройку.

Политические последствия монгольских завоеваний изучены в целом неплохо, хотя многие проблемы нуждаются в дополнительном исследовании, а ряд вопросов даже не поставлен. То же следует сказать об изучении перестройки духовной. Здесь количество не только слабо изученных, но и не затронутых, просто не поставленных проблем с трудом поддается учету. Довольно хорошо освещен, например, культ Чингисхана и Чингисова «золотого» рода [1]. Могут быть названы и некоторые другие аспекты «нового мирового» духовного порядка, утвержденного монголами.

Назовем некоторые очень важные, но недоисследованные вопросы. Например, раздел Монгольской империи Чингисханом, произведенный им при жизни между его сыновьями и внуками, стал таким прецедентом, который послужил источником права для многих народов и действовал в некоторых районах вплоть до XX столетия. Возникшие на основе этих разделов представления и, более того, непререкаемые психологические императивы являлись достаточными обоснованиями претензий на верховную власть, территориальные притязания, поводом для войн, основаниями для заключения мира и мирных договоров и т. д. «Раздел Чингисхана» и «разделы» его преемников стали у кочевых и некоторых других народов высшими категориями правосознания, мировоззрения и идеологии.

Идеологический и психологический переворот в общественном сознании многих народов Евразии, прежде всего кочевых народов, который можно было бы условно

[1] См., напр.: *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм. Л., 1938, с. 17, 144—147.

назвать идейно-психологической «революцией», был столь велик, что перерос масштабы крупного, но вписывающегося в рамки привычного развития событий явления и повлек за собой формирование нового мировоззрения.

Предания о происхождении Чингисхана, его рода, его предков были, например, включены в мусульманские представления о происхождении человечества и тем самым в мусульманскую картину мира. История происхождения рода человеческого в мусульманских исторических сочинениях, начинаясь, как обычно, с сотворения человека и истории пророков, была дополнена циклом преданий об Огузе, генеалогиями тюрко-монгольских племен, генеалогией рода Чингисхана и дальнейшим разветвлением родов, племен и народов кочевого мира. Таковы, например, «Сборник летописей» Рашид ад-Дина и многие другие мусульманские исторические труды.

О кочевых народах, не исповедовавших ислам, не приходится и говорить. Наибольший интерес в этом отношении представляют, конечно же, сами монголы. Их новая вселенская доктрина дошла до нас в письменно зафиксированном виде. Это «Секретная история монголов» [2]. Давно уже востоковеды дебатируют вопрос о жанровой принадлежности этого памятника. Писали, что он представляет собой письменную фиксацию монгольского эпоса. Высказывались и другие мнения [3]. Не касаясь вопроса о жанровой сущности «Секретной истории» в плане формальной литературоведческой классификации, мы скажем лишь, что это произведение монгольской словесности есть концентрированное изложение нового монгольского миропонимания. В каких-то отношениях оно сходно с мифологическими циклизациями греков и римлян.

Затронуты были и идеологии немусульманских оседлых народов. На этой основе в определенной мере были модифицированы и некоторые другие древние религиозно-идеологические системы.

---

[2] *Козин С. А.* Сокровенное сказание. М.; Л., 1941.

[3] Дискуссию по этому вопросу между В. В. Бартольдом и Б. Я. Владимирцовым и новейшую литературу см. в кн.: *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — Соч. М., 1963, т. 1, с. 90—91; *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов; *Козин С. А.* Сокровенное сказание, особенно с. 29—75.

Итак, у ряда кочевых народов синтез шаманистских, буддийских, мусульманских и других концепций и чингисидской доктрины привел к сложению фактически нового иллюзорного мировоззрения, новой идеологии, которые в условиях социально стратифицированного общества не только овладели сознанием и психологией господствующих слоев, но и в соответствии с законами общественного развития духовно подчинили себе широкие народные массы. Ведь были только «на небе бог и на земле Чингисхан». Вопрос о соотношении идеологий господствующих слоев и массы непосредственных производителей татаро-монголов фактически не изучался, хотя важность его очевидна. Не может быть и речи об их полном совпадении. Но эту проблему еще только предстоит изучать.

Мы полагаем, что в данном случае есть все основания говорить о сложении новой религии. Религия эта была одной из составляющих мировоззрения и идеологии, порожденных татаро-монгольскими завоеваниями. Этот новый комплекс мировоззренческих и идеологических представлений мы назвали *чингисизмом*. В узком смысле мы употребляем этот термин и в отношении новой веры, и в отношении других аспектов этого явления, о котором более подробно говорим ниже.

Судьба чингисизма в пределах огромных покоренных татаро-монголами территорий и в жизни населявших их народов была неодинакова. Кто-то решительно отвергал его и ненавидел, кто-то принял его частично, включив в традиционные мировоззренческие и идейно-психологические схемы, для кого-то он стал философией высшего порядка, т. е. в пространственном аспекте чингисизм не был однородным. Удельный вес его в духовной жизни народов изменялся и с течением времени.

Немало написано о том, что в жизни тюрко-монгольских народов традиционные религиозные культы занимали удивительно малое место. Это даже породило в научных кругах представления о веротерпимости татаро-монголов и ее причинах. В действительности их веротерпимость была политическим орудием и дипломатическим инструментом. В необходимых случаях татаро-монголы без колебаний прибегали к жестоким репрессиям, используя в качестве предлога и конфессиональные расхождения. Естественно, как и повсюду, в основе таких конфликтов лежали причины материального порядка, что

верно для всех проявлений разногласий идейно-религиозного характера. Сказанное лишь означает, что татаро-монголы в этом отношении не были каким-то исключением. Однако в проводимой ими идейно-религиозной политике были и специфические черты. Их основной задачей в этом плане были внедрение и распространение чингисизма в широком смысле в сознании покоренных народов. Поэтому чингисизм, основой которого было утверждение исключительности и избранничества татаро-монголов, их права на мировое господство, легко образовывал симбиоз с любой идеологической системой, подчинявшейся ему, или инкорпорировался в ее состав в приемлемых для него формах и масштабах.

Но каким же образом чингисизм можно рассматривать как религию? Если в основе чингисизма лежат предания и исторически достоверные известия многочисленных разноязычных письменных источников о происхождении и деяниях самого Чингисхана, а также пусть легенды, но трактующие историю как достоверную, что в какой-то (не исключено, что даже в значительной) мере соответствует исторической правде о происхождении ближайших и очень отдаленных предков Чингисхана, то не является ли чингисизм в каких-то деталях достоверной, а в каких-то — полулегендарной или легендарной, но тем не менее историей великого «потрясателя вселенной», и не больше!? Ведь тюрко-монгольские народы верили в реальность генеалогии Чингисхана, а его современники и последующие поколения знали, что он реальное историческое лицо!

Забегая вперед скажем, что буддисты верили в реальность Будды, зороастрийцы — Зороастра, христиане — Иисуса Христа. Мусульмане знали, что пророк Мухаммед, основавший ислам и по имени которого ислам иногда называют магометанством, — историческое лицо, относительно существования которого сомнения неуместны. Примеры могут быть умножены. Тем не менее существовали ли они как исторические лица или нет, их учения стали вероучениями, т. е. превратились в религии. Главное, однако, даже и не в этом.

Тюрко-монгольские народы поставили в центр своих представлений о происхождении мира действительную или мнимогенеалогическую историю рода Чингисхана, центральной фигурой которой был сам создатель Мон-

гольской империи. Для тюрко-монгольских народов, оказавшихся в сфере влияния чингисизма, история со времени Чингисхана — это история «новой эры», а история до Чингисхана — история «до новой эры». Эпоха Чингисхана для них стала точкой временного отсчета, т. е. тем, чем и является эра. Генеалогические представления тюрко-монгольских родов, племен и народов были увязаны с данными о генеалогической истории рода Чингисхана. Родословные тюрко-монгольских «первоплемен» были сплавлены в единое целое с родословными более «поздних» племен и генеалогией Чингисхана, его предков и потомков и образовали «стройную пирамиду», в которой нашлось место всем подлежащим учету чингисизмом кочевым племенам Евразии. Для чингисизма именно эта «пирамида» стала важнейшей фазой формирования рода людского, центром человечества, остальные же части человечества, известные по их религиозной или действительной истории, стали несущественными.

Этот новый генеалогический комплекс, изложенный в терминах родоплеменного осмысления возникновения и сложения структуры человечества, стал базой формирования воззрений на происхождение всего человечества и вселенной. Он был дополнен традиционными элементами тюрко-монгольского шаманизма, которые стали как бы верхним этажом и пристройками здания новой веры. Тем самым был создан космогонический миф, т. е. сформировались иллюзорные мировоззрение и идеология. Так родилась новая религия.

Сказанное не противоречит тому, что сведения источников и преданий о Чингисхане являются его историей или передачей достоверных эпизодов его биографии. «Коварство» чингисизма как конфессии и как универсальной идеолого-мировоззренческой концепции и прагматической доктрины в том и заключалось, что он был «замаскирован» реально-историческими этажами своей структуры. Прямую аналогию формированию чингисизма можно видеть в истории сложения магометанства/ислама. Существенная разница между их оформлением заключалась в том, что во втором случае «вначале было слово», а затем практические дела, а в первом — «меч», т. е. дела, и лишь затем — «слово». Если первые мусульмане потрясли мир, воодушевленные учением, то татаро-монголы, перекраивая мир, творили и осваивали учение. Если фон-

да первоначальных идей татаро-монголов о структуре человечества и их собственном месте в ней было достаточно для начала предприятия, то для завершения его потребовалась вселенская доктрина. История чингисизма — это и есть история рождения фантастического мировоззрения, ложной идеологии, центральной идеей которых было «мировое господство». И если татаро-монголы не сознавали своей миссии в творении нового идеального мира, то в этом повинно именно то, что «дело» у них опережало «слово». Этого они не поняли, не поняли до конца своих завоеваний, крушения Монгольской империи и исчезновения реликтов «мира по-монгольски». Человечество, занятое ликвидацией последствий татаро-монгольских завоеваний, «не заметило» чингисизма-конфессии. Враждебность прочих универсальных идеолого-мировоззренческих систем, инкорпорировавших в некоторых случаях, подобно исламу или ламаизму, в свой состав отдельные элементы чингисизма, способствовала его повсеместному светскому осмыслению. Его собственный «примитивизм» и ксенофобия воздвигали стену на пути его распространения. Увлеченные изучением результатов «практической деятельности» татаро-монголов, не приняли в расчет чингисизм как целостное учение и современные ученые. Так он и остался в истории человеческой мысли как явление светское. Если и предпринимались попытки осмыслить чингисизм в духовном плане, то этот его аспект в целом изображался как придаток татаро-монгольского мирового погрома, не имеющий идеологической системности и цельности. Поэтому чингисизм до сих пор — это по преимуществу событийная история. Если и для татаро-монголов он также был достоверной событийной историей, но вписавшейся в их идеальную историю мира, то ведь для татаро-монгольской иллюзорной мысли сама идеальная история была достоверной историей, что свойственно всем религиям и не должно мешать научному пониманию чингисизма-веры. Таким образом, конфессиональное понимание чингисизма и реальность истории Чингисхана и татаро-монголов не противоречат друг другу и не исключают одно другого. Изучение конфессиональной истории чингисизма, зарождение, развитие и отмирание которого хорошо освещены в источниках, прояснит не только этот феномен, но и поможет, вероятно, пониманию истории сходных степных и

нестепных, например греко-римских, мифологических циклизованных систем, так как чингисизм — это есть типичная циклизация достоверного и легендарного. Ценность методологических выводов из такого изучения бесспорна.

Если поиски религии и религиозно-церковной организации у тюрко-монгольских народов времени Чингисхана и его потомков не выявляли ничего, кроме незначительных элементов шаманизма, которые на фоне грандиозных катастрофических последствий татаро-монгольских завоеваний, естественно, не могли быть признаны движущей идеологической силой и закономерно порождали мысль о необъяснимом противоречии между военной мощью и свершениями татаро-монголов и их идейно-религиозным потенциалом, то разгадка кроется в том, что духовную мощь татаро-монголов искали не там, где ее следовало искать. Религия татаро-монголов была в действительности мощной, основой ее были генеалогические мифы, которые и ранее были сердцевиной тюрко-монгольской картины мира, а следовательно, и в предшествующие эпохи были основой иллюзорного, фантастического мировоззрения и идеологии кочевых племен. Заметим, что мифы-генеалогии образовывали сложные по составу конусы. Если в низу такого конуса перечислялись живущие поколения и их действительные предки, то чем выше по конусу, тем проблематичней становилась цепь перечисляемых предков, а самый верх его венчала явная фантазия. Думаем, что реальность нижних этажей и мешала прежде всего пониманию генеалогий как ложной идеолого-мировоззренческой системы, конструировавшей картину сложения и функционирования мира. Складывавшиеся в процессе исторической деятельности Чингисхана и его потомков в чингисизм, дополненный элементами шаманизма, эти мифы в их новой системе стали для татаро-монголов могучей духовной силой, адекватной их воинской мощи. Но чингисизм был не только религией. Чингисизм был мировоззрением, идеологией, философией, санкцией общественного строя и структуры социальных институтов, политической и правовой системой, культурологической доктриной, основой просвещения, средством регуляции поведения в семье и обществе... И в этом он не отличался от других религий.

Критерием научной интерпретации чингисизма явля-

ется марксистско-ленинская оценка исторической роли Чингисхана и значения татаро-монгольских завоеваний.

Чтобы показать значение чингисизма в истории тюрко-монгольских народов, напомним лишь несколько общеизвестных фактов. Чингисизм освятил право рода Чингисхана на верховную власть. Это, в частности, выразилось в том, что титул «хан» стал исключительной прерогативой Чингисидов. Попытка присвоить ханский титул нечингисидом в сознании тюрко-монгольских и многих других народов отражалась как противоправная и даже аморальная. Такой акт как бы ставил вне закона лицо, решившееся осуществить его. «Впредь да прекратится воцарение простолюдинов!» [4]. С таким кличем Исатай из племени кыйат и Алатай из племени сиджут, сторонники золотоордынского хана Узбека, который сам был лжечингисидом, убили его соперника-нечингисида Ток-Бугу, пытавшегося «узурпировать» ханскую власть.

Поэтому в тех случаях, когда объективный ход исторического развития приводил к отстранению Чингисидов от верховной власти, историческая практика выработала несколько приемов, чтобы обойти постулат о принадлежности верховной власти роду Чингисхана.

Нечингисиды, захватывавшие фактическую власть, как, например, Эмир Тимур, Едыгей и др., вынуждены были править от имени подставных, номинальных хановчингисидов.

В других случаях такие правители сочиняли легенду о своем происхождении от Чингисхана либо от одного из его предков или потомков. Такими легендами пользовались золотоордынские ханы Узбек, лже-Кельдибек, могулистанские ханы Туглук-Тимур и Хызр-Ходжа, тот же Эмир Тимур, который, однако, не решился принять ханский титул, кокандские ханы и многие другие.

Нередко даже Чингисиды, не обладавшие в соответствии с местом, занимаемым ими в генеалогии рода Чингисхана, каким-то правом, но жаждавшие им обладать, подделывали родословные Чингисидов, перерабатывали их в угодном им смысле и добивались цели, если обладали реальной силой, чтобы принудить несогласных принять

---

[4] *Утемиш-хаджи ибн Маулана Мухаммад Дости.* Чингиз-наме. Рук. ИВ АН УзССР, № 1552, л. 47б.

сфабрикованные ими аргументы. В противном случае они погибали.

В истории Шайбанидов имеются случаи их территориальных притязаний, которые аргументировались ими особым местом, занимаемым в истории Чингисидов их предком Шайбаном, и «разделом Чингисхана», т. е. тем же чингисизмом. Анализ их аргументации дает основание говорить о преднамеренной фальсификации.

Фактов такого рода в истории тюрко-монгольских и других народов, засвидетельствованных устными и письменными источниками, много. Таким образом, история чингисизма предоставляет свидетельства такой его мощи, которая делала возможной борьбу против него в определенных условиях только средствами самого чингисизма. Это, в свою очередь, требует конкретно-диалектического подхода к изучению его функционирования.

Чингисизм, по-видимому, не был в истории тюрко-монгольских народов явлением уникальным и неповторимым. Стадиально и типологически в один ряд с ним может быть поставлен, например, цикл преданий об Огузе. В дошедшем до нас виде этот цикл, быть может, представляет собой редуцировавшуюся до эпического уровня более раннюю политическую и идейно-религиозную концепцию типа чингисизма [5]. С большой долей уверенности можно говорить о существовании в далеком прошлом в степях «огузизма». В немалой мере, должно быть, в деградации и эрозии «огузизма» повинен именно чингисизм, потому что в отношении «огузизма» его конфессиональная нетерпимость была и естественной и закономерной, так как «огузизм» был соперником чингисизма в степях, т. е. именно там, где Чингисхан «расформировывал» народы, поголовно вырубая их.

Не исключено, что великие потрясения евразийских степей всегда или почти всегда сопровождались идеологическими переворотами, подобными возникновению чингисизма. Если это так, а мы убеждены в этом, то перед исследователями вырисовываются контуры грандиозного

---

[5] Об Огузе и цикле преданий о нем см., напр.: *Кононов А. Н.* Родословная туркмен: Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского. М.; Л., 1958; *Щербак А. М.* Огуз-наме. Мухаббат-наме. М., 1959; Книга моего деда Коркута: Огузский героический эпос/Пер. акад. В. В. Бартольда. М.; Л., 1962.

объекта изучения, которое потребует приложения колоссального труда, но и раскроет широчайшие перспективы познания сокровеннейших тайн духовного, культурного, политического прошлого тюрко-монгольских и других степных кочевых народов. Осуществление таких исследовательских программ потребует, несомненно, выработки новых методик изучения источников и, возможно, оформится в особое историко-научное направление изучения кочевничества.

Как ни странно, но чингисизм как исторический феномен не изжил себя вплоть до нашего времени. История XX в. дает ряд примеров его использования определенными политическими кругами и силами в современной политической практике. Это говорит о том, что изучение чингисизма не только имеет историко-познавательное значение, но и является актуальным (даже злободневным) в политическом и других отношениях и в наши дни.

Помещаемое ниже сообщение имеет целью объяснить некоторые реалии истории Казахстана и соседних стран и народов XVI и последующих веков. Они, эти реалии, в их большей части, но не только, были вызваны к жизни чингисизмом и вместе с тем являлись его конкретными проявлениями. В виду имеются кочевые объединения, в состав названий которых входило слово *орда*. До сих пор в их истории немало неясного: происхождение названий, время возникновения и исчезновения, размеры территории и границы, характер взаимоотношений, были ли они державами или географическими понятиями, да и существовали ли некоторые из них вообще и т. д. Нами предпринимается попытка объяснения этимологии названий некоторых орд с учетом достижений востоковедения и исторической науки вообще и на основе показаний источников, прежде всего восточных, отчасти еще не введенных в научный обиход. Этимологические интерпретации осуществляются на фоне истории Дашт-и Кипчака в расширенных по необходимости хронологических рамках. Попутно рассматриваются и некоторые специальные аспекты истории тех или иных орд.

Из истории слова «орда». Слово *орда*, иначе — *орду*, является общим для тюрко-монгольских языков и считается исконным в словаре этих языков. Его исходное значение — 'юрта', 'ханская юрта', 'дворцовая юрта',

'парадная юрта', из которого выросло новое значение — 'ставка, резиденция хана, правителя' [6].

Поскольку в тюрко-монгольской среде в условиях многоженства предпочитали каждой жене предоставлять отдельную юрту, то слово *орда* приобрело даже и такое метафорическое значение, как 'жена'.

При ханских ставках-ордах в степях обычно находились большие группы торговцев, ремесленников и прочих представителей средневековой «сферы обслуживания» вместе со своими семьями, прислужниками, юртами, всем своим хозяйством. Они постоянно кочевали вместе с ханской ставкой-ордой и образовывали при ней «кочевой город», иногда очень большой. Такие кочевые города назывались *орда-базар,* буквально 'орда-рынок', естественно, в восточном смысле этого слова. Ведь на Востоке, впрочем, как нередко и в Европе, рынок был не только торжищем, но и местом производства разнообразной продукции, например кулинарных изделий. В войнах кочевых владетелей орда-базар бывал нередко причиной степной кампании и ценным трофеем, который уводили на далекие расстояния, исчисляемые сотнями и тысячами километров [7]. Так неожиданно в отдаленных местах вдруг

---

[6] Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. 370; *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков: (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974, с. 470—472.

[7] Русская летопись сообщает, например: «В лето 6989 (1481 г.— *В. Ю.*). Поиде князь Андрей Васильевич углечский к брегу на Угру против царя Ахмата да с ним брат его князь Борис Васильевич своими дворы. И слышав то царь Ахмат, что князь великий смирися з братьею, и убояся братьи великаго князя и побежа от Угры месяца сентября в 15 день, не дождався короля.... Тое же зимы слышав царь Ивак Шибанский, что царь Ахмат идет с Руси, а воивал землю Литовскую, полону и богатства бесчисленно, и приде царь Ивак в Ногаи, а с ним силы 1000 казаков. И взем с собою шурью свою из Ногаи Мусу мырзу да Ямгурьчеи мырза, а с ними силы пятьнадесят тысящ казаков, и перевезеся Волгу на горную сторону, а уже осень. И поиде на переем на Ахмата царя и перенял след его за Доном, и поиде после Ахмата по вестем. И как Ахмат разделился своими ити салтаны, на зимовище приде и ста зимовати расплошася. А царь Ивак приде на него силою своею безвестно с мырзами месяца генваря в 6 день. Приде на него на утре изноровяся, а царь Ахмат еще спит. А царь Ивак сам вскочи в Белу вежу цареву Ахматову и уби его своими руками. А силы межи собою не билися. А шибаны с нагаи начаша ахматову орду грабити меж Доном и Волгою, на Донцу на Малом близ Азова. И стоял царь Ивак 5 дней на ахматове орде и поиде прочь, а о р д о б а з а р (разрядка наша.— *В. Ю.*) с собою поведе в Тюмень, не грабя, а добра и скота

возникали города, которых раньше там не было. Из кочевых они могли превращаться в обычные города оседлых жителей. Такова, возможно, судьба некоторых городов Сибири до появления там русских землепроходцев.

Значение термина «орда» 'ставка хана, правителя' иногда усиливалось присоединением к нему семантически равноценных, но более высоких по стилю слов, например слова *сарай* 'дворец'. Так, походная ставка Эмира Тимура называлась «Сарай-Ордум», или «Ордум-Сарай». Называлась она также и «Высокая Орда»[8], или «Великая Орда»[9].

Синонимом орды выступало слово *өргә (өргә/өрге)*, имеющее в некоторых тюрко-монгольских языках и значение 'свадебная юрта'[10]. Употребление *өргә* в значении 'ставка правителя' отразилось, например, в том, что прежде г. Улан-Батор—столица МНР—назывался Урга, так как город возник именно на месте, где находилась ставка хана.

Другим синонимом *орды* было тюркское слово *әв/өй/йүй* — обычное слово в тюркских языках для обозначения все той же юрты, ставшее также названием любого стационарного жилого строения, т. е. эквивалентом русского *дом*. В Семиречье была известна, например, ставка Чингисидов, именовавшаяся *Улуғ-Иф*, т. е. *Улуғ-Әв* (или *Улуғ-Өй/Улуғ-Үй*) — 'Большая (Великая, Старшая) Ставка'.

В процессе семантического развития на тюркской почве слово *орда*, как и слова *өргә* и *өй*, обросли многочисленными дополнительными значениями. Отметим следующие: 'войско, армия', 'свита', 'дворец, замок', 'становище, стан, лагерь', 'двор' или 'резиденция правителя', 'семья в кибитке', 'жилище жен знатных людей', 'очаг' и

и полону литовскаго бесчисленно поимал и за Волгу перевел». См. в кн.: Устюжский летописный свод: (Архангелогородский летописец). М.; Л., 1950, с. 93—94.

[8] *Низам ад-Дин Шами.* Зафар-наме. — В кн.: Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973, вып. 1, с. 108 (далее — МИКК, 1); *Шараф ад-Дин Али Йазди.* Зафар-наме. — Там же, с. 139; *Абд ар-Раззак Самарканди.* Матла' ас-са' дайн ва маджма' ал-бахрайн. — Там же, с. 156.

[9] *Му'ин ад-Дин Натанзи.* Мунтахаб ат-таварих-и Му'ини. — Там же, с. 126.

[10] *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков, с. 546—547.

другие [11]. Равным образом и слово *өргә* стало означать 'павильон, большой дом, замок, возвышение, крутое место, фундамент, храм, трон, престол, стоянка, ночлег, восход' и т. д. [12] У слова *өй* появились такие значения: 'жилище, жилье, комната', 'домохозяйство', 'помещение, место обитания', 'становище', 'семья', 'домочадцы', 'жена, женщина' и пр. [13]

Предложено много разных этимологий слов *орда, өргә* и *өй* специалистами, которые расходятся во мнениях относительно их исходного значения, источника происхождения, фонетической истории... [14] Мы полагаем, однако, что до обнаружения каких-то особых доказательств за исходное значение этих слов следует принимать 'юрта, кибитка'. Такое решение позволяет удовлетворительно объяснить все линии их семантического развития. Можно заметить, по-видимому, только, что *өй* было самым общим обозначением юрты, а *орда* и *өргә* — наименованиями их специализированных разновидностей.

Образовавшаяся в тюрко-монгольских языках смысловая многозначность этих слов, а главное — слова *орда* породила значительные трудности их истолкования, усугубляемые к тому же в переводах восточных источников их передачей на русский и другие языки словами-понятиями, не адекватными по своему семантическому полю и вызывающими ассоциации иного культурно-исторического плана.

Из тюрко-монгольских языков слово *орда* было заимствовано в русский, а из русского — в другие, прежде всего в центрально- и западноевропейские. Не исключено, что некоторые из этих языков заимствовали его самостоятельно. В русский язык оно вошло и в значении 'ханская юрта, ханский шатер, резиденция хана', и в значении 'степное кочевое объединение, кочевая держава'. Отсюда русские выражения типа *ходить в Орду.* Под Ордой на Руси в течение долгого времени разумелась Золотая Орда. Племена, кочевавшие вместе с ханской ордой-ставкой, на Руси также стали именоваться *ордой* или *ордами.* Спе-

---

[11] *Севортян Э. В.* Этимологический словарь..., с. 470—472.

[12] Там же, с. 546—547.

[13] Там же, с. 513—515.

[14] О предпринимавшихся попытках этимологизирования слов *орда, өргә, өй* см. в кн.: *Севортян Э. В.* Этимологический словарь..., с. 470—472, 513—515, 546—547.

цифическое русское восприятие степных объединений, кочевавших вместе с ханской ордой-ставкой, сплавило в заимствованном слове и значения 'кочующее племя', 'скопище, толпа, орава, ватага'. Отсюда недалеко уже и до современного значения 'банда' [15].

Значение 'скопище людей, толпа, орава' послужило основанием для использования слова *орда* специалистами по истории первобытного общества для обозначения самых ранних человеческих коллективов с неопределенной структурой, именуемых иначе «первобытным человеческим стадом».

Столь широкий диапазон использования слова *орда* в русском и многих других заимствовавших его языках зачастую создает ложное впечатление его глубокой древности в этих языках. Между тем заимствовано оно было лишь в послемонгольское время.

В научной литературе, в переводах и исследованиях, слово *орда* нередко используется сразу и в его тюркомонгольских значениях, и в значениях русских или иных европейских языков. В результате взаимоналожения этих двух теперь уже ставших автономными линий развития семантики слова *орда* трудности его истолкования в литературе возросли еще больше. В полной мере с этими трудностями сталкивается востоковедение в изучении Золотой и других орд. Сказанное означает, что в употреблении слова *орда* в научной литературе должен быть применен какой-то лимитирующий принцип. Представляется, что слово *орда* в русских и иных научных текстах должно быть ограничено преимущественно теми случаями, когда оно употребляется в исследуемом восточном тексте. Разумеется, это ограничение не может быть распространено на употребление таких терминов-наименований, как Золотая Орда, Белая Орда и т. д.

Белая, Синяя, Серая, Золотая Орды. По поводу названных орд все еще продолжается дискуссия. Отчасти дебатируются такие стороны проблемы, которые уже решены, но решения эти либо не принимаются, либо остаются неизвестными по каким-то причинам некоторым

[15] О значениях слова *орда* в рус. яз. см.: *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956, т. 2 (И—О), с. 690; *Преображенский А. Г.* Этимологический словарь русского языка. М., 1958, с. 657; *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1960, с. 447; *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1971, т. 3 (Муза — Сят), с. 150.

авторам, отчасти причиной продолжающейся дискуссии является недостаток аргументов. Что же касается вопроса о Серой Орде, то это совершенно новая проблема. Ранее о Серой Орде вообще ничего не было известно, и вопрос о ее существовании в литературе не ставился.

Дальнейшее продвижение вперед в изучении затронутой проблематики упирается в выявление и привлечение новых, ранее не использовавшихся источников и в более глубокий анализ известий, уже введенных в научный обиход.

Одним из таких источников по истории Белой, Синей и Золотой Орд, сведения из которого еще не привлекались, является тюркоязычное историческое сочинение «Чингиз-наме» («Чингизова книга»), написанное в XVI в. в Хорезме Утемиш-хаджи ибн Маулана Мухаммадом Дости [16]. Хотя сообщения Утемиша-хаджи о Белой, Синей и Серой Юртах зарегистрировал еще В. В. Бартольд [17], но он не связал их с проблемой Белой и Синей Орд и не интерпретировал. Не придал он никакого значения и Серой Юрте. Известия эти не попали в поле зрения специалистов в последующее время и в исследованиях не использовались.

Между тем данные «Чингиз-наме» для решения вопросов, связанных с историей Белой, Синей, Золотой Орд, имеют особое значение. «Чингиз-наме» написана на основе рассказов Чингисидов и представителей племен Дашти Кипчака о Чингисхане, его потомках, племенах и родах евразийских степей, т. е. в ней письменно зафиксировано устное историческое знание кочевников. Письменные же источники Утемиш-хаджи почти не использовал. Степная устная историческая традиция регистрируется в этом сочинении в том ее состоянии, в каком она существовала в XVI в., т. е. более чем три века спустя после Чингисова времени. «Чингиз-наме» — это не только своеобразный исторический труд, но и памятник идеологии чингисизма

[16] Об авторе и соч. см.: *Бартольд В. В.* Отчет о командировке в Туркестан. — Соч. М., 1973, т. 8, с. 164—169; История Казахской ССР: С древнейших времен до наших дней. Алма-Ата, 1979, т. 2, с. 379. Вышеуказанной рукописью «Чингиз-наме» пользовался и В. В. Бартольд. О другой рукописи «Чингиз-наме» см.: *Валидов А.-З.* Восточные рукописи в Ферганской области. — Записки Восточного отделения Императорского Русского Археологического Общества. Пг., 1915, т. 22, вып. 3—4, с. 320.

[17] См.: *Бартольд В. В.* Отчет о командировке в Туркестан.

в его шайбанидской версии, что делает его особо ценным для нас. Анализ сведений «Чингиз-наме» выпукло демонстрирует, сколь живучи и жизненны были идеи чингисизма в Дашт-и Кипчаке в XVI в., в то время, когда потомки Бату уже сошли в степях с исторической сцены, а на смену им выдвинулись соперничавшие группировки Шайбанидов и Тукатимуридов. Постоянная апелляция Утемиша-хаджи к деяниям Чингисхана и его потомков позволяет анализировать чингисизм XVI в. в различных аспектах — общественно-политическом, социально-стратификационном, правовом, морально-этическом, культурном и, в целом, в идеологическом и мировоззренческом. В совокупности со сведениями аналогичных источников, например «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» предположительно Мухаммад Шайбани-хана (XVI в.), «Сборник летописей» Кадыр-Али-бий джалаира (XVII в.), «Шаджара-йи турк ва могул» Абу-л-Гази и других, известия «Чингиз-наме» дают возможность реконструкции степного устного исторического знания кочевников, которое было достаточно ясно сформировавшимся и оформленным. Это степное устное историческое знание можно было бы назвать степная устная историология, так как термин «историография» не был бы корректным в отношении устной традиции.

Данные о Белой и Синей Ордах в «Чингиз-наме» приводятся в рассказе о передаче верховной власти в Дашт-и Кипчаке Бату. Сообщается, что после смерти Джучи между его первым сыном Орда-Эдженом и вторым сыном Бату возник спор, кому из них быть ханом в Улусе Джучи: братья уступали власть друг другу. В конце концов они отправились к Чингису и просили рассудить их: «Два сына, родившиеся от одной матери, и 17 сыновей, родившиеся от других матерей, все вместе отправились на аудиенцию к Великому хану. Когда они прибыли на служение к своему [деду] хану, тот поставил им три юрты *(өргә)*: белую юрту с золотой дверной рамой *(алтун босағалы ақ өргә)* поставил для Саин-хана (Бату. — *В. Ю.)*, синюю юрту с серебряной рамой *(күмүш босағалы көк орда)* — для Эджена (Орда-Эджен. — *В. Ю.)*, серую юрту со стальной рамой *(болат босағалы боз орда)* — для Шайбана (пятый сын Джучи. — *В. Ю.)*.

Одним словом, в трех отношениях огланы Шайбан-хана гордятся и возвеличивают себя перед огланами Тох-

тамыш-хана, Тимур-Кутлы [18] и Урус-хана [19], говоря: «„Мы превосходим вас". Во-первых, это — юрта. [Они] говорят: „Когда после смерти нашего отца Йочи-хана (Джучи. — *В. Ю.*) наши отцы отправились к нашему великому деду Чингиз-хану, то после Эджена и Саина он поставил юрту [и] для нашего отца Шайбан-хана. Для вашего [же] отца он не поставил даже и [крытой] телеги"» [20].

Итак, Чингис возвысил трех внуков над остальными и определил их ранги в их взаимоотношениях: белый цвет и золото символизировали утвержденное им старшинство Бату, синий цвет и серебро — подчиненность Орда-Эджена, серый цвет и сталь — подчиненность Шайбана и Бату, и Орда-Эджену. Здесь наглядно выявляется символика цветов и металлов в иерархии ценностных представлений тюрко-монгольских народов: первое место — *белое* и *золото,* второе — *синее* и *серебро,* третье — *серое* и *сталь.* В каждой паре слова эти созвучны между собой: *ақ* 'белый' и *алтун* 'золото', *көк* 'синий' и *күмүш* 'серебро', *боз* 'серый' и *болат* 'сталь' [21]. Эти созвучия не только усиливают поэтическую музыкальность и торжественность текста, но и выявляют такие эпико-лексические штампы-стереотипы, древность которых может быть лишь с трудом осознана. Интересны эти примеры и тем, что в них символика цветообозначений связана с социальной стратификацией, а не с ориентированием по странам све-

[18] Имя Тимур-Кутлы В. В. Бартольд ошибочно прочитал как Гур-Китай. См.: *Бартольд В. В.* Отчет о командировке в Туркестан, с. 168.

[19] Названные ханы — потомки Тука-Тимура, 13-го сына Джучи. Из них Тохтамыш-хан правил Золотой Ордой, объединил Белую Орду и Синюю Орду; Тимур-Кутлы (Тимур-Кутлук) основал династию астраханских ханов; Урус-хан, один из правителей левого крыла Улуса Джучидов, предок династии казахских ханов, в течение недолгого времени был и ханом Золотой Орды.

[20] Словами [*крытая*] *телега* мы перевели слово *тәләгән/телеген,* т. е. 'телега'. В. В. Бартольд перевел это слово как 'палатка': *Бартольд В. В.* Отчет о командировке в Туркестан, с. 168. Вся цитата приведена из рукописи: *Утемиш-хаджи.* Чингиз-наме, л. 38а—б. В этой цитате ярко выразилась прошайбанидская ориентация автора, стремившегося возвеличить Шайбанидов и опорочить их врагов Тукатимуридов. Слово *отец* здесь употребляется в значении 'предок'. Признавая, что Тохтамыш, Тимур-Кутлы и Урус происходят от одного предка, автор тем самым признает происхождение и Уруса от Тука-Тимура.

[21] Приведенный пример свидетельствует, что в XVI в. кочевники Дашт-и Кипчака произносили *болат/булат,* а не *полад/пулад* или *фолад/фулад.*

та. Последнее в тюркологии приобрело неоправданно широкое признание и стало «модным». Проблема нуждается в углубленном исследовании на конкретном материале, который, как правило, отрицает за цветообозначениями исходность и тем более исключительность символизации обозначений по странам света.

Из цитированного отрывка в сопоставлении с другими сведениями может быть извлечена следующая информация, если истолковывать этот явно легендарный рассказ как исторически достоверный. Но ведь именно в качестве такого он подается в «Чингиз-наме» и соответствующим образом воспринимался аудиторией, для которой была написана «Чингизова книга».

1. Прямое значение Белой Орды и Синей Орды—юрты белого и синего цветов [22]. Юрты были поставлены самим Чингисом, что освятило прецедент и создало политико-правовую традицию. Поставлены они были после смерти Джучи и до смерти Чингиса, т. е. в 1227 г. В любом случае это было до Западного похода Бату в 1236 г., что явствует хотя бы из его слов Орда-Эджену: «Мы уходим в чужой юрт» [23].

2. Цвет юрт определил ранги трех сыновей Джучи и одновременно разграничение их владений в Улусе Джучи: ставка Орда-Эджена находилась на востоке, почему термин «Синяя Орда» должен быть отнесен к восточной части улуса, его левому крылу, а «Белая Орда» — соответственно к западной, к правому крылу. Распределена была территория улуса, полученного самим Джучи от Чингиса, простиравшаяся от Яика до Иртыша, а не территория Улуса Джучидов, сложившаяся после Западного похода, когда она протянулась до Дуная. Это означало, в свою очередь, что первоначально ставка Бату, Белая Юрта, находилась где-то к востоку от Яика, а ставка

---

[22] В русских летописях *белые юрты/белые орды* золотоордынских ханов иногда назывались *белая вежа*. См., например, приведенную выше цитату из «Устюжского летописного свода». Что же касается Синей Орды, то всего лишь 150 лет назад А. Левшин напрасно писал, что «в Русских летописях оно (Аральское море. — *В. Ю.*) именуется Синим, от чего и монголы-татары, около его кочевавшие, назывались у нас Синею ордою». См. в кн.: *Левшин А.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб., 1832, ч. 1: Известия географические, с. 71.

[23] *Утемиш-хаджи.* Чингиз-наме, л. 38а.

Орда-Эджена, Синяя Юрта, — на берегах Иртыша (Сырдарьи, Алакуля, Эмиля), т. е. термины «Белая Орда» и «Синяя Орда» в качестве официальных названий держав или даже географических районов тогда еще не применялись, а имели переносные, метафорические значения и использовались: Синяя Орда — для обозначения удела Орда-Эджена, левого крыла Улуса Джучи, а Белая Орда для обозначения удела Бату, правого крыла Улуса Джучи. Аналогию этому можно найти в употреблении названия «Белый Дом» для указания на правительство США или даже на само государство, а также во многих других подобных случаях.

3. После Западного похода Улус Джучидов неизмеримо возрос, и граница между владениями Бату и Орда-Эджена значительно сместилась на запад. Как результат определились новые территориальные контуры Белой и Синей Орд, появились их два различных географических образа и возникли две системы ассоциаций по поводу их размеров и границ — первая, восходящая ко времени до Западного похода, и вторая, сложившаяся после похода. Поскольку Белая и Синяя Орды не были официальными обозначениями, постольку они сохранялись в основном в степной устной исторической традиции и лишь спорадически попадали на страницы письменных трудов, фактически не применяясь в официальном делопроизводстве. В зависимости от того, какой из двух систем — первой или второй — в качестве точки отсчета пользовался автор, и возникали противоречия в источниках как результат наложения друг на друга раннего и более позднего контуров Белой и Синей Орд. Все сказанное объясняет явную нерегулярность и даже случайность применения терминов «Белая Орда» и «Синяя Орда» в письменных источниках, в которых некоторые специалисты наших дней, исходя из современного понимания смысла, содержания и конкретно-исторического, территориально-политического наполнения, хотели бы видеть совершенно иную картину функционирования.

Некоторые источники особенно запутали вопрос о Белой и Синей Ордах. В первую очередь к ним относится «Аноним Искандара» Му'ин ад-Дина Натанзи, который ошибочно поменял местами Белую и Синюю Орды, а

также совершенно запутал вопрос о династиях, правивших в Восточном Дашт-и Кипчаке [24].

Сыграла свою роль и шайбанидская историография, непомерно возвеличившая Шайбана и его потомков. Непоследовательность введения в научный обиход восточных сочинений различных историографий и неправомерно сохраняющийся высокий авторитет некоторых из них, например того же «Анонима Искандара» или «Шаджарайи турк ва могул» Абу-л-Гази, подлежащий пересмотру в свете последних достижений источниковедения, также играли и играют до сих пор негативную роль в дискуссии по проблеме Белой и Синей Орд и в историографии Дашт-и Кипчака в целом.

Дискуссия о местонахождении Белой и Синей Орд, длившаяся с начала научного изучения Золотой Орды в России и на Западе, завершилась выводом, что Синяя Орда находилась на востоке, а Белая Орда — на западе. Было установлено, что после Западного похода Золотая Орда отождествлялась с Белой Ордой [25]. Подтверждают это мнение и известия «Чингиз-наме».

---

[24] *Му'ин ад-Дин Натанзи.* Аноним Искандара. — В кн.: *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды: Извлечения из персидских сочинений. М.; Л., 1941, т. 2, с. 126—138 (далее — СМИЗО). Об ошибках и искажениях истории Белой и Синей Орд Му'ин ад-Дином Натанзи см., например, в кн.: *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960, с. 14.

[25] *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1959; *Вяткин М.* Очерки по истории Казахской ССР. М., 1941, т. 1: с древнейших времен до 1870 г.; *Иванов П. П.* Очерки по истории Средней Азии. М., 1958; *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды; *Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков. М., 1965; *Митрошкина А. Г.* Термин «Золотая Орда». — В кн.: Труды Иркутского гос. ун-та им. А. А. Жданова, т. 65, вып. 4, серия языкознания. Иркутск, 1968, с. 25—32; *Богатова Г. А.* Золотая Орда. — Русская речь, 1970, № 1; *Федоров-Давыдов Г. А.* «Аноним Искандера» и термины «Ак-Орда» и «Кок-Орда». — В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 224—230; *Он же.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973; *Босворт К. Э.* Мусульманские династии/Пер. с англ. и примеч. П. А. Грязневича. М., 1971, с. 203—208; *Устюгов Н. В.* Научное наследие: Экономическое развитие, классовая борьба и культура в Русском государстве в XVII в. Народы Средней Азии и Приуралья в XIII—XVIII вв. М., 1974; *Егоров В. Л.* Государственное и административное устройство Золотой Орды. — Вопросы истории, 1972, № 2; *Он же.* Золотая Орда перед Куликовской битвой. — В кн.: Куликовская битва: Сборник статей. М., 1980, с. 174—214; *Султанов Т. И.* О терминах Ак-Орда, Кок-Орда и Йуз-Орда. — Изв. АН КазССР. Серия обще-

Особняком стоит мнение А. В. Митрошкиной, которая считает, что Золотая Орда была центром Улуса Джучи, Белая Орда — его левым крылом, а Синяя Орда — правым [26].

Подведены итоги дискуссии [27]. Поэтому неожиданной является публикация, в которой без анализа результатов дискуссии воскрешается мнение о восточном местонахождении Белой Орды, да к тому же утверждается, что она была государством, просуществовавшим с середины XIII и по первую четверть XV в. включительно [28].

Следует отметить, что сейчас дискуссия о Белой и Синей Ордах переросла в основном в диспут по поводу времени их возникновения и исчезновения, а также относительно местонахождения и названия удела Шайбана. Не вдаваясь в полемику о времени возникновения Белой и Синей Орд, укажем, что, по данным «Чингиз-наме», — это собственно почти равные по возрасту Улусу Джучи реалии, восходят они ко времени до Западного похода, и, следовательно, генезис их должен датироваться более ранним временем, чем середина XIII в. Погибла же Белая Орда вместе с Золотой Ордой, а Синяя Орда прекратила свое существование после первых преемников Орда-Эджена, задолго до XV в. Потомки Орда-Эджена еще правили некоторое время после него и даже действовали на второстепенных ролях при ханах других джучидских династий в Дашт-и Кипчаке, но на смену Синей Орде уже в XIV в. пришли новые политические образования, не соответствовавшие прежним. Политическая карта левого крыла бывшего Улуса Джучи, впрочем, как карта и

ственная, 1972, № 3, с. 71—74; *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV — начале XVI веков: (Вопросы политической и социально-экономической истории). Алма-Ата, 1977; *Мингулов Н. Н.* К некоторым вопросам изучения истории Ак-Орды. — В кн.: Казахстан в эпоху феодализма: (Проблемы этнополитической истории). Алма-Ата, 1981, с. 79—95. Ранее под влиянием традиций и автор настоящей статьи принимал восточное положение Белой Орды и западное — Синей, а также отождествлял Йуз-Орду с Белой Ордой.

[26] *Митрошкина А. Г.* Термин «Золотая Орда», с. 26.

[27] *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды; *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй...; *Егоров В. Л.* Золотая Орда перед Куликовской битвой.

[28] *Мингулов Н. Н.* К некоторым вопросам изучения истории Ак-Орды.

история правого крыла, стала сложной и быстро меняющейся.

Почти сразу же после смерти Бату (1255) и Орда-Эджена (1280) Белая и Синяя Орды превратились в политико-правовые абстракции, как остатки установлений Чингиса и монгольского права, т. е. функционировали как явления чингисизма. Но они еще долго жили в памяти насельников Дашт-и Кипчака и соседних народов и в течение веков служили источником права в конкретно-политических акциях.

Как сказано, перерос в новую дискуссию и вопрос об Улусе Шайбана. Поскольку рассказ «Чингиз-наме» о Белой, Синей и Серой Юртах — это одновременно и рассказ о размещении и иерархии Белой и Синей Орд, то и упоминание Серой Юрты в одном ряду с Белой и Синей указывает на существование особой Серой Орды *(Боз Орда)*, главой которой был Шайбан. Помещая Улус Шайбана на крайнем западе Улуса Бату, «Чингиз-наме» указывает тем самым на западное расположение Серой Орды, вероятно, на границах с Польшей. Вызывает, однако, недоумение отсутствие упоминаний о Серой Орде в других источниках. Можно, правда, предположить, что некоторые упоминания Йуз-Орды — это в действительности фиксация названия Серой Орды, так как Серая Орда в передаче арабской графикой будет иметь вид بوز اوردا *боз орда,* а Йуз-Орда—يوز اوردا *йуз орда,* т. е. они отличаются друг от друга в арабском написании только одной лишней точкой под первым зубчиком слова يوز *йуз*, которая в скорописном тексте часто сливается со второй точкой, почему слова *боз* и *йуз* становятся графически неразличимыми.

Если тем не менее названия Серой Орды в обследованных к настоящему времени восточных сочинениях и документах нет, это не должно означать, что его не было в действительности и что можно заподозрить фальсифицированность данного сообщения «Чингиз-наме» в угоду Шайбанидам и отмахнуться от него. Можно указать, например, на то, что о существовании Йуз-Орды мы знаем из единичных упоминаний этого названия. Но специалисты не усомнились в существовании такой орды, и среди них возникла даже полемика относительно этимологии этого термина.

Мы полагаем, что сведения о Боз-Орде в «Чингиз-наме» не могли быть сфабрикованы в XVI в. Утемиш-хаджи в «Чингиз-наме» постоянно ссылается на то, что рассказы о таком-то и таком-то случае широко распространены среди узбеков, под которыми он подразумевает тюркоязычные роды и племена всего Дашт-и Кипчака от Дуная до Иртыша и той их части, которая лишь недавно пришла с Шайбанидами в Хорезм. Ведь если бы Утемиш-хаджи предложил фальшивку в рассказе о Белой, Синей и Серой Ордах, то немедленно был бы разоблачен узбеками, среди которых было много знатоков истории Улуса Джучидов. Сам Утемиш-хаджи был хорошо известным лицом в Средней Азии, и предположение о подлоге с его стороны маловероятно.

Таким образом, можно полагать, что известие о Серой Юрте и, следовательно, о существовании особой Серой Орды Шайбана и Шайбанидов является уникальным, а потому особо ценным. Необходимы тщательное обследование уже известных источников, в которых возможно обнаружение каких-то свидетельств в пользу существования Серой Орды, и поиск новых источников.

О том, что серый цвет и серая юрта занимали в монгольских воззрениях на ценностное и социальное градуирование особое место, подобное описанному выше, говорят, например, обстоятельства убийства Чингисханом его соперника шамана Көкөчу, когда, «приказав принести с заднего двора запасную с е р у ю ю р т у (разрядка наша. — *В. Ю.)*, он велел поставить ее над Теб-Тенгрием, а затем, приказав заложить подводы, укочевал с этого места»[29]. Из этого рассказа вытекает, что «серая юрта» в монгольской ценностной иерархии занимала малопочетное место. Быть может, это и послужило причиной того, что народное предание и рассказ Утемиша-хаджи не стали популярными, так как Шайбаниды в угоду своему авторитету предпочли замолчать факт предоставления Серой Юрты-Орды Чингисханом Шайбану.

Нам особенно плохо известна внутренняя, событийная история Восточного Дашт-и Кипчака, т. е. Казахстана XIII—XVI вв. Если Улусы Шайбана и Тука-Тимура имели особые названия, то и другие сыновья Джучи стояли

[29] *Козин С. А.* Сокровенное сказание, с. 178, 496, 567; *боро хошілік* 'серая юрта'. См. также: *Кычанов Е. И.* Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. М., 1973, с. 99.

во главе улусов, которые также имели какие-то названия. Ниже мы высказываем гипотезу о том, что каждый улус каждого сына Джучи, кроме Орда-Эджена, Бату и Шайбана, мог именоваться Йуз-Орда. Но эта гипотеза не может, разумеется, исключить того, что некоторые улусы могли иметь какие-то специальные имена.

Н. Н. Мингулов полагает, что термином «Синяя Орда» с самого начала назывался Улус Шайбана и находился он на территории между Золотой Ордой и Белой Ордой Орда-Эджена, очерченной на удивление точно во второй половине XVII в. Абу-л-Гази [29а], что объясняется, вероятно, притязаниями хивинских Шайбанидов на территории к северу от Аральского моря и по Яику и хорошим знакомством с нею Абу-л-Гази, скитавшегося здесь в течение некоторого времени. «Бахр ал-асрар» Махмуда ибн Вали указывает, что Бахадур, сын Шайбана, кочевал на территории Йуз-Орды, которая якобы называлась также и Белой Ордой. По «Фирдаус ал-икбал», владения Шайбана как будто прямо именуются Синей Ордой [30]. Таким образом, Улус Шайбана помещают то в Синей Орде, то в Белой Орде, то в Йуз-Орде, которая якобы была тождественна Белой Орде, то ей приписывается особое наименование — Серая Орда, то утверждают, что Синяя Орда — это и есть исконное название Улуса Шайбана.

Если оставить в стороне тенденциозность и прямые ошибки источников, то можно сказать, что все эти противоречия являются реминисценциями двух вышеупомянутых воззрений на время возникновения и местонахождение Белой и Синей Орд и их наложений друг на друга. К этому добавились неясные указания источников о местонахождении Улуса Шайбана. Порождены они весьма многочисленными сочинениями шайбанидской историографии. Ряд конкретно-исторических причин обусловил написание очень большого количества восточных трудов, посвященных Шайбану и его потомкам, и почти полное отсутствие сочинений, посвященных потомству других сыновей Джучи. Прошайбанидские авторы, каждый по-своему стремясь превознести Шайбанидов, создали ложную картину, что три сына Джучи — Бату, Орда-Эджен и Шайбан — были отличены Чингисханом, а

[29а] *Мингулов Н. Н.* К некоторым вопросам изучения истории Ак-Орды, с. 83, 84, 95.

[30] Там же, с. 85.

потому занимали особое место среди Джучидов и играли особую роль в истории Дашт-и Кипчака. Если это верно в отношении Бату и Орда-Эджена, то в отношении Шайбана такое утверждение требует дополнительной аргументации. Для этого необходимо специальное исследование, в котором была бы преодолена прошайбанидская тенденция, а история Шайбана была доказательно изложена в исторически достоверном виде.

К тому же и источники, и современные авторы, как правило, не различают Улус Джучи, Улус Бату, Улус Орда-Эджена, Улус Шайбана, Улус Тука-Тимура и Улусы других сыновей Джучи, с одной стороны, и Улус Джучидов, Улус потомков Бату, Улус потомков Орда-Эджена, Улус Шайбанидов, Улус Тукатимуридов и Улусы потомков других сыновей Джучи — с другой. Да и существовали ли вторые в более или менее стабильном и целостном виде?! Наиболее показательными в этом отношении являются именно сведения об Улусах Шайбана и Шайбанидов. Источники помещают их в самых разных районах Улуса Джучидов — от крайнего запада до крайнего востока. Есть свидетельства, что Улус самого Шайбана еще при его жизни перемещался из одного пункта в другой, с запада на восток, на реку Яик и за нее. В смутное время в Золотой Орде (1360—1380) ряд Шайбанидов перебрался в Волго-Донское междуречье. Шайбаниды на короткое время даже становились ханами Золотой Орды. Это означает, что без скрупулезного, конкретного в отношении времени и пространства изучения динамики исторических изменений всех доступных исследованию Улусов Джучидов на территории Дашт-и Кипчака трудно ожидать крупных позитивных сдвигов в изучении истории Казахстана XIII—XV и XVI—XVIII вв., да и всего Дашт-и Кипчака за это время. Понятно, что без использования вышеуказанной методики исследования только произвол современного автора будет обусловливать его выводы.

В свете сказанного трудно переоценить сообщения «Чингиз-наме» о Серой Юрте.

Давно установлено, что название «Золотая Орда» было присвоено Улусу Бату русскими. Этимология названия была установлена после опубликования 1-го тома «Сборника материалов, относящихся к истории Золотой Орды» В. Г. Тизенгаузена. Обычай тюрко-монгольских народов ставить верховному хану «золотую юрту» хорошо извес-

тен. «Золотая юрта» была у Ван-хана кереитского[31], у Чингисхана, у Хулагуидов и других степных владетелей. Об этом же говорит и сообщение «Чингиз-наме» о белой юрте с золотой дверной рамой у Бату. Не вся юрта, правда, была золотой, но главное, за Бату утверждалось право на золото. В дальнейшем такая юрта была сооружена, как считают, ханом Узбеком (1312—1341). Ее описал Ибн Баттута: «...в пятницу, после молитвы, он (Узбек-хан. — *В. Ю.*) садится в шатер, называемый золотым шатром, разукрашенный и диковинный. Он [состоит] из деревянных прутьев, обтянутых золотыми листками. По средине его деревянный престол, обложенный серебряными позолоченными листками; ножки его из чистого серебра, а верх его усыпан драгоценными камнями»[32].

О Золотой Юрте, т. е. о Золотой Орде, на Руси узнали немедленно после ее появления. Однако по ряду причин название «Золотая Орда» стали применять лишь с конца XVI в.[33] Русские ездили уже не «в Орду», а в «Золотую Орду», т. е. название ставки переосмыслилось в название державы. Но и до сих пор историки допускают иногда ошибку, утверждая, что название «Золотая Орда» — исконное и восходит ко времени Бату.

Если существование Золотой Юрты и этимология названия «Золотая Орда» твердо установлены, то до сих пор неизвестной оставалась, однако, конечная судьба самой юрты. Рассказ о том, как она исчезла, был обнаружен нами в «Чингиз-наме». Произошло это в смутное время в Золотой Орде, в правление ханши Тайдулы, как она именуется в русских источниках. «Чингиз-наме» сообщает: «Когда Тай-Дуглы-бегим (т. е. Тайдула. — *В. Ю.*) призвала Хызр-хана и сделала [его] ханом на троне Саина, поставила она в качестве свадебной юрты золотую юрту, оставшуюся от Узбек-хана и Джанибек-хана. Рассказывают. Бегим покрасила свои волосы в черный цвет и пожелала выйти замуж за Хызр-хана. Желание жениться [на ней] было и у хана. Был, однако, у

---

[31] *Козин С. А.* Сокровенное сказание, с. 139, 457: *алтан терме* — 'золотая юрта', или 'золотой терем', как перевел это словосочетание С. А. Козин.

[32] *Тизенгаузен В. Г.* СМИЗО. СПб., 1884, т. 1: Извлечения из сочинений арабских, с. 290.

[33] *Богатова Г. А.* Золотая Орда, с. 76; *Егоров В. Л.* Государственное и административное устройство Золотой Орды, с. 34.

него бек из [племени] найман, по имени Кутлуг-Буга, который не согласился. Сказал он: „...Не женись!" Послушался тот его слов и не женился.

Когда почуяла бегим, что не возьмет он ее в жены, начала она оказывать [хану] меньше почета и уважения, чем прежде. Когда же и хан, озлившись на нее, решил разломать золотую юрту, [а золото] поделить между своими казаками, то, прослышав [о том], бегим послала к хану человека, сказала: „Пусть так не поступают...". Не прислушался к ее словам [Хызр-хан], разломал и поделил. Бегим запылала в свою очередь злобой на хана, собрала своих внутренних беков и прогнала его. Хан ушел назад и снова пришел к Аккулю»[34]. Упомянутый здесь Хызр-хан был ханом, вероятно, одним из нескольких, на территории Казахстана. Известно также, что озеро Аккуль находилось в Казахстане[35].

В дальнейшем Хызр-хан вновь собрал войска, пошел походом на Тайдулу и вторично стал ханом в Золотой Орде[36]. «Под Сараем произошла битва. Базарчи[37] и бегим были схвачены. Посадили бегим в крытые санки, полость туго завязали и, заложив бешеного жеребца, отпустили на все четыре стороны. Конь этот бешеный понес санки и бил [их] по оврагам и буеракам, пока бегим не погибла. [Поэтому] узбеки говорят: „Тай-Дуглы-бегим убил Хызр-хан". Обстоятельства этого таковы, [как изложено]»[38]. Так погибла Тайдула, так сгинула Золотая Юрта Узбека.

Йуз-Орда. В «Бахр ал-асрар» зафиксирован особый термин «Йуз-Орда» (каз. *Жүз-Орда.—В. Ю.):* «Что касается Бахадура, сына Шайбан-хана, ...он вместо отца стал главенствовать над элем и улусом. Повелев собраться близким родственникам, племенам и четырем каучинам, он выбрал для зимовок и летовок Ак-Орду, которая

---

[34] *Утемиш-хаджи.* Чингиз-наме, л. 53а—б.

[35] О казахстанском озере Аккуль (под искаженным названием Анколь) см., например, в кн.: Книга Большому Чертежу. М.; Л., 1950, с. 95. Сообщается, что в этом месте находилось «кочевье Казацкия орды». — Там же.

[36] Факт вторичного воцарения Хызр-хана в Золотой Орде подтверждается русскими летописями. См.: *Егоров В. Л.* Золотая Орда перед Куликовской битвой, с. 184. Хотя, возможно, было два разных Хызр-хана.

[37] Базарчи — новый хан Золотой Орды, посаженный на трон Тайдулой.

[38] *Утемиш-хаджи.* Чингиз-наме, л. 54а.

известна также как Йуз-Орда»[39]. В другой рукописи «Бахр ал-асрар» имеется еще одно известие о Йуз-Орде: «[Бахадур] для зимовки и летовки избрал Ак-Орду, которая известна под [названием] Йуз-Орда, считал своим обязательным и непременным долгом подчинение и повиновение потомкам Тукай-Тимур-хана, которые были известны под именем ханских сыновей (букв. 'ханский сын'. — *В. Ю.*), и в течение жизни не убирал ногу из того круга [повиновения]»[40].

Термин «Йуз-Орда», по понятным причинам, уже привлек к себе внимание исследователей. Состоит он из тюркских слов *йүз* 'сто', 'сотня' и слова *орда*. Состоялся обмен мнениями. Б. А. Ахмедов перевел его как 'сто орд'[41]. Грамматически перевод верен, но не единственно возможен. Если обратить внимание на состав таких названий, как *Белая Орда, Синяя Орда, Серая Орда, Золотая Орда,* то нетрудно установить их модель: центральным в этих словосочетаниях является слово *орда,* к которому прилагается детерминатив-определитель, указывающий на особые свойства этой орды. По этому же принципу построено и словосочетание *Йуз-Орда:* здесь также одна *орда,* к которой приложен детерминатив *йүз*. Последний не может быть переведен как 'сто', так как в этом случае мы получим именно «сто юрт», а ведь речь идет только об одной юрте-орде. Поставленным условиям отвечает перевод 'Орда-Сотня', который и был предложен нами в печати[42]. С этим переводом согласился теперь и Г. А. Федоров-Давыдов[43]. Ранее он принимал перевод «сто орд»[44].

Но почему улус Тука-Тимура получил название Орда-

---

[39] Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков: (Извлечения из персидских и тюркских сочинений) (далее — МИКХ). Алма-Ата, 1969, с. 347. *Каучин* — букв. 'гость'. Под этим названием, вероятно, имеются в виду собственно монголы (4000 чел.), выделенные Чингисханом Джучи.

[40] МИКХ, с. 327, а также с. 551, прим. 81. Персидский текст этого отрывка приведен в кн.: *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия, с. 192, прим. 301.

[41] *Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков, с. 163.

[42] См. нашу рецензию на кн.: *Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков. — Известия АН КазССР. Серия общественная, 1966, № 2, с. 87; см. также нашу статью «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар» в кн.: МИКХ, с. 327.

[43] *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй..., с. 144.

[44] *Федоров-Давыдов Г. А.* «Аноним Искандера»..., с. 230.

Сотня? Допустимо предположение, что произошло это потому, что Тука-Тимур получил 100 юрт-хозяйств собственно монголов из тех 4000 монголов-воинов [45], которые были выделены Чингисханом Джучи. Основные контингенты монголов Чингис отдал, естественно, Бату и Орда-Эджену. Все же прочие сыновья Джучи получили, вероятно, только по 100 монгольских юрт-хозяйств. Традиция наделения тюркской знати сотней хозяйств известна еще из древнетюркских рунических памятников [46].

Можно полагать, что этот институт действовал и в Улусе Джучи. Поэтому термином «Йуз-Орда» обозначался, возможно, не только Улус Тука-Тимура, но и улусы других сыновей Джучи, ранг которых был равен рангу Тука-Тимура. Если сказанное верно, то термин «Йуз-Орда» и, по-видимому, сокращенное *йуз/жуз* является в Дашт-и Кипчаке столь же давним, сколь и «Белая Орда» и «Синяя Орда». Древность же его вообще у тюркских народов доходит, по меньшей мере, до середины I тысячелетия н. э.

Иное толкование названия *Йуз-Орда* предложил Т. И. Султанов. По его мнению, слово *йуз/жуз* употреблено в *Йуз-Орда* не в прямом значении 'сто', а в метафорическом смысле — 'основная, главная Орда', в результате чего «получается логически ясная характеристика термина „Ак-Орда“» [47]. Т. И. Султанов, как и некоторые другие исследователи, принимает за бесспорное то, что автор «Бахр ал-асрар» в буквальном смысле отождествляет Йуз-Орду и Ак-Орду. Между тем Махмуд ибн Вали хотел только сказать, что Улус Тука-Тимура в его, Тука-Тимурово, время располагался на землях Белой Орды, и не более. По нашему мнению, из соответствующих высказываний Махмуда ибн Вали не вытекает, что для него Йуз-Орда и Белая Орда были синонимами и равновеликими категориями. Кстати, Махмуд ибн Вали в этом случае продолжил ошибочную традицию помещения

---

[45] Сообщение «Джами' ат-таварих» Рашид ад-Дина. Другие источники называют иные цифры собственно монголов, выделенных Джучи, но в целом их число было невелико.

[46] *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.; Л., 1951, с. 76—77; *Он же.* Енисейская письменность тюрков. М.; Л., 1952, с. 84—90.

[47] *Султанов Т. И.* О терминах Ак-Орда, Кок-Орда и Йуз-Орда.— Известия АН КазССР. Серия общественная, 1972, № 3, с. 73—74.

Белой Орды на востоке, которая в данной группе источников восходит, вероятно, к «Анониму Искандара».

Без внимания осталось указание «Бахр ал-асрар» на то, что потомки Тука-Тимура носили титул «хан оғлы» 'ханыч', 'ханский сын'. Употребление в персоязычном тексте этого тюркского словосочетания-титула имело особый, глубокий смысл. Термин этот был таксоном вполне определенного уровня в иерархической номенклатуре Чингисидов в Дашт-и Кипчаке. Условно его можно передать титулом «принц». Автор «Бахр ал-асрар» хотел этим подчеркнуть, что ни Тука-Тимур, ни его потомки, по решению Чингиса и курултаев, не имели в Дашт-и Кипчаке прав на достоинство хана.

Если в Европе титул «принц» и подобные ему предполагали право на наследование трона государства или высокого титула отца или другого предка, то звание «хан оғлы» в данном случае указывает на то, что его носители таким правом как раз не обладали. Их наследственным уделом было положение «ханычей» без надежды стать верховным правителем.

Сам Тука-Тимур назван в «Бахр ал-асрар» ханом задним числом — ханом он не был. «Бахр ал-асрар» — сочинение аштарханидской, т. е. в конечном счете тукатимуридской историографии, что, возможно, и объясняет приписывание Тука-Тимуру того, чем в действительности он не обладал. И тем не менее сила воздействия мощной шайбанидской историографии на «тщедушную» тукатимуридскую была столь велика, что Махмуд ибн Вали, не сознавая, вероятно, своего промаха, говорит о поведении шайбанида Бахадура в Улусе Тука-Тимура как в собственных владениях.

Таким образом, передача значения Йуз-Орды как «основной, главной Орды» теряет доказательную силу.

Когда потомки Тука-Тимура возглавили Казахское ханство (ханства), слово *йүз/жүз* стало, по-видимому, его обозначением [48].

Заметим кстати, что употребление в названии *Йүз-Орда* слова يوز *йүз* 'сто' именно в такой графической

[48] А. Левшин писал: «Слово *Орда* киргиз-казаки выражают словом *Юз*, что в ближайшем переводе значит *сто*, или сотня, а потому говорят *Улу Юз*, большая сотня; *Урта Юз*, средняя сотня, и проч. Впрочем *Юз* имеет и другие значения в языке турецком». См. в кн.: *Левшин А.* Описание киргиз-кайсакских, или киргиз-казачьих орд и степей. СПб., 1832, ч. 2: Исторические известия, с. 65.

передаче, отражавшей реально-этимологическое звучание, снимает вопрос о возможности соотнесения названия *жуз* с арабским словом جز *джуз*, или جزو *джузв* 'часть' [49].

В заключение добавим, что числительное *йуз* 'сто', 'сотня', его производные и лексикализовавшиеся словосочетания, возникшие на его базе, равно как и ряд других числительных, довольно активно участвовали в формировании тюркской этнонимии, абстрактной номенклатуры структурно-иерархической терминологии родоплеменной организации тюрко-монгольских объединений, союзов, народов, общественно-политической и военно-административной терминологии.

1. *Йуз* 'сто', 'сотня'. Слово это прежде всего стало обозначением военно-тактической единицы — сотни, так же как и административно-хозяйственного подразделения, включавшего в себя сто хозяйств (юрт, дворов) или обязанного выставлять или содержать сто воинов. Корни этого явления уходят в глубокую древность и связаны с тем, что у тюрко-монгольских и других народов евразийских степей преобладали структуры, основанные на десятеричной системе.

Как переосмысление «сотни» в связи со складывавшимися родоплеменными структурами в конкретных обстоятельствах слово *сто (сотня)* переосмыслялось в собственное имя родоплеменного коллектива, т. е. становилось этнонимом. Племя или род *йуз (юз)* в этом и других фонетических вариантах обнаруживаются в истории ряда народов [50].

Особым путем семантического развития этого слова следует признать приобретение им значения составной части, на которые делился казахский народ, о чем упоминалось выше.

2. *Йўзлик* 'сотня'. У огузов-туркмен стало термином, обозначавшим один из уровней туркменской иерархии родоплеменной структуры. Абу-л-Гази сообщает: «У

[49] См.: [*Юдин В. П.*]. Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар. — В кн.: МИКХ, с. 328. Это мнение принял и Т. И. Султанов, см.: *Султанов Т. И.* О времени образования казахских жузов, с. 68.

[50] *Радлов В. В.* К вопросу об уйгурах. СПб., 1893, с. 128; *Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. — Живая старина. Год шестой. СПб., 1896, вып. 3—4, с. 343, 386, 390, 422—424, 427; *Султанов Т. И.* Кочевые племена Приаралья в XV—XVII вв.: (Вопросы этнической и социальной истории). М., 1982, с. 34.

Огуз-хана было двадцать четыре внука, которые родились у его шести сыновей от законных жен. Кун-хан посадил их по двое в отдельные палатки; они составили двенадцать [*бӧлӱков*]. Потомство, народившееся от этих двенадцати [*бӧлӱков*], назвали *йӱзлик*. Это потому, что лицевая (*jӱз*) часть всякой вещи лучше ее оборотной стороны, и, следовательно, йузлики это те, кто обращается к лицу (*jӱз*) иля и народа (*халқ*)» [51]. По поводу толкования, которое дал Абу-л-Гази в данном случае слову *йӱз*, А. Н. Кононов совершенно справедливо пишет, что «этот термин имеет прямую связь не со значением 'лицо', как полагает Абу-л-Гази, а со значением 'сто'...» [52].

3. *Йүзбегі* 'бек-сотник', 'бек, командовавший (или управлявший) сотней'. Известная должность (чин) в следующем восходящем ряду военных и общественно-административных званий: *онбегі* 'бек-десятник', *йүзбегі* 'бек-сотник', *қошунбегі* 'бек кошуна' *міңбегі* 'бек-тысяцкий', *түмәнбегі* 'бек тумана (тумена, тьмы)', 'бек-десятитысячник'. Имеется много других должностей-званий, в состав которых входит слово *бек*, например: *туғбегі* 'знаменный бек', *қушбегі* 'сокольничий' (существует также мнение, что последний термин следует правильно произносить как *қошбегі*, а переводить как 'квартирмейстер') и др.

В источниках, однако, встречается такое употребление термина «йузбеги», которое заставляет усомниться в том, что он всегда должен переводиться словами *бек-сотник* или синонимичными ему. Например, в тюркоязычном сочинении «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» встречаются такие выражения, как «йузбеги гор Огуз (Окуз) Кушчи-йузбеги» [53], или «Чакмак (Чикмак)-йузбеги» [54]. Значительность сана названных лиц, что вытекает из контекста, не позволяет принимать их за обычных сотников. По-видимому, истинное общественное, административное или военное положение этих лиц было иным и его еще предстоит выяснять. Известную параллель в изменении семантики слова *йузбеги* в приведенных примерах можно найти

---

[51] *Кононов А. Н.* Родословная туркмен: Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского. М.; Л., 1958, с. 52.

[52] Там же, с. 94. прим. 107.

[53] Таварих-и гузида-йи нусрат-наме. — В кн.: МИКХ, с. 31.

[54] Там же, с. 22, 29.

в изменении значения слова *онбеги* у туркмен, где оно стало обозначением начальника [55].

Из разбора значений слова *йуз* и его производных можно сделать вывод, что выявление его истинного значения, причин семантических сдвигов в каждом особом случае требует сугубо индивидуального подхода и совершенно конкретного текстологического и исторического анализа.

Подводя итог сказанному, приведем цитату из новейшей работы Ю. А. Зуева, который предпринял еще одну попытку продвинуться вперед в решении проблемы жузов: «Дискуссии, посвященной данному вопросу, отведено уже немало страниц в ученых изданиях, однако общего мнения на этот счет из-за отсутствия конкретных письменных свидетельств пока не достигнуто. По этой же причине большинство опытов реконструкции ранней истории жузов и их семантики основывается на отыскании более или менее созвучных фонетических параллелей слова *жуз* в исторических документах без привлечения контекста, поэтому заключения, сделанные таким путем, лишены научной доказательности» [56].

Действительно, новых свидетельств употребления в источниках термина *йуз/жуз* после выхода в свет работы В. В. Вельяминова-Зернова, от которой ведет свой отсчет Ю. А. Зуев, найдено не так уж много, но они есть и введены в научный обиход, например сведения об употреблении в источниках названия *Йуз-Орда*, которые мы приводим. Поэтому правомерным является утверждение, что в решении проблемы жузов наметился определенный сдвиг.

Что касается отыскания «более или менее созвучных фонетических параллелей слову *жуз* в исторических документах», то следует сказать, что специалисты ищут прежде всего не фонетические созвучия, а само слово *йуз/жуз* и ведут поиск сдвигов его семантики в сторону специфического казахского значения *жуз*. Но не пренебрегают

---

[55] *Бартольд В. В.* Очерк истории туркменского народа. — Соч. М., 1963, т. 1, ч. 1, с. 600, 610, 618; *Кононов А. Н.* Родословная туркмен, с. 67, 101.

[56] *Зуев Ю. А.* Историческая проекция казахских генеалогических преданий: (К вопросу о пережитках триальной организации у кочевых народов Центральной Азии). — В кн.: Казахстан в эпоху феодализма: (Проблемы этнополитической истории), с. 63.

они и фонетическими параллелями, исследуя их с соблюдением правил исторической фонетики и семасиологии. Работа Ю. А. Зуева может служить иллюстрацией применения такого, безусловно, правомерного, исследовательского приема.

Увлеченный собственными гипотезами и концепциями, часть которых вызывает интерес, Ю. А. Зуев, конечно же, несправедлив и неточен в утверждении, что в большинстве исследований проблемы жузов не привлекается контекст изучаемых источников.

Орды Большая, Средняя, Малая. В проблеме такого наименования орд выявляется несколько аспектов. Во-первых, почему они получали названия больших, средних, малых, т. е. каким было первоначальное значение этих детерминативов и каким стало впоследствии. Во-вторых, когда возникли эти названия. В-третьих, сколько их было в разных конкретных случаях.

Для выяснения этих вопросов, естественно, следует обратиться к более раннему времени, ко времени их возникновения. При этом выявляется, что все вышеназванные аспекты проблемы в их конкретных проявлениях могут быть удовлетворительно решены в рамках послемонгольского времени. С такими же вопросами сталкивается и исследователь более раннего времени, но в целом и в предмонгольское время они принципиально решаются так же, как и для времени после татаро-монгольских завоеваний.

Прежде всего нужно сказать, что слова *большая, средняя, малая (меньшая)* в приложении к ордам-ставкам и ордам-объединениям означают их иерархию в системе господства-подчинения в разных планах, но не по времени возникновения. С момента появления орд, или жузов, такая последовательность может иметь связь, но не причинную, а сопутствующую [57].

[57] В одной из своих публикаций мы допустили неточную формулировку: «...во взаимном расположении казахских жузов, видимо, зафиксирована последовательность распространения власти казахских ханов на территории Казахстана...». См.: *Юдин В. П.* [Рец. на кн.]: *Мугинов А. М.* Описание уйгурских рукописей Института народов Азии АН СССР. М., 1962. — Известия АН КазССР. Серия общественных наук, 1965, вып. 2, с. 82. Мы и сейчас полагаем, что, возможно, временное возникновение Старшего, Среднего и Младшего Жузов имело такую последовательность, но главным в том, почему они были названы Старшим, Средним и Младшим, было их властно-политическое ранжирование.

Например, главная, старшая ставка Чагатаидов в долине реки Или именовалась *Улуғ-Иф*[58] *(Улуғ-Әв)* 'Старшая Орда-Ставка', 'Старшая Юрта', 'Старший Дом'. Смысл этого названия в том, что это была главная ставка среди прочих ставок Чагатаидов. Имели ли ставки других Чагатаидов наименования средняя, младшая и т. п. или они назывались по имени возглавлявших их Чагатаидов, мы не знаем, да это и несущественно, так как главное в том, что Улуғ-Иф именовался так потому, что он главенствовал над ставками других Чагатаидов.

Большой Ордой называлась и ставка поздних ханов Золотой Орды. И в этом случае слово *большая* означало 'старшая', так как ханы, возглавлявшие эту ставку, претендовали на политическое старшинство в отношении других ставок-орд, которых стало много.

В 50-х гг. XVI в. распалась Ногайская Орда, кочевавшая на степных просторах от Волги до Иртыша. В результате выделились Большие Ногаи, Малые Ногаи (Казиев Улус), Алтыульские Ногаи (Улус Шести Сыновей<< *<алты ул;* по-русски его иногда называли *Улус Шти Братьев,* т. е. *Улус Шести Братьев)* [59], а позднее и другие ногайские орды. Это были две новые ногайские орды. Из них одна была старшей, другая — младшей. Еще одна имела особое название — Алтыульская, или Шести Братьев, иначе — Джембойлукская Орда. Большие Ногаи были по той причине Старшей Ногайской Ордой, что их правитель Мурза Исмаил был старшим по положению среди своих братьев — ногайских мурз, потомков Едыгея. Хотя и Малые Ногаи, и Алтыульский Улус, и другие были фактически независимыми ордами, тем не менее старшей среди них по своему рангу, хотя и номинально, была все-таки Большая Ногайская Орда.

Таким образом, из приведенных примеров явствует, что в тюрко-монгольском объединении могла быть всего лишь одна Большая/Старшая Орда при наличии призна-

[58] *Juvaini Ala-ad-Din Ata Malik.* The history of the World Conqueror, translated from the text of Mirza Muhammad Qazvini by John Andrew Boyle. Manchester University Press, 1958, v. 2, p. 504, 507, 536, 538, 563, 586, 612.

[59] *Сафаргалиев М. Г.* Ногайская Орда во второй половине XVI века. — В кн.: Сборник научных работ. Мордовский гос. пед. ин-т им. А. И. Полежаева. Саранск, 1949, с. 32—56; *Он же.* Распад Золотой Орды; Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках: (Сборник документов и материалов). Алма-Ата, 1961, с. 3, 13 и сл.

вавших ее верховенство других нескольких орд. Могли быть Большая/Старшая и Малая/Младшая Орды. Но могли быть и три орды — Большая/Старшая, Средняя и Малая/Меньшая/Младшая. Наличие трех орд, имеющих каким-то образом связывающие их имена, было лишь частным случаем структурной организации крупных кочевых объединений. Раскрытие организационной системы таких объединений может быть достигнуто лишь анализом разных по составу объединений, а не только трехсоставных. Верховенство одних орд признавалось другими, которые могли называться какими-то особыми именами, не обязательно отражавшими их иерархию. Что касается старшинства орд, то оно устанавливалось в соответствии с тюрко-монгольскими традициями, в основном по старшинству родственников из правящего рода, которое определялось порядком местничества, но иногда и по завещанию-распоряжению покойного верховного хана/кагана или бия, т. е. на основании тех принципов, которые пытался насадить Чингисхан, а также на основании тех, которые отстаивал, иногда в противоположность заветам Чингисхана, но авторитетом его имени, его «золотой» род.

Названия Большая, Средняя, Младшая Орды следует признать, безусловно, не зависящими от численности входивших в их состав людей. Фактическое положение дел противоречит такому допущению.

О времени появления в Дашт-и Кипчаке и причинах употребления слова *йуз/жуз* в качестве термина, обозначавшего ставку (или ставки) Тукатимуридов и, вероятно, группировку племен вокруг Йуз-Орды, мы говорили выше.

В дальнейшем, в связи с разделением жуза на три части, появились и дополняющие названия — Старший, Средний, Младший Жузы, по русским источникам — Большая, Средняя, Малая Казачьи Орды.

Мнение о древности деления казахского этноса на три жуза бытует в среде историков Казахстана достаточно давно [60]. Зиждилось оно на генеалогии казахских племен

[60] А. Левшин, например, писал: «Мы говорим здесь о разделении казакского народа *на три Орды*, не сказав, когда и каким образом произошло оное. К сожалению, происшествие сие остается для нас тайною; мы не имеем никаких источников для определения оного. Все, что мы знаем о нем, заключается только в предании народном,

и преданиях о ханах Хакк-Назаре, Тауке и других. Совсем недавно первым годом достоверного упоминания в источниках жузов назывался 1731 г.[61] Нам удалось установить, что таким годом может быть назван 1616 г.[62] С тех пор более ранней даты установить не удалось. Нам кажется, однако, что углубленное изучение источников непременно принесет положительные результаты. Вспомним, что *три жуза* (каз. *үш жүз*) в переводе означает 'триста'. Именно это число обыгрывается иногда в источниках, рассказывающих о казахах. Так, Бабур писал, что у казахского хана Касыма было триста тысяч войска[63]. В одном из персоязычных источников засвидетельствован приход казахского хана и 300 султанов в Среднюю Азию. Количество примеров можно увеличить. Полагаем, что среднеазиатские авторы осмысляли выражение *үш жүз* как 'триста', или 'три сотни' казахов. Разумеется, в источниках имеются указания и на иную численность казахов, действовавших в конкретных ситуациях. По-видимому, не все числа, содержащие в себе «три сотни», всегда отражали понятие «три жуза». И тем не менее встречающееся в источниках числительное *триста, три сотни* при упоминании о казахах иногда являлось, вероятно, своеобразным переводом-переосмыслением казахского понятия «үш жүз». На этом пути стоит вести поиск. Он может привести к открытию прямых известий о жузах до 1616 г.

Но сколько было жузов — два или три — в то время, когда началось деление единого жуза на отдельные жузы, если исходить из этой идеи?

которое говорит, будто бы один из сильных ханов казакских разделил весь свой народ между тремя сыновьями, и что удел старшего назван *Большею Ордою*; удел второго *среднею;* а удел младшего *меньшою*». Таким образом, здесь зафиксировано народное мнение, что названия орд-жузов зависят от возрастного ранга лиц, возглавивших их. См. в кн.: *Левшин А.* Описание киргиз-кайсакских, или киргиз-казачьих орд и степей. СПб., 1832, ч. 2: Исторические известия, с. 65.

[61] *Вострое В. В., Муканов М. С.* Родоплеменной состав и расселение казахов: (конец XIX — начало XX в.). Алма-Ата, 1968, с. 10.

[62] МИКХ, с. 243, прим. 17. Наше мнение принял и Т. И. Султанов: *Султанов Т. И.* О времени образования казахских жузов. — В кн.: Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XI годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР: (краткие сообщения и автоаннотации). М., 1975, т. 1, с. 69. *Он же.* Кочевые племена Приаралья в XV—XVII вв., с. 84.

[63] Бабур-наме: Записки Бабура. Ташкент, 1958, с. 22.

Заметим, однако, что существует противоположное мнение, которое высказал А. П. Чулошников, солидаризируясь с М. Красовским: он полагает, что не три жуза образовались в результате деления первоначально единого казахского народа, а единый казахский народ образовался из слившихся воедино трех ранее независимо существовавших частей, которые или прежде были жузами, или в новом едином народе стали его составными частями — жузами. При этом предполагается, что вначале объединились Старший и Средний Жузы и лишь некоторое время спустя к ним присоединился Младший[64]. Или мы неправильно понимаем А. П. Чулошникова, или следует полагать, что объединившиеся первоначально жузы, которые предусмотрительно приняли названия Старший и Средний Жузы, заранее «планировали» присоединить к себе какую-то группу племен, для которой «резервировали» название Младший Жуз. Такое предположение абсурдно по крайней мере в одном отношении: ведь первоначально объединившиеся две группы племен, естественно, должны были назвать себя Старшей и Младшей Ордами (Жузами). В противном случае мы должны приписать предводителям двух первых жузов такую прозорливость, которая подстать пророкам. Справедливости ради следует признать, что в рассуждениях А. П. Чулошникова мог быть совершен промах не по существу, а чисто словесного свойства. Действительно, вначале могли объединиться две группы племен, которые стали Старшим и Младшим Жузами, а затем к ним могла присоединиться третья группа, которая естественным образом получила название Среднего Жуза.

Однако такое предположение трудно принять. А. П. Чулошников считает, что образование союза трех жузов произошло при Хакк-Назар-хане, а тот был убит в 1580 г. Между тем первое упоминание Старшего Жуза относится к 1616 г. Если учесть существование в структуре казахского народа трех жузов, то, видимо, более естественным будет осторожности ради предположить (в свете вышеизложенных фактов возникновения племенных

---

[64] *Чулошников А. П.* Очерки по истории Казак-Киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Оренбург, 1924, ч. 1: Древнее время и средние века, с. 104, 135, 136, 256, 257.

объединений с названиями Старший и Младший), что в 1616 г. как минимум существовал уже и Младший Жуз. Между прочим, именно такую осторожность и проявляет Т. И. Султанов [65].

Сообщение о Старшем Жузе в 1616 г. имеет, однако, такой характер, что предполагать его недавнее возникновение трудно. Можно добавить, что когда писал А. П. Чулошников, это известие еще не было введено в научную литературу. Для А. П. Чулошникова временной разрыв между первым упоминанием жузов по известным в его время источникам (1731 г.) и данными преданий о Хакк-Назар-хане был слишком велик, и можно было предполагать, что в этом промежутке происходило множество любых событий. Для таких предположений в наше время хронологические возможности сузились до предела. И затем само обнаружение указания источника на существование в 1616 г. Старшего Жуза не является ли достаточно красноречивым предупреждением!?

После смерти в 1598 г. хана Таваккула казахским ханом стал его младший брат Есим. Одновременно с ним казахским ханом был некий Бахадур. В персоязычном сочинении «Та'рих-и Шайбани», которое идентично «Мусаххир ал-билад» Мухаммадйар бен Араб катагана, приведены сведения о том, что осенью 1603 г. Бахадур-хан совместно с Есимом боролся против ставленника каракалпаков в Туркестане лже-шайбанида Абд ал-Гаффар-султана и потерпел поражение. Абд ал-Гаффар овладел Туркестаном, Сайрамом, Ташкентом, Ахсикентом, Андуганом/Андижаном. Весной 1605 г. Бахадур и Есим внезапно напали на лже-Абд ал-Гаффара в Кара-Камыше под Ташкентом, Есим убил Абд ал-Гаффара, и казахи вновь овладели присырдарьинскими городами, Ташкентом и Ферганой [66]. В русских документах от 1617 г.

---

[65] *Султанов Т. И.* Кочевые племена Приаралья в XV—XVII вв., с. 84.

[66] Та'рих-и Шайбани. Рук. ИВ АН УзССР, № 1505, л. 65б; *Юдин В. П.* «Та'рих-и Шайбани» как источник по истории казахского и каракалпакского народов XVI—XVII вв. — В кн.: Тезисы докладов научной конференции профессорско-преподавательского состава, посвященной XXIV съезду КПСС. Мин-во высш. и сред. спец. образования КазССР, Казахский ордена Трудового Красного Знамени гос. ун-т им. С. М. Кирова. Алма-Ата, 1971, с. 155—157; *Абусеитова М. Х.* О ташкентском и ленинградском списках «Мусаххир ал-билад». — В кн.: Письменные памятники и проблемы истории

сообщается: «И Топинского государства люди им сказывали, что в Топинском государстве 2 царя: одному имя Ишим, а другому имя Баатырь... А говорят-де про те государства, что то прямая Казачья орда...» [67].

Также одновременно с Есимом и Бахадуром казахским ханом был Турсун-Мухаммад, который по «Бахр ал-асрар», около 1613/14 г. стал ханом в Ташкенте [68]. Более подробно об этих событиях рассказывает персоязычное стихотворное сочинение «Имамкули-хан-наме» («Имамкули-ханова книга») Сухайла, которое, вероятно, послужило источником для «Бахр ал-асрар». В «Имамкули-хановой книге» сообщается, что Турсун-Мухаммад оказал поддержку аштарханиду Имамкули-хану, в результате чего Есим и другие казахские владетели были разбиты, потеряли Фергану и некоторые присырдарьинские владения [69], а Есим со своими родственниками вынужден был уйти в Восточный Туркестан [70]. Появился он в Восточном Туркестане после смерти хана Могулии Шах Шуджа ад-Дин Ахмада, случившейся около 1617 г. [71], ушел же снова в Ташкент, пробыв в Восточном Туркестане около шести лет, т. е. примерно в 1623 г. [72] После возвращения Есим около 1628 г. убил Турсун-Мухаммада и вновь укрепился в присырдарьинских районах.

Также одновременно с Есимом казахским владетелем в Фергане был Абулай-султан. Русские документы назы-

---

культуры народов Востока. XIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР: (краткие сообщения). М., 1977, с. 70—74; *Она же.* «Мусаххир ал-билад» Мухаммад-Йар бен Араб Катагана как источник по истории Казахстана XVI века. — В кн.: Письменные памятники Востока: история, филология. М., 1979, с. 3—12.

[67] Материалы по истории русско-монгольских отношений: Русско-монгольские отношения. 1607—1636: Сборник документов. М., 1959, с. 57, 66 (далее — МИРМО).

[68] *Султанов Т. И.* Кочевые племена Приаралья в XV—XVII вв., с. 119.

[69] *Сухайла.* Имамкули-хан-наме. Рук. ИВ АН УзССР, № 89, л. 89а и сл.

[70] О Есим-хане в Восточном Туркестане см.: *Шах-Махмуд ибн мирза Фазил Чурас.* Хроника/Критический текст, перевод, комментарии, исследование и указатели О. Ф. Акимушкина. М., 1976, с. 202—204; Та'рих-и Кашгар. Рук. ЛО ИВ АН СССР, С 576, л. 79а—80а, 85а; В 2472, л. 100а—101б, 107б; МИКХ, с. 337, 339—345, 382—384, 414—415, 417—418.

[71] Та'рих-и Кашгар, С 576, л. 78а; В 2472, л. 99а; 1026 г. х.= 1617 г. н. э.

[72] *Махмуд бен Вали.* Бахр ал-асрар... — МИКХ, с. 345, 550.

вают его «савранским... Казацкие орды... царем Аблаханом»[73]. В данном случае он именуется Аблаханом потому, что именно так он титуловался населением Казахстана и Средней Азии. Русские же наделили его званием царя. Царский титул на Руси, как известно, присваивался татаро-монгольским ханам, а также ханам, правившим отдельными частями бывшей Монгольской империи, в том числе среднеазиатским и казахским ханам. Не позднее 1616 г. «бухарский царь Имямкули савранского царя Аблахана с его городов согнал, а побежал деи в Казацкую орду, а на его деи место посадил на Савране и на иных городах посаженика своего Турсана-царевича (т. е. Турсун-Мухаммад-хана. — *В. Ю.)*»[74]. В свете приведенных данных сомнений в том, что Абулай являлся ханом, быть не может. «Имамкули-хан-наме» Сухайла называет также казахскими ханами в первые два десятилетия XVII в. Али, Назара, Кучика...

Таким образом, в 10-х и 20-х гг. XVII в. у казахов одновременно были ханами Есим, Бахадур, Абулай, Турсун-Мухаммад, да кроме того ханами называются еще Али, Кучик, Назар[75]. Такое множество ханов, правивших одновременно, могло быть только в том случае, если казахский народ был разделен на несколько политических единиц. В политическом смысле в конце XVI—начале XVII в. казахский народ не был един. Поэтому неоправданными, во всяком случае неосторожными по отношению к этому времени являются такие высказывания, как «Казахское ханство», «узурпация власти», «верховный хан» и под. Положение усугубляется тем, что в источниках ханы нередко называются султанами, а султаны — ханами. Одним словом, ситуация была такова, что с большой долей уверенности можно говорить, что жузы существовали уже в конце XVI в. Следовательно, известия источников как будто подводят к выводу, что жузы действительно образовались примерно во время правления Хакк-Назара. Но и этот вывод признать окончательным трудно, если учесть, что Керей и Джанибек

[73] МИРМО, с. 45.

[74] Там же, с. 49.

[75] Сводку сведений о некоторых казахских ханах см. в кн.: *Султанов Т. И.* Кочевые племена Приаралья в XV—XVII вв., с. 111—121.

оба были ханами, Касым-хан оспаривал власть у Бурундук-хана и т. д.

Можно сказать, что историк имеет достаточно прочные основания утверждать, что в конце XVI в. жузы уже были, но, памятуя об этом, обязан продолжать поиск, так как вероятность обнаружения известий о более раннем существовании жузов стала очень высокой.

К сказанному добавим, что к настоящему времени накоплено столько данных по истории казахского народа XV—XVIII вв., что уже не может быть места взгляду на казахскую историю как на прерывистый процесс развития разрозненных групп казахов, а это совершенно уже подрывает основания, на которых возникли воззрения М. Красовского и А. П. Чулошникова.

Причина разделения казахского народа на три жуза, как мы вслед за В. В. Бартольдом и другими историками считаем, «диктовалась хозяйственно-экономическим районированием Казахстана, базирующемся на географо-климатических признаках»[76]. Мы полагаем, что общие экологические факторы, на которые наложились параметры социально-экономические и общественно-политические, обусловили появление жузов и, как следствие, более стабильное воспроизводство жизни.

Для более подробного ознакомления с разными точками зрения на время и причины возникновения жузов мы отсылаем читателя к известным обзорам проблемы[77].

Рассмотрение причин возникновения трех жузов определило появление новой гипотезы, которую ее автор обосновывает древней триальной системой организации кочевых союзов племен и народов: «Внешне институт триальной организации сходен с трехродовым союзом, или кольцевой связью племен, когда каждый род из трех выступает родом тестя по отношению к одному партнеру и родом зятя по отношению к другому. Однако здесь связь осуществляется только по отношению к каганскому, центральному роду со стороны двух других, брачащихся с

---

[76] *Юдин В. П.* [Рец. на кн.]: *Мугинов А. М.* Описание уйгурских рукописей..., с. 82.

[77] *Вяткин М.* Очерки истории Казахской ССР. М., 1941, т. 1: с древнейших времен до 1870 г., с. 97—102; *Востров В. В., Муканов М. С.* Родоплеменной состав и расселение казахов, с. 8—23; *Муканов М. С.* Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. Алма-Ата, 1974, с. 5—28.

ним, но автономных друг к другу. Эта система межродовых брачных связей, названная нами этническим триумвиратом, накладывалась на систему военно-тактической организации у древних кочевников Азии с обозначенным делением на левое крыло — центр — правое крыло.

Разумеется, нельзя проводить прямую параллель между известиями, восходящими к столь глубокой древности, и явлениями послемонгольской эпохи. Но нельзя и вовсе отрицать действия могущественного фактора традиции. В период создания казахской государственности, несомненно, выступавшей преемницей предшествовавших традиций, их консервативная сила материализовалась в виде триальной системы военно-племенной организации, хотя о ее содержании к этому времени напоминали лишь слабые реминисценции прежних социальных институтов» [78].

Скажем сразу, что мы считаем концепцию триальной организации племен в послемонгольский период искусственно сконструированной и надуманной. Да и существование ее в древности, в домонгольскую эпоху, считаем сомнительным и требующим доказательств системно-структурного характера на основе возможно более полного охвата конкретных фактов истории, говорящих «за» и «против», без какого-либо их выбора.

Проблема, поднятая Ю. А. Зуевым, достаточно серьезна. Это видно хотя бы из того, что его гипотеза уже используется в практике исследовательской работы. С ее помощью, например, пытаются объяснить трехсоставный характер казахской народности, т. е. происхождение и существование трех казахских жузов, В. В. Востров и М. С. Муканов. Хотя они и прибегают к оговоркам о невозможности прямых параллелей между явлениями этнической истории до- и послемонгольского времени, как и Ю. А. Зуев, тем не менее они приняли ее на вооружение также не будучи в состоянии найти аргументы в пользу реального существования триальной организации или хотя бы ее пережитков. Поэтому в качестве основной причины деления казахского народа на три жуза они все-

[78] Эта гипотеза была высказана Ю. А. Зуевым. См.: *Зуев Ю. А.* Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрков. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1967; *Он же.* Историческая проекция казахских генеалогических преданий, с. 67—68.

таки называют природно-экологический и хозяйственно-экономический факторы, действие которых было усилено причинами социальными и другими.

Поэтому позитивное или негативное, но правильное решение вопроса относительно гипотезы будет полезным для уяснения сути общественного строя кочевых тюрко-монгольских и других народов Евразии в древности и средневековье.

Во-первых, отметим, что никаких систем, традиций или реминисценций триальной организации племен в послемонгольское время мы в истории народов Дашт-и Кипчака не видим, так же как и сомневаемся в ее существовании во все предшествующие эпохи. Факты, долженствующие аргументировать триальную организацию, представляются нам в целом специально подобранными и особым образом истолкованными, вольно или невольно — это уже другое дело.

Во-вторых, для подтверждения существования института триальной организации Ю. А. Зуев приводит свыше десятка тюрко-монгольских «этнонимов с детерминантой *три*»[79]. Приведенная подборка производит довольно внушительное впечатление, но только потому, что рассматриваются лишь этнонимы, образованные при участии числительного *три*. Участвуют же в тюрко-монгольском этнонимообразовании и числительные *четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, тридцать, сорок, сто, тысяча, тӱмӓн* и другие. Некоторые из них в составе этнонимов встречаются не реже, чем *три*, а может быть и чаще. Чтобы установить это, достаточно обратиться хотя бы к известным работам Н. А. Аристова по родоплеменному составу тюркских народов[80]. Для того чтобы этнонимы с числительным *три* приобрели силу доказательства существования триальной организации, необходимо сплошное обследование тюрко-монгольской этнонимии, образованной с использованием числительных, с целью выявления ее системности и особого места этнонимов с

---

[79] *Зуев Ю. А.* Историческая проекция казахских генеалогических преданий, с. 65.

[80] См., напр.: *Бравин Н., Беляев И.* Указатель племенных имен к статье Н. А. Аристова «Заметки об этническом составе тюркских племен и сведения о их численности». — В кн.: Записки Императорского Русского Географического Общества по отделению этнографии. СПб., 1903, т. 28, вып. 2, с. 1—32.

числительным *три* в системе. Без такой предварительной работы можно, конечно, найти и триальную организацию и организации, основанные на числах «четыре», «пять» и т. д. Одним словом, список этнонимов с числительным *три* до проведения такого обследования не имеет доказательной силы.

В-третьих, видеть корни триальной организации племен в трехкомпонентной военной организации левое крыло — центр — правое крыло невозможно потому, что трехсоставная военная организация возникала только как построение войска во время военных кампаний. В мирное время такой организации не существовало — были левое и правое крылья этноса или объединения племен, но центра не было. Ханская или каганская ставка отнюдь не была равной по своему значению, количеству принадлежащих к ней людей и прочим признакам центру военно-тактического построения войск кочевников. Проекция военного строя на социальный строй в данном случае не корректна. Опровержение нашего утверждения требует убедительных доказательств существования центра, т. е. аргументированного исследования по поводу значимости центра в мирное время. Между тем Монгольская империя, как и другие степные образования в послемонгольское время, делилась на большее количество улусов, чем три. И ставок, равных по значению, было много, гораздо больше трех. В Монгольской империи были Улусы Джучи, Чагатая, Угедея, Тулуя, Хулагуидов в Иране и другие. Примерно такое же положение было и внутри улусов Монгольской империи, и внутри политических образований, возникших после ее распада.

В-четвертых, ответить на вопрос, почему существовало у «казахов деление на три жуза («три сотни») и соответствующее социально-иерархическое соотношение между ними: Улу (Большой, Старший), Орта (Средний) и Кши (Малый, Младший). Почему именно три (а не семь, как у эфталитов, и не восемь, как у киданей) и почему в такой последовательности: Большой — Средний — Малый», значит ответить, почему Ногайская Орда разделилась на Больших и Малых Ногаев, а также почему из Ногаев выделилась Алтыульская Орда, а в дальнейшем и другие, значит действительно ответить на вышепоставленный вопрос об эфталитах и киданях, а также о многих других народах и объединениях в том же Дашт-и Кипча-

ке. Почему, в самом деле, среди народов Дашт-и Кипчака именно казахи разделились на три части? Почему, если в данном случае действовала система (традиции, реминисценции), действие это не было универсальным и не охватило все тюркоязычные народы Дашт-и Кипчака? Полагаем, что все это имело место потому, что в конкретных условиях действовали конкретные причины, почему и результат был конкретным и специфическим. Разделение казахского народа на три жуза — лишь частный случай действия совокупности конкретно-исторических причин, что мы и пытались показать выше.

Полагаем, что ни традиционные идеологические системы, ни брачно-ритуальные традиции не лежат в основе выделения жузов. Во всяком случае влияния названных факторов на оформление структуры этносов евразийских степей в послемонгольское время обнаружить не удается. Считаем также, что деление кочевых коллективов на три, четыре и иное количество частей происходило прежде всего под давлением материальных условий жизни и лишь впоследствии получало идеологическое осмысление, точнее, мнимоидеологическое осмысление, которое в сознании людей приобретало права приоритета и исконности. Квази-идеологическому переосмыслению такого типа, как правило, сопутствовала народно-этимологическая, следовательно, ложно-этимологическая интерпретация или, по-другому, мнимоидеологическое обоснование становилось составляющей ложной народной этимологии. В наши дни излишний «интеллектуализм» некоторых исследований, настойчивый поиск обязательной «игры идей» за событиями давней и слабо обеспеченной источниковыми данными истории влечет за собой мену местами причин и следствий, невольное выведение базисных явлений из надстроечных.

Ю. А. Зуев считает, что «реально существенным в разрешении данной проблемы должен быть не поиск того или иного наименования, а выяснение исторической роли этнических компонентов в составе народа»[81]. Действительно, поиск наименований — не самоцель, на что уже неоднократно указывалось. Однако, чтобы выявить в источниках известия о тех или иных этнических компо-

[81] *Зуев Ю. А.* Историческая проекция казахских генеалогических преданий, с. 63.

нентах, нужно искать, а искать можно только по их названиям или, в случае переименования, по другим наименованиям или описательным «этнонимозаменителям» [82], т. е. отталкиваться в поиске все-таки от имен. Есть ли другая методика выявления в источниках конкретных известий о конкретном этническом коллективе!?

Что подразумевается под выяснением «исторической роли этнических компонентов»? Их роль в истории до образования народа (этноса)? Судя по работе Ю. А. Зуева, имеется в виду это. Но на какую временну́ю глубину? И если исследуется роль, скажем, найманов, аргынов, кипчаков, джалаиров, конратов, других компонентов в до- и послемонгольский периоды, то как быть с таким явлением, как множественность коллективов с такими наименованиями до их вхождения в казахский этнос? Иначе говоря, как выяснить, какая из нескольких групп, например, аргынов или найманов, известных нам по источникам, вошла затем в состав казахского народа? Из статьи Ю. А. Зуева не следует, что у ее автора на эти вопросы есть четкие ответы.

И, наконец, пожелание Ю. А. Зуева использовать для решения проблемы жузов казахские предания и легенды совпадает с общим мнением и опытом. Однако следует отметить, что, как правило, исследователи ищут и находят в устных источниках то, что подтверждает защищаемые ими тезисы, а то, что противоречит, обходят и не интерпретируют. Именно такова методика использования легенд и преданий в работах Ю. А. Зуева [83]. Но при таком подходе данными устных источников можно обосновать почти все. Мы хотим сказать, что необходима разработка научной методики использования известий преданий и легенд и не только известий, «подтверждающих» гипоте-

[82] *Зуев Ю. А.* Историческая проекция казахских генеалогических преданий, с. 77.

[83] Такую методику использования известий устных источников применил 150 лет тому назад А. Левшин: «Различие их (казахских преданий. — *В. Ю.*) в порядке рассказа, в хронологии событий, в родословии, в именах лиц и названиях мест так велико, и истинные происшествия затемнены столь многими выдумками, что принятием оных за основание мы обратили бы все сочинение сие в собрание исторических мечтаний. Избегая сей погрешности, мы будем иметь вышеизложенные предания в виду только для соображения и сравнения с известиями достовернейшими». См.: *Левшин А.* Описание киргиз-кайсакских, или киргиз-казачьих орд и степей. СПб., 1832, ч. 2: Исторические известия, с. 30—31.

зы, но и методики обязательного рассмотрения и опровержения противоречащих данных.

Мы привели лишь несколько напрашивающихся сами собой замечаний и возражений. Только убедительный ответ на эти и другие возможные возражения и вопросы позволил бы принять гипотезу Ю. А. Зуева в качестве полезного руководства в исследовательской работе.

Нашим убеждением является то, что решение некоторых аспектов проблемы жузов, все еще остающихся не до конца выясненными, возможно только на путях скрупулезного анализа конкретных данных источников различного характера и активного поиска и введения в научный обиход новых источников.

Мамаева, Ногайская, Крымская и другие Орды. Названия Мамаева Орда, Муратова Орда и многие подобные возникли по именам лиц, возглавлявших их фактически или номинально. Большинство их существовало недолго, до гибели возглавлявшего их лица. Люди такой орды обычно вливались в состав какой-либо другой орды.

Чтобы показать, как много неизвестного таится еще в истории Казахстана, в истории кочевых объединений и держав Восточного Дашт-и Кипчака, мы расскажем об Орде Тенгиз-Буги из племени кыйат. Тенгиз-Буга был сыном Джир-Кутлу, полновластного владетеля левого крыла Золотой Орды, который, по сведениям некоторых источников, был убит Урус-ханом. В свою очередь Джир-Кутлу был сыном Исатай кыйата. Последний в источниках известен под именем Иса-гурген, или Иса-курэкан. Он был могущественным временщиком золотоордынского Узбек-хана. За заслуги Узбек-хан пожаловал Исатай кыйату всех Джучидов, кроме Шайбанидов. Эти Джучиды составили особый кошун и находились при Исатай кыйате на положении рабов или крепостных. От Исатая они перешли к Джир-Кутлу, а от Джир-Кутлу — к Тенгиз-Буге.

По сведениям «Чингиз-наме», смутное время в Золотой Орде началось с воцарения Бердибек-хана (1357—1359).

В его время Кыйат Мамай увел часть людей Золотой Орды в Крым, а Кыйат Тенгиз-Буга — к низовьям Сырдарьи. Так появилась знаменитая Мамаева Орда и возникла не известная еще историкам Орда Тенгиз-Буги на территории Казахстана.

Тенгиз-Буга использовал Джучидов в качестве чернорабочих на строительстве мавзолея над могилой своего отца. Далее в «Чингиз-наме» следует авантюрный рассказ о перевороте, устроенном Джучидами. Кратко передаем его содержание.

Джучидам стало известно, что в орду-ставку Тенгиз-Буги приехал гонец. В орде состоялось совещание, на которое пригласили одного из Джучидов, по имени Кара-Ногай, или, кратко, Ногай. Другим его именем было *Алп-Атғучу-бахадур,* т. е. Великан-Стрелок-богатырь. Среди оставшихся Джучидов был некто по имени Букри-Ходжа-Ахмад, другим именем которого было *Сағышы-Артуқ-Сайчи-оғлан,* т. е. Мудрый-Сайчи-оглан. Этот Мудрый-Сайчи-оглан разъяснил остальным Джучидам ситуацию. По его словам, гонец привез известие о смерти Бердибек-хана. В связи с этим Тенгиз-Буга устроил совет. На этом совете Тенгиз-Буга и его приближенные убеждали Кара-Ногая в том, что провозгласят его ханом, если тот даст согласие на истребление всех Джучидов. Кара-Ногай якобы согласился.

Джучиды устроили засаду и схватили вышедшего из орды Тенгиз-Буги Кара-Ногая. Когда ему обещали, что Джучиды в свою очередь сделают Кара-Ногая ханом, он рассказал о совещании в орде, и его слова полностью совпали со словами Мудрого-Сайчи-оглана.

Джучиды решили устроить переворот и на следующий день удачно его осуществили, убив Тенгиз-Бугу. Ханом был провозглашен Кара-Ногай. «Оба они, сын Мангутая Хызр-хан и Кара-Ногай, в один месяц стали ханами. Хызр-хан стал ханом в Сарае на его [Саин-хана] троне, а Кара-Ногай — на берегу [реки] Сыр в левом крыле» [84].

«Три года правил Кара-Ногай на берегах Сыра...» [85]. После его смерти ханом стал его младший брат Туглы-Тимур. Неизвестно, сколько лет он был ханом, но после его смерти ханом якобы стал Урус, сын Бадык-оглана, т. е. Урус-хан, основатель династии казахских ханов.

Историчность лиц и событий этого рассказа подтверждается таким источником, как «Сборник летописей» Кадыр-Али-бий джалаира [86]. Имена Джучидов из этого

[84] *Утемиш-хаджи.* Чингиз-наме, л. 53а.

[85] Там же, л. 54а.

[86] *Кадыр-Али-бий джалаир.* Сборник летописей. Рук. Восточного отдела Научной библиотеки Казанского университета, шифр Т. 40

рассказа мы находим в родословных Джучидов, в разделе потомков Тука-Тимура.

Таким образом, Утемиш-хаджи сохранил для нас сведения об образовании на берегах Сырдарьи Орды Кыйата Тенгиз-Буги, о которой нам до сих пор ровным счетом ничего не было известно [87]. Если об Орде Кыйата Мамая известно очень много, то этим мы обязаны русским и некоторым другим источникам. Однако одновременно со смутным временем в Золотой Орде началось смутное время в Средней Азии, где оно закончилось с образованием государства Эмира Тимура. Поэтому среднеазиатские источники, т. е. основные источники по истории Казахстана рассматриваемого времени, сохранили крайне мало информации о событиях в степях Восточного Дашт-и Кипчака.

В годы смутного времени степи жили, оказывается, бурной жизнью. На смену Орде Тенгиз-Буги пришли времена правления ханов-джучидов из рода Тука-Тимура, но не той линии, из которой происходил Урус-хан. Имена некоторых из этих ханов нам известны и из других источников. Так, о Туглы-Тимуре (Туглук-Тимуре) мы знаем, что он был ханом, но в известных источниках он отождествляется с могулистанским ханом-чагатаидом Туглук-Тимуром. В разъяснении, которое дал Утемиш-хаджи к имени Туглы-Тимура на основании имевшегося на руках у хивинского шайбанида Дост-султана дафтара, т. е. письменного источника, говорится: «Этот Туглы-Тимур стал великим государем. Он повелевал Самаркандом и Бухарой» [88]. Следовательно, дафтар также отождествляет Туглы-Тимура «Чингиз-наме» с могулистанским ханом Туглук-Тимуром.

Между тем рассказ из «Чингиз-наме», являющийся разделом из степной устной историологии, не сообщает

(старые шифры: Т. 969; Т. 5028). Сведения о некоторых действующих лицах этого рассказа «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи см. в исследовании «Сборника летописей» Кадыр-Али-бий джалаира в кн.: *Усманов М. А.* Татарские исторические источники XVII—XVIII вв.: «Сборник летописей», «Дафтар-и Чингиз-наме», «Таварих-и Булгария», татарские шаджара. Изд-во Казанского ун-та, 1972, с. 33—96.

[87] Очень кратко эти события мы описали в сообщении: *Юдин В. П.* Об «узурпации» власти в Казахстане во 2-й половине XIV в. беком племени кыйат левого крыла Золотой Орды Тенгиз-Бугой. — Материалы итоговой научной конференции профессорско-преподавательского состава. Изд-во КазГУ, 1974, с. 6—7.

[88] Там же.

ничего о связях Туглы-Тимура и Туглук-Тимура могулистанского.

Мы вправе считать, что «Чингиз-наме» донесло до нас замечательный рассказ из предыстории казахских ханств, который историкам еще предстоит только проанализировать.

Такие орды, как Ногайская (Мангытская), Қазачья (Казахская), Қаракалпацкая, Қалматцкая (Калмакская) и другие, получали свои названия как результат процесса формирования новых этносов из кочевников Дашт-и Кипчака. Новые этносы складывались в основном из племен и родов так называемых кочевых узбеков. Последние же получили свое название от золотоордынского хана Узбека, одного из последних потомков Бату. Узбеками называлось население и Западного, и Восточного Дашт-и Кипчака, а не только кочевники Восточного Дашт-и Кипчака. Последнее мнение довольно широко распространено среди историков Казахстана и Средней Азии, но не соответствует действительности. Этноним *узбек* долее всего продержался именно в Восточном Дашт-и Кипчаке, но это не основание тем не менее относить его только к населению восточной части бывшего Улуса Джучидов.

По поводу происхождения названия узбеков и их орд существует дискуссия, которая возникла давно, продолжается сейчас и далека от завершения. Заметим, что в названии населения Дашт-и Кипчака «узбек» заложено любопытное явление, еще не получившее надлежащей оценки. В нем отразился процесс формирования огромного этноса на территории от Дуная до Иртыша. Сколь реален был этот процесс, до какого времени он продолжался и когда прервался, насколько далеко он зашел, какова была степень консолидации родов и племен, захватывал ли он широкие народные массы или получил отражение только в сознании господствующих слоев — это вопросы, все еще ждущие своего решения.

Несмотря на наличие определенных успехов в решении проблемы формирования большой даштикипчакской узбекской общности, ее исследование тормозилось заметным негативным отношением к самой ее постановке и значительными трудностями теоретического и практического, объективного и субъективного характера. Проблема же эта не является надуманной. Она вполне реальна

и сходна с проблемой формирования монгольской общности в процессе и после монгольских завоеваний в том смысле, в каком мы ее находим, например, в «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина и в сложении которой (в сознании ли авторов «Джами ат-таварих» или в действительности) участвовали не только монгольские, но и тюркские племена, быть может, последние в большей мере, чем собственно монгольские.

Такие же и сходные трудности существуют в изучении других орд, в названии которых присутствуют названия формировавшихся народностей. Решить вопрос о происхождении каждой из таких орд — это значит решить вопрос о сложении каждой из таких народностей. Многое на этом пути уже предпринято и достигнут большой конкретный результат, но масса частных и общих вопросов этой проблематики нуждается в доисследовании и даже в постановке.

Скажем лишь несколько слов о возникновении Казачьей Орды, т. е. в конечном счете о сложении казахской народности. О том, что казахи являются обособившейся частью большой даштикипчакской узбекской общности, уже писали. Из этого вытекает, что предыстория казахов — в истории так называемых кочевых узбеков Дашт-и Кипчака. Высказывалось мнение, что история казахов начинается не с откочевки Керея и Джанибека, а гораздо ранее. Если это так, то нужно искать не только причины, по которым казахи выделились из узбеков, но и те события, в которых это выразилось. Возможно, часть этих событий зафиксирована в вышеприведенном рассказе о Тенгиз-Буге и Джучидах.

Отметим один парадокс. Основатель династии казахских ханов Урус правил в то время, когда казахи не назывались еще казахами. Он правил узбеками. То же самое можно сказать и о некоторых его потомках. Лишь после откочевки Керея и Джанибека слово *қазақ* становится этнонимом, а казахские ханы оказываются действительно во главе казахов. Вскоре после этого слово *қазақ* распространяется в этом новом качестве на огромных просторах Восточного Дашт-и Кипчака и Семиречья. Произошло переименование узбеков Восточного Дашт-и Кипчака в казахов, сопровождавшееся некоторыми дополнительными процессами их этнической истории.

Таким образом, династия казахских ханов возникла

как бы раньше, чем сложилась казахская народность, если исходить из того, что превращение слова *қазақ* в этноним знаменовало сложение народности.

Если внешние контуры этого процесса уже ясны, то все-таки существует еще путаница и неуверенность относительно исходного значения слова *қазақ*, а также порожденные М. Красовским, А. П. Чулошниковым и другими сомнения в том, когда слово *қазақ* впервые превратилось в этноним.

По поводу исходного значения слова *қазақ* можно заметить следующее. Для того чтобы установить, какое значение имело слово *қазақ*, когда оно превратилось в этноним, не нужно знать всей его «семантической» истории. Чтобы прекратить дискуссию, достаточно знать, какое конкретно значение послужило семантической базой этнонима. А это значение установлено давно. Оно в обозначении лица, ведущего образ жизни *казака*, действующего в качестве *казака*, представляющего институт *казачества* у тюркских народов. Переводов этого слова предложено много. Можно сказать, что все эти переводы верны и в то же время неверны. Переводы правильно характеризуют какую-то сторону деятельности *казака*, оставляя нераскрытыми другие. Иными словами, слово *қазақ* непереводимо. Поэтому русские и восприняли его, не переводя.

Что касается того, для обозначения какого коллектива впервые было использовано слово *қазақ* в качестве этнонима, то можно сказать, что в наше время какие-либо колебания или сомнения по этому поводу уже неуместны. Таким коллективом были люди, сопровождавшие Керея и Джанибека в откочевке и присоединившиеся к ним в Семиречье несколько позднее. История превращения нарицательного имени *қазақ* в этноним начинается с прецедента этой откочевки.

Все другие случаи использования слова *қазақ* для обозначения отдельных лиц или групп кочевников Дашт-и Кипчака не обнаруживают его превращения в этноним. Таких случаев было множество до откочевки Керея и Джанибека и после нее. Даже используя цитаты из источников в этой статье по другим поводам, мы в двух случаях невольно привели свидетельства о тюркских коллективах *казаков*, но не *казахов*. Во-первых, это *казаки* в цитате из «Чингиз-наме», для которых Хызр-хан разло-

мал Золотую Юрту Узбек-хана. Во-вторых, это *казаки-шибаны* и *казаки-ногаи,* которые вместе с шайбанидом Иваком (Ибаком) напали на Белую вежу (Белую ордуставку) золотоордынского хана Ахмада в цитате из «Устюжского летописного свода». Примеры можно умножать и умножать. Но только откочевка Керея и Джанибека наполнила слово *қазақ* этническим содержанием. Говорят и пишут иногда, что нельзя переоценивать значение откочевки. Но нельзя и недооценивать. Хотя бы потому откочевка Керея и Джанибека имеет выдающееся значение в истории казахского народа, что именно она дала ему его имя. Но было ли это событие началом или венцом формирования народности или какой-то иной фазой процесса — это еще подлежит доисследованию, хотя априори или исходя из некоторых фактов можно полагать, что начальные этапы сложения собственно казахского этноса предшествовали принятию имени *қазақ*. Нельзя забывать, что на Востоке, в том числе отчасти и в евразийских степях, складывавшиеся и уже сложившиеся этносы типа народности веками обходились без обобщающего имени. Задача заключается в том, чтобы суметь увидеть в потоке фактов событийной истории признаки консолидации этносов, а не вовлекаться в эмоциональный диспут на основе общелогических или умозрительных посылок.

Таким образом, происхождение названия орды по этнониму непосредственно связано с происхождением народности (этноса), с обстоятельствами ее зарождения и оформления. В полной мере это видно и из истории названия Казачья Орда.

Что же касается названий таких орд, как Волжская, Заяицкая, Перекопская, Крымская, Залесская, Городецкая, Джембойлукская, то их возникновение связано с обособлением определенных кочевых коллективов на определенной территории и закреплением территорий за этими коллективами. Этимология таких названий прозрачна, и их проблема — это прежде всего проблема не названия, а причин и времени обособления и последующей судьбы орд — этнических коллективов.

Несколько слов скажем о Джембойлукской, иначе Алтыульской, Орде, или Орде Шти Братьев. Название *джембойлуки* может быть переведено, как 'люди, живущие по реке Эмба', где действительно находились кочевья

этой группы ногаев. Название *Джем-Бой,* или *Джем-Бойы* не одиноко, оно стоит в ряду значительного количества однотипных. Например, в «Шараф-наме-йи шахи» Хафиз Таныша река Сырдарья называется *Талаш-Бой* (или *Талаш Бойы*), т. е. 'Таласская река', или 'Река Талас'. Та же модель обнаруживается в названии *Узбой,* русла Амударьи, впадавшей в Каспийское море. Таких примеров немало. Везде в этих случаях слово *бой* имеет значение 'река' и является синонимом слов *дарйа, су, өзен* и других.

История названий орд по местам их кочевий — интересный объект исследования. Они возникали или только на тюркской почве, или только на русской, или заимствовались, обычно с какой-то перестройкой, из тюркских языков в русский. Были и обратные заимствования. Сама история названий таких орд — в значительной мере история отдельных тюркских коллективов, составлявших эти орды.

Интересно, что эти орды появлялись в результате разрушения тех, иногда гигантских, образований, которые возникали как следствие татаро-монгольских завоеваний и утверждения «мира по-монгольски», т. е. как результат политики и продолжение идеологии чингисизма. Справедливо утверждение, что распад Монгольской империи и Улусов Чингисидов — результат освободительной борьбы покоренных народов. Действительно, центробежные силы в Улусах Чингисидов, в частности в Улусе Джучидов, были неодолимы. Социально-экономические, демографо-экологические и другие факторы ломали «Чингисово наследие». Однако в самом этом процессе заложен парадокс. Против «Чингисова наследия», т. е. против чингисизма, кочевые народы Дашт-и Кипчака, да и многих других регионов, во главе которых стояли все те же Чингисиды, должны были бороться и боролись методами и средствами чингисизма, о чем говорилось выше. Разрушая Улус Джучидов, Джучиды обосновывали свои права, и прежде всего свое право устранения других Джучидов, интересами рода Джучидов, «разделом Чингисхана», следовательно самим чингисизмом. «Чингисизм против чингисизма» — вот одна из форм проявления освободительной борьбы тюркских народов против монгольского засилья и ига. После тюркизации монголов и Джучидов в Дашт-и Кипчаке это была уже не собст-

венно борьба против монголов, а борьба против установлений чингисизма. Да и почти любая другая, социальная и политическая борьба, вызывавшаяся объективным ходом исторического развития, проходила под лозунгами античингисизма, но и во имя чингисизма. Так продолжалось до тех пор, пока во главе орд-держав стояли Чингисиды и те господствующие слои, которые в своей практической деятельности руководствовались чингисизмом.

Поучительна в этой связи история Едыгея, фактического основателя Ногайской Орды. Продолжая политику Золотой Орды в отношении Руси и других покоренных стран и народов, он действовал на основании установлений чингисизма и ради его восстановления и укрепления. Добиваясь политической самостоятельности и единовластия в Золотой Орде, он боролся против Джучидов, и это была борьба против чингисизма.

В борьбе против Чингисидов и чингисизма Едыгей и его потомки прибегли к испытанному средству. Они сфабриковали легенду о происхождении Едыгея от первых деятелей ислама. Тем самым Едыгей и его потомки получили статус саййидов, или ходжей. В связи с тем, что Едыгей настойчиво насаждал ислам в степях, можно сказать, что в борьбе против чингисизма он использовал и эту конфессию и тем самым повышал свой авторитет — авторитет мнимого саййида.

Однако в его эпоху еще не пришло время искоренения чингисизма. Сам Едыгей правил от имени подставных ханов-Джучидов. Это показывало, что чингисизм в степях был еще мощной силой. В источниках о Едыгее, его потомках говорилось, что были *бірі — хан, бірі — бій* 'один — хан, другой — бий'. И в это крылатое выражение вкладывался тот смысл, что хан был политическим фасадом, подставной, декоративной фигурой, а бий решал практические дела, был выразителем реальной власти.

Хотя Едыгей часто менял ханов, не считался с ними и немало их уничтожил, тем не менее он еще не мог отказаться от института ханской власти. Такое положение сохранялось и при нескольких поколениях его преемников — биях Ногайской Орды. С течением времени потомки Едыгея все-таки преодолели традицию и отказались от использования подставных ханов, т. е. решились и сумели преодолеть чингисизм.

Но не только в этом отношении Едыгей покусился на

прерогативы «золотого» рода Чингисхана. Он заложил основы уничтожения политико-правовой системы чингисизма в степях. Древний термин «бий» и новые титулы «нурадин», «кейкобад» (кейковат), «тайбуға» стали терминологическим выражением ее крушения.

Собственные решения Едыгея по разным случаям стали прецедентом, на котором зиждилось обычное право ногаев, да и некоторых других кочевых народов. «Право Едыгея» и «право Едыгеидов» были аналогом Ясы Чингисхана, яс других чингисидов, да и прецедентов кодифицирования обычного права домонгольской эпохи.

Показательно происхождение вышеназванных терминов. «Нурадин» — это *Нур ад-Дин,* в народном произношении *Нурадин,* имя сына Едыгея, ставшее названием должности-титула наследника бия Ногайской Орды. «Кейковат» — также имя сына Едыгея, ставшее названием должности-титула второго после нурадина лица в Ногайской Орде. «Тайбуга» — имя бия Тай-Буги, сыгравшего значительную роль в истории Улуса Джучидов. Титул «хан» ушел из Ногайской Орды, а на его месте возродился старый степной титул «бий», которым стал называться носитель верховной власти у ногаев. Русские передавали его словом 'князь'.

Казалось бы, произошла демократизация общественного строя ногаев. Но это было не так. Сущность власти Едыгея и его потомков аналогична сущности власти Чингиса до провозглашения его ханом (каганом). В Ногайской Орде, таким образом, обнаружилось движение вспять, к более архаичным формам организации власти. Причины — в истории Золотой Орды и самих ногаев. Ногайская Орда по сравнению с Золотой Ордой была более отсталым образованием. В ней, например, почти не было городов. В сознании господствующих слоев ногайского общества эти перемены отразились превратным образом, они осознавались как возврат к «золотому веку степной вольницы», как восстановление основ родоплеменного строя, «нарушенных» предшествующими этапами исторического развития, протекавшими под знаком чингисизма. В действительности, однако, эти явления знаменовали возврат к более консервативным социально-экономическим отношениям, отношениям господства-подчинения, устраивавшим ту часть господствующих слоев, которая ориентировалась на кочевой образ жизни в сте-

пях и была противницей городской ориентации. Ногайская Орда была самым «кочевым» из кочевых образований Дашт-и Кипчака. Идеологическое выражение последняя традиция получила в эпосе так называемого «ногайлинского» цикла.

Введение вышеупоминавшихся терминов не было словесной игрой. В формировании этой терминологической системы отразились процессы долгой борьбы против чингисизма, его поражения и формирования новой идеологии, на основе коренных идейно-психологических сдвигов в сознании ногайского общества. Эту новую идеологию и мировоззрение можно назвать «едыгеизмом». Это был очередной степной идеологический и мировоззренческий переворот типа все того же «чингисизма» или «огузизма».

Сказанное не означает, что это явление было положительным. Все суждения советских историков о реакционном характере исторической деятельности Едыгея целиком приложимы и к «едыгеизму». «Едыгеизм», как и практические результаты деятельности Едыгея и его потомков в степях и за их пределами, отнюдь не были движением вперед по пути прогресса. Деятельность Едыгея, а вместе с тем, следовательно, и деятельность его потомков и продолжателей его идей — едыгеизма получили принципиальную оценку в партийных документах [89].

* * *

Отталкиваясь от рассмотрения этимологий названий орд и некоторых аспектов их истории, мы хотели показать, что возникновение, развитие и исчезновение таких орд — это не просто история бесконечных и бессмысленных войн, растрачивавших людские, материальные и культурные ресурсы, но и история родов, племен, этносов, история с закономерностями, общими для всех народов, но в то же время и конкретная, специфическая. Часть этих этносов продолжает существовать в народностях и нациях нашей страны. Это была история людей!

[89] Постановление ЦК ВКП(б) о состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации. 9 августа 1944 г. — В кн.: Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1971, т. 6: 1941—1954, с. 113—120.

Мы хотели также показать, что за внешней стороной истории степных народов находится внутренняя, история идеологии и мировоззрения. Если степные идеологические и мировоззренческие перевороты и были стадиально однотипными явлениями, то каждый из них был все-таки конкретным и своеобразным. Изучение этой «внутренней» истории поможет более глубоко понять смысл исторического прошлого бывших кочевников, понять изменения материального порядка, сопровождавшиеся этапом перестройки духовного порядка.

Одновременно на примерах из истории отдельных орд мы хотели показать и некоторые специфические и конкретные особенности протекания общего исторического процесса в степях.

М. Х. АБУСЕИТОВА

ИЗ ИСТОРИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ КАЗАХСКОГО ХАНСТВА С СОСЕДНИМИ ГОСУДАРСТВАМИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.

Вторая половина XVI в. занимает особое место в истории Казахстана, Средней Азии и ознаменована усилением центростремительных тенденций, которые привели к созданию мощных феодальных государств — Сефевидов (в Иране), Шайбанидов (в Средней Азии), Великих Моголов (в Северной Индии).

В статье рассматриваются некоторые особенности внешнеполитической истории Казахского ханства второй половины XVI в. До настоящего времени исследователи не дали обстоятельного анализа тех событий.

История взаимоотношений казахов с соседними государствами представлена разрозненными и отрывочными сведениями, разбросанными по сочинениям тюркских, персидских, русских и западноевропейских историков, путешественников, дипломатов. Хотя эти сведения фрагментарны, тем не менее они дают возможность реконструировать сложный, калейдоскопический процесс поли-

тической жизни южных, восточных, западных и северных районов Казахского ханства и их неразрывной связи с историей Средней Азии, Восточного Туркестана, Джунгарии и других соседних стран.

Ко второй половине XVI в. Казахское ханство переживало сильное ослабление в связи с бесконечными войнами, междоусобицами, но в период правления Хакк-Назар-хана оно достигло некоторого подъема во внутренней и внешнеполитической жизни, который впоследствии вновь сменился спадом.

С конца 50-х гг. XVI в. Казахское ханство представляло серьезную угрозу для ногаев, сибирского хана Кучума и для среднеазиатских ханств[1]. Так, английский купец Дженкинсон, посетивший в 1558—1559 гг. Среднюю Азию, упоминает о «кассаках магометовой веры» как о весьма сильном и многочисленном народе[2]. Он сообщает, что перед его приездом казахи уже три года теснили Ташкент и своими нападениями препятствовали свободному ходу караванов. Это были отряды Хакк-Назар-хана, державшие в это время Ташкент под постоянной угрозой; Хасан-бек Румлу в «Ахсан ат-таварих» также сообщает, что после смерти Барак-хана (Науруз-Ахмад-хана) в 963/1556 г. Хакк-Назар совершил набег на Ташкент[3]. Имеются также сведения ногайских князей, которые свидетельствуют об отпадении отдельных улусов от Ногайской орды и присоединении их к казахам. Так, в 1557 г. ногайский князь Исмаил жаловался царю Ивану IV: «Да племянники ж мои от нас отстали ныне за Яиком, и приложилися к козацкому царю, со мною завоевалижся, да надо много времени ищут»[4]. Как из-

---

[1] *Перетяткович Г.* Поволжье в XV—XVI веках. М., 1877; *Чулошников А. П.* Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Оренбург, 1924, ч. 1, с. 135; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. М.; Л., 1937, т. 1; *Сафаргалиев М. Г.* Ногайская орда во второй половине XVI века. — Сб. науч. работ Мордовск. гос. пед. ин-та. Саранск, 1949, вып. 1.

[2] Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1937, с. 185.

[3] *Хасан-бек Румлу.* Ахсан ат-таварих. Рук. ГПБ, каталог Б. А. Дорна, № 287, л. 38а. В этом же сочинении имеется любопытное и самое раннее известие о Хакк-Назаре и его сражении с туркменами под Пул-и Хатун в 955/1548—1549 г.

[4] Продолжение древней российской вивлиофики. СПб., 1795, ч. 9, с. 283.

вестно, в это время между мурзами Ногайской орды происходила внутренняя борьба. Среди ногаев возникли две партии, из которых одна являлась сторонницей Москвы, а другая ориентировалась на Среднюю Азию. Представители последней партии группировались главным образом в восточной части Ногайской орды на Яике и на восток от него[5]. В основе этой борьбы между названными партиями лежали причины экономического характера, именно хозяйственное тяготение к Москве западной части ногайских улусов и тесная торговая связь со Средней Азией их восточной территории. Потерпев неудачу в борьбе с московской партией, противники ее всегда имели возможность переместиться со своими улусами на восток, в казахские степи, как это случилось в 1557 г. В записках о своих путешествиях Дженкинсон сообщает некоторые подробности о жизни ногайских улусов. Так, из-за междоусобных войн все ногаи доведены были до крайней степени разорения, следствием чего явились голод и повальные болезни, от которых погибло около 100 тысяч человек[6]. Несмотря на обилие хороших пастбищ, страна, через которую проезжал Дженкинсон, казалась ему необитаемой. В 1569 г. Семен Мальцев, посол к ногайским мурзам от царя Ивана IV, сообщал, что «казацкие орды Ак-Назара царя, Шигая царевича и Челыма царевича, а с ним 20 царевичей приход был в Ногаи и бой был»[7].

В это же время велась борьба с сибирским царем Кучумом, которая не всегда была удачна для Хакк-Назара, но и для Кучума Хакк-Назар-хан представлялся весьма серьезным противником. По крайней мере в беседе с послом московского царя Иваном Поздеевым Кучум высказывался о своей власти весьма неуверенно: «...ныне деи дань сбираю Господарю вашему царя и великому князю послов пошлю, а нынеча деи мне война с казацким

---

[5] *Иванов П. П.* Очерк истории каракалпаков: Труды Института востоковедения АН СССР. М.; Л., 1935, т. 7, с. 28.

[6] *Дженкинсон А.* Путешествие в Среднюю Азию в 1558—1560 гг. — В кн.: Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1937, с. 185.

[7] Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Сб. 1: V в. до н. э. — XVIII в. н. э./Под ред. С. Д. Асфендиарова и проф. И. А. Кунте. Москва; Алма-Ата, 1935, с. 93.

царем, и одолеет деи меня царь казацкий и сядет на Сибири, ино и тот Господарю дань учнет не давати»[8].

В башкирских преданиях сообщается, что Хакк-Назару были подчинены и башкиры. Так, П. И. Рычков, основываясь на этом источнике, писал: «Сей Акназар, учинившись ханом, в великое усилование пришел и владел не только одними теми ногайцами и Башкириею, но сверх того Казанское, Сибирское и Астраханское царство, Бухарию, Хиву, Ташкент и другие многие города под власть свою покорил и дань с них собирал... В башкирском же народе до того Акназар-хана владели зауральскими сибирский Кучум-хан, бельскими и яицкими, т. е. по реке Белой и Яику жившим, казанские; а горскими, ногайские ханы, которых потом означенный Акназар-хан всех один в своей власти имел; и усмотра их непостоянства и разные воровства, всячески их изнурял, и в бессилие приводил; ибо на три двора по одному токмо котлу иметь допущал, и скот и пожитки, так и детей их к себе отбирал, и землями владеть також и через реку Белую переходить не допущал, а кои звероловством промышляли, принуждены были платить ему за это ясак с каждого человека по лисице, бобру и кунице, от чего наконец пришли они в самое крайнее истощение и убожество»[9].

Особенно упорная борьба развернулась в 1560 г. в Могулистане. В середине XVI в. казахи занимали не только среднее течение Сырдарьи, но и кочевье в Могулистане. Стремление Абд ар-Рашид-хана вытеснить казахов из Могулистана и послужило причиной борьбы. Описание этих событий содержится в «Хронике» Чораса. Как сообщает Шах Махмуд Чорас, Абд ал-Латиф-султану, сыну Абд ар-Рашид-хана, удалось нанести поражение Хакк-Назар-хану и захватить много добычи и пленников. Но вскоре Хакк-Назар соединенными силами казахов и киргизов разбил могулистанское войско, при этом погиб Абд ал-Латиф-султан. Тогда против казахов с большим войском двинулся Абд ар-Рашид-хан. Хакк-Назар-хан на Эмиле был разбит могулистанским ханом[10]. Далее как

---

[8] *Чулошников А. П.* Очерки по истории казак-киргизского народа..., с. 137.

[9] *Рычков П. И.* История Оренбургская. Оренбург, 1896, с. 69.

[10] *Шах Махмуд ибн Мирза Фазил Чурас.* Хроника/Крит. текст, пер., комментарии, исследование и указ. О. Ф. Акимушкина. М., 1976, с. 156; *Акимушкин О. Ф.* К вопросу о внешнеполитических

раз следует ошибочное, по всей вероятности, утверждение Чораса о гибели в этом сражении Хакк-Назара, который на самом деле, видимо, отступил из Могулистана в район Сарысу. Отметим, что при Хакк-Назар-хане казахско-могульские отношения были напряженными и очень часто могульские ханы получали перевес в этой борьбе. Однако при Таваккул-хане налаживаются союзные отношения казахских ханов с Чагатаидами Могулии. В связи с этим любопытно упоминание Шах Махмуда Чораса об участии Таваккул-хана в политических делах Могульского государства в Чалыше и Турфане, где «позиция Таваккул-хана была определяющей в решении вопроса, кому быть на троне этого владения» [11].

Несмотря на то что в начале второй половины XVI в. Казахское ханство представляло собой определенную политическую и военную силу, тем не менее к концу XVI в. оно испытывало значительные трудности и было потеснено своими соседями (калмыками, ногаями, узбеками и др.) в районы Семиречья, южнее линии Сарысу. Однако при всей очевидности этого события оно не привлекло внимания историков и совершенно не было исследовано. Можно согласиться с тем, что Казахское ханство было сильным и способным наносить своим врагам очень ощутимые удары, что соседи не могли не считаться с казахским союзом, но следует признать и то, что в конце XVI столетия казахские ханы и султаны терпели неудачи и сдавали свои позиции.

После присоединения к России в 1552 г. Казани, в 1556 г. — Астрахани под власть Русского государства перешел весь бассейн Волги. В течение XVI в. к России были присоединены башкиры, Сибирское ханство. Последствием этого явилось то, что ногайские орды отступили на юг и восток. Во второй половине XVI и в XVII в. их кочевья простирались от Волги до Иртыша [12]. Потеснили их также нахлынувшие в казахские степи башкиры и сибирские татары, которые теснили их еще и прежде при-

связях Могольского государства с узбеками и казахами в 30-х годах XVI в. — 60-х годах XVII в. — Палестинский сборник. Л., 1970, вып. 21(84): Ближний Восток и Иран, с. 241—242.

[11] *Юдин В. П.* Вступительная статья к «Тарих-и Шах Махмуд бен Мирза Фазил чорас». — Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков. Алма-Ата, 1969, с. 377.

[12] *Сафаргалиев М. Г.* Ногайская орда во второй половине XVI века, с. 33, 51. 53, 54.

соединения Башкирии и Сибирского ханства к Русскому государству. Известно, что в конце XVI в. Абдаллах-хан II состоял в союзе с Кучумом, и эти два хана координировали свои действия против Казахского ханства. При непосредственном участии Абдаллаха Кучум стремился путем распространения ислама среди своих подданных создать для себя идеологическую опору и тем самым укрепить свою власть [13]. Из документов о казахско-русских отношениях следует, что в это время союз Абдаллаха с Кучумом представлял серьезную угрозу, и поэтому в переговорах с Московским правительством в 1594—1595 гг. казахский хан Таваккул стремился установить военный союз с Россией для борьбы с противниками. Но по целому ряду причин этот союз не состоялся. Тем не менее Казахское ханство подвергалось все более частым нападениям со стороны соседних государств. «Уже в конце XVI столетия киргизы (казахи. — *М. А.*) оказались в непосредственном соседстве с русскими и в то же время окруженными кольцом враждебных им кочевых народов: с запада и северо-запада — башкирами, калмыками и ногайцами, с востока — джунгарами (дзюнгарами), с юга — тюркскими народами Хивы, Бухары, Кокана и др.» [14].

Многие источники подтверждают, что в конце XVI в. казахские степи были заняты ногаями. В 1604 г. глава Больших ногаев Иштерек сообщал астраханскому воеводе Степану Годунову: «Как Исмаил убил Юсуфа князя (потомок Едигея, старший бий ногаев, убит в 1555 г. — *М. А.*) и Смаил князь с мурзами и улусными людьми учал кочевать по Яику и за Яиком, по Иргизе и по Сыр реку...» [15]. В 1582 г. шайбанид Абдаллах-хан II в погоне за правителем Ташкента и Туркестана Баба-султаном, сыном Барак (Науруз-Ахмад)-хана (который спасся бегством к мангытам, т. е. ногаям), отправился на север со среднего течения Сырдарьи, из района городов Йассы, Саурана, Сыгнака, пересек реку Сарысу, дошел до гор Улугтаг, т. е. Улутау, и прошел вдоль них на север, но при этом он нигде не встретил казахов. Часть казахских

[13] *Зияев Х.* Средняя Азия и Сибирь: (вторая половина XVI—XIX вв.). Ташкент, 1962, с. 84.

[14] *Румянцев П. П.* Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб., 1910, с. 13.

[15] ЦГАДА (Центральный государственный архив древних актов). Ногайские дела за 1604 г., № 5, л. 93.

племен в это время находилась в его подданстве. Они входили в состав войска Абдаллах-хана II и во главе с ханом Шигаем и его сыном султаном Таваккулом приняли участие в этом походе. Маршрут похода в земли мангытов говорит сам за себя — по «Шараф-наме-йи шахи» — это Центральный Казахстан. И действительно, войска Абдаллаха искали мангытов в этом районе, к северо-востоку от Аральского моря, около озера Аккуль и некоторых находившихся там же пунктов [16]. Именно здесь они обнаружили отдельные группы сторонников Баба-султана, которые ушли, как сообщается в «Шараф-наме-йи шахи», к мангытам. К югу от Сарысу фиксирует расположение Казахского ханства с 60-х гг. XVI в. и до 20-х гг. XVIII в. С. Е. Толыбеков на своей карте [17]. На этой карте указано также, что Казахское ханство несколько выходило за Сарысу к северу и северо-востоку от Аральского моря. В этом факте, вероятно, нашло отражение положение Казахского ханства, засвидетельствованное в «Книге Большому Чертежу»: «В Синее море с востоку пала река Сыр, а в Сыр реку пала река Кендерлик, а река Кендерлик вытекла из Улутовои горы двема протоки. А от горы Кендерлика реки протоку 330 верст; а другая река Кендерлик из тое же горы пала в реку Сарсу.

А река Сарса пала в озеро, не дошед до Сыра реки, от усть реки Кендерлика 150 верст, а от Карачатовои горы за 70 верст; а вдоль Карачатовои горы 250 верст; а от Сыра реки та гора 80 верст. А от усть реки Кендерлика 150 верст, с левые стороны реки Сыра, город Саук, и озера Анколь, и по обе стороны реки Зеленчика, и реки Кендерлика, и реки Сарсы, и песков Каракум, на тех местах, на 600 верстах, кочевье Казацкие орды» [18].

Во второй половине XVI в. в Центральном Казахстане и в низовьях Сырдарьи появляются каракалпаки. В предании, относящемся к этому времени, говорится, что 40 представителей каракалпакских родов «по решению Совета стариков» обратились к казахскому хану Тевеккелю с просьбой выделить для каракалпаков, не имевших своих

[16] Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков, с. 269—300.

[17] *Толыбеков С. Е.* Кочевое общество казахов в XVII — начале XX века. Алма-Ата, 1971, с. 241.

[18] Книга Большому Чертежу/Подготовка к печати и редакции К. Н. Сербиной. М.; Л., 1950, с. 95.

угодий, земли в урочище Улутау. Тевеккель исполнил эту просьбу, прислав, однако, каракалпакам в правители своего сына. Когда же каракалпаки через несколько лет убили казахского хана-правителя, Тевеккель отобрал у них дарованные земельные угодья и каракалпаки разбрелись в различные стороны»[19]. Из этого предания следует, что какое-то время каракалпаки находились в зависимости от казахских ханов и султанов. Нам почти ничего не известно о внешнеполитической истории каракалпаков, но из источников мы знаем, что в конце XVI и в самом начале XVII в. каракалпаки на время завладели бассейном Сырдарьи и Ташкентом и оттеснили казахов. Так, в «Мусаххир ал-билад» сообщается, что «после смерти Абдаллах-хана и Абд ал-Мумин-хана каракалпакский народ в Туркестане нарек Абд ал-Гаффаром человека, имевшего некоторое сходство с султаном Абд ал-Гаффаром, и посадил его на престол правления. Бахадур-хан и Ишим-хан, и казахские султаны, прибыв с войском из Ташкента и Сайрама, двенадцать дней сражались с Абд ал-Гаффар-султаном. На тринадцатый день казахи потерпели поражение, а Абд ал-Гаффар захватил в свои руки вилайет Туркестан и Сайрам, и Ташкент, и Ахсыкент, и Андиган и сделал столицей Ташкент. В 1012 году, соответствующем году барса, осенью, он выступил. В 1013 году, соответствующем году зайца, весной, он оставил Ташкент и разбил шатер на поляне Кара-Камыш, находившейся в полфарсахе от ворот [города]. Бахадур-хан и Ишим-хан подошли из Алатага к Ташкенту с большим числом мужей с целью [нападения] на Абд ал-Гаффара, захватив одного человека, они расспросили у него об обстоятельствах Абд ал-Гаффара, и он рассказал обо всем. После того они спешно поскакали и на рассвете нагрянули на его шатер в Кара-Камыше. Абд ал-Гаффар спал. От конского топота он проснулся и в испуге выбежал из шатра. В тот миг появился Ишим-хан и громадной саблей пронзил ему брюхо»[20]. Видимо, в конце XVI — начале

[19] Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955, с. 105.

[20] *Мухаммадйар бен Араб Катаган.* Мусаххир ал-билад. — ЛО ИВ АН СССР, рук. С 465/574, л. 99б; ИВ АН УзССР, № 1505, л. 65б; *Юдин В. П.* «Тарих-и шайбани» как источник по истории казахского и каракалпакского народов XVI—XVII вв.: Тезисы докл. науч. конф., посвященной XXIV съезду КПСС. Алма-Ата, 1971, с. 156—157.

XVII в. каракалпаки были активны в своих внешнеполитических акциях. В «Тазкира-йи Муким-хани» Мухаммад Юсуф мунши повествуется о восстании каракалпаков, казахов против бухарского хана Баки-Мухаммада (1599—1605) [21], а также сообщается о нескольких набегах каракалпаков на окрестности Бухары.

Необходимо отметить также, что во второй половине XVI в. оседло-земледельческие районы с городами Отрар, Сауран, Сыгнак, Сузак, Йассы и др. по среднему течению Сырдарьи, т. е. область Туркестана, находились во власти Шайбанидов. Если в конце XV и в первой половине XVI в. казахские ханы и султаны добивались иногда успеха в борьбе с Тимуридами, Шайбанидами и Чагатаидами за обладание этими городами и некоторые из них на какое-то время переходили под их власть, то после создания государства Шайбанидов казахские ханы и султаны были оттеснены от городов, хотя и продолжали совершать набеги на эти области и вести постоянную борьбу за города. Даже в период раздробленности государства Шайбанидов после смерти Мухаммад Шайбани-хана (1510) и до объединения его Абдаллах-ханом II города Туркестана прочно удерживались Шайбанидами. Так было, например, при Барак (Науруз-Ахмад)-хане и его преемниках. В «Тарих-и Кашгар», как уже было сказано выше, Барак-хан упоминается даже как хан, который правил казахами одновременно с Хакк-Назар-ханом. Это сообщение источника вызвало категорическое утверждение, что «здесь явная ошибка, так как Науруз-Ахмад, он же Барак, не был казахским ханом» [22]. Существует, однако, и другое мнение, что «сообщение это вполне правдоподобно, так как Барак-хан долго правил Ташкентом и некоторые группы казахов, кочевавшие в близлежащих районах, признавали над собой власть Шайбанидов, как это было позднее с ханами Шигаем, Тевеккелем, Турсун-Мухаммадом, Абулай-султаном и другими казахскими владетелями» [23]. История казахских ханов в XVI в., об-

---

[21] *Мухаммад Юсуф мунши.* Муким-ханская история/Пер. с тадж. А. А. Семенова. Ташкент, 1956, с. 78—79.

[22] *Ибрагимов С. К.* Некоторые данные к истории казахов XV—XVI вв. — Изв. АН КазССР. Серия ист., экон., филос., права. Алма-Ата, 1956, вып. 3, с. 112.

[23] *Юдин В. П.* Вступительная статья к «Тарих-и Кашгар». — МИКХ, с. 405—406.

щая тенденция и частные факты, убеждают нас в том, что второе мнение, т. е. предположение о распространении юрисдикции Барака на какую-то часть казахов, возможно независимую от Хакк-Назар-хана, является более достоверным. Однако состояние источников таково, что окончательный ответ на этот вопрос сейчас дан быть не может, но вполне вероятно также и то, что вовлечение в оборот новых источников сможет прояснить этот вопрос. Как бы то ни было, но если исходить из того, что сообщение «Тарих-и Кашгар» соответствует действительности, то придется признать, что отдельные группы населения Казахского ханства в условиях, когда невозможно было силой решить спор из-за обладания присырдарьинскими городами и, по-видимому, в результате действия некоторых тенденций внутри ханства, признавали над собой власть присырдарьинских Шайбанидов и отрывались от ханства, что, естественно, подтачивало силы последних. Таким образом, в конце XVI в. Казахское ханство было оттеснено от линии оседло-земледельческих районов в Туркестане, т. е. по сравнению с началом XVI в. их территориальное положение в этом районе ухудшилось.

Помимо указанных действовал и еще один немаловажный фактор. С востока из-за Балхаша в Центральный Казахстан и в Семиречье началось встречное движение джунгаров. Для второй половины XVI в. известны большие масштабы военных действий джунгаров против Казахского ханства и их продвижение в Центральный Казахстан и Семиречье. К этому времени «важную роль играли как стремление обеих сторон расширить свои пастбищные территории за счет соседа, так и стремление ойратских феодалов захватить в свои руки присырдарьинские города»[24]. По сообщению Сейфи Челеби, в конце XVI в. Таваккул-хан совершил набег на джунгаров (калмаков)[25], «вследствие этого страна казаков подверглась опустошительному нашествию неверных»[26]. Джунгары

---

[24] *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства. М., 1964, с. 67.

[25] Отметим, что в восточных источниках джунгары упоминаются как калмаки, в монгольских и калмыцких источниках — как ойраты.

[26] *Бартольд В. В.* Очерк истории Семиречья. — Соч. М., 1963, т. 2, ч. 1, с. 96. Ср.: *Бартольд В. В.* Калмыки. — Соч. М., 1968, т. 5, с. 538—539; Altan chan und die Qalmuq in der chronik des Seijfi Celebi von. J. Matuz. — Acta Orientalia, vol. XXXII, Havni, 1970, S. 147—154.

преследовали Таваккул-хана до самого Ташкента, разграбили его эль и затем ушли. Таваккул предлагал правителю Ташкента шайбаниду Барак-хану пойти походом на джунгаров, на что тот ответил отказом ввиду невозможности, по его мнению, одолеть джунгаров. Иногда казахские ханы получали перевес в борьбе против джунгаров. Так, прибывшее в 1594 г. в Москву посольство Таваккул-хана заявляло, что он «учинился на Казатцкой орде, а брата своего Шахмагметя-царевича посадил на калмаках, а кочуют-де поблиску и все в соединенье...»[27]. Таким образом, казахскому хану Таваккулу в то время удалось поставить своего брата над небольшой частью калмыков. Ими могли быть калмыки, обитавшие в районах Центрального и Северного Казахстана[28]. Вероятно, в это время некоторые кочевья калмыков, граничивших с казахскими, в результате военных столкновений и поражений вынуждены были признавать власть казахских ханов. Но как только в Казахском ханстве возобновлялись раздоры, несогласия между ханами и султанами, так джунгары под видом отмщения за прежние набеги устремлялись на казахов. Так, после смерти Таваккул-хана они начали вытеснять их из Семиречья при Ишиме. При этом, по сведениям Я. Гавердовского, «одна часть зюнгорцев теснила, истребляла и преследовала их с востока от вершин р. Нижний Иртыш и от гор... зюнгорских за горы Буглы тага и реки Сариса (Сарысу. — *М. А.*) в глубину степи, а другая, наводнив Большую Бухарию, Хиву, разорив Урганчю и пробравшись между Каспийским и Аральским морями также к степям киргисским, завладела окрестностями р. Эмбы и нижнею частью Урала, начала делать набеги на киргисцев с запада»[29]. Итак, воздействие джунгаров на казахов во второй половине XVI в. было мощным, и поэтому казахско-джунгарские отношения этого времени требуют тщательного исследования.

---

[27] Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках: (Сборник документов и материалов). Алма-Ата, 1961, с. 3.

[28] *Конкашпаев Г.* Историко-географические сведения о пребывании калмыков (джунгаров) на территории Казахстана в XVI—XVII вв. — Ученые зап. Калм. НИИЯЛИ, вып. 8, серия истории. Элиста, 1969, с. 248.

[29] *Гавердовский Я.* Обозрение киргиз-кайсацкой степи, ч. 2. — Архив Ленинградского отд. Ин-та истории АН СССР, кол. 15: Собр. рукописных книг, № 495, л. 52.

Таким образом, Казахское ханство, занимавшее ранее огромные степные пространства, в конце XVI в. оказалось ограниченным в своих кочевьях степями и горами Семиречья, в том числе территорией современной Киргизии. Киргизы нередко в это время действовали вместе с казахами, что в какой-то мере усиливало Казахское ханство. Между тем Туркестан находился под властью Шайбанидов. Отсутствие городов пагубно сказывалось на экономическом состоянии ханства.

Наконец, именно в этот период, что наиболее вероятно, произошло такое событие в истории казахского народа, как разделение его на три жуза[30]. Этот вопрос требует углубленного исследования на основе дополнительных источников. Возникновение жузов, которые, возможно, поначалу совпадали с политическим делением казахов, т. е. с самостоятельными казахскими ханствами, подрывало единство казахов в их борьбе с внешними врагами. Следует, впрочем, сказать, что представление о политическом единстве казахов, возможно, даже с откочевки Керея и Джанибека в 1465—1466 гг., не более как иллюзия. Известно, что почти во все времена существования Казахского ханства было сразу несколько лиц, носивших титул хана. Традиция идет от Керея и Джанибека — они оба имели титул хана. Одновременно во времена правления Касима, Хакк-Назара, Шигая титул хана носили и некоторые из их братьев. Следовательно, в истории казахских ханств наличие старшего и младшего ханов или нескольких независимых ханов было, видимо, постоянным и тривиальным явлением.

Таким образом, особенностью внешнеполитической истории Казахского ханства во второй половине XVI в. является непомерное сужение занимаемой им территории и отсутствие внутреннего политического единства как следствие раздробленности, непрочности политики казахских ханов. То обстоятельство, что области и племена не были сколько-нибудь прочно объединены и подчинены хану, неизбежно лишало его твердой базы. Зачастую тыл внушал хану бóльшие опасения, чем его внешние враги. Раздробленные и разобщенные казахские ханы и султаны не могли вести борьбу на юге и на востоке или на

[30] *Юдин В. П.* Вступительная статья к «Шараф-наме-йи шахи». — МИКХ, с. 242—243; *Он же.* Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар. — Там же, с. 327—328.

западе одновременно. Они терпели неудачи. Эти обстоятельства вынуждали казахов во второй половине XVI в. вести ожесточенную борьбу за обладание присырдарьинскими районами и приводили к овладению ими лишь в момент, когда то или иное соседнее государство переживало период внутренней неустойчивости и оказывалось ослабленным на внешнеполитической арене.

В. А. МОИСЕЕВ

К ВОПРОСУ ОБ ОЙРАТО-КАЗАХСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В 30—40-х гг. XVIII в.

В истории международных отношений стран центральноазиатского региона в XVIII столетии взаимоотношения казахских ханств и государства западных монголов-ойратов — Джунгарского ханства занимают особое место. Факты свидетельствуют, что характер и состояние связей между этими кочевыми феодальными государственными образованиями оказывали серьезное влияние на исторические судьбы соседних народов и даже на внешнюю политику таких могущественных держав, как царская Россия и Цинская империя [1].

Следовательно, без глубокого и всестороннего исследования этого вопроса невозможно воссоздать объективную картину событий в историческом прошлом как Казахстана, так и Монголии в рассматриваемый период, в том числе показать во всей сложности и противоречивости процесс присоединения Казахстана к России. Между тем в отечественной и, насколько нам известно, в зарубежной историографии проблема ойрато-казахских отношений вообще и в 30—40-е гг. XVIII в. в частности не являлась пока предметом специального изучения, да и в сводных обобщающих работах по истории Казахстана и Джунгарии освещалась сравнительно бегло [2], хотя,

---

[1] *Моисеев В. А.* Джунгаро-цинские отношения и казахские ханства в первой половине XVIII в. — В кн.: Общество и государство в Китае: Тезисы и доклады XI научной конференции. М., 1980, ч. 2.

[2] *Аполлова Н. Г.* Присоединение Казахстана к России. Алма-Ата, 1948; *Басин В. Я.* Россия и казахские ханства в XVI—XVIII вв. Алма-Ата, 1971; *Бекмаханов Е.* Присоединение Казахстана к Рос-

говоря о причинах сближения казахских ханств и России, все исследователи указывают на опасность для обеих сторон, исходившую от ойратского государства. Задача, которую поставил перед собой автор настоящей статьи, заключается в том, чтобы показать, в какой сложной внешнеполитической обстановке началось присоединение Казахстана к России, как ойратские феодалы стремились помешать русско-казахскому сближению, определить характер отношений между Джунгарским и казахскими ханствами в рассматриваемый период, уточнить причины джунгарской агрессии против народов Казахстана и Средней Азии.

Международная обстановка в Центральной и Средней Азии в начале 30-х гг. XVIII в. оставалась напряженной. В степях Северной Монголии (Халхи), Кукуноре, Хами и Турфане продолжались ожесточенные сражения между ойратами и рвавшимися в Джунгарию полчищами Цинской империи. Изнурительная борьба шла с переменным успехом и требовала от противников, особенно от Джунгарского ханства, мобилизации всех имеющихся ресурсов. В 1733, по другим сведениям — в 1734 г., при посредничестве ламаистской церкви Тибета воюющие стороны заключили перемирие, распустили часть своих войск и через несколько лет в результате длительных и трудных переговоров подписали мирный трактат [3]. Однако, несмотря на заключенный мир, как в Пекине, так и в ставке ойратского хана Галдан-Цэрэна (1727—1745) понимали, что мир этот носит временный, компромиссный характер и что нужно готовиться к новым тяжелым битвам.

После прекращения военных действий с Китаем резко возрастает активность ойратов в Средней Азии и Казах-

---

сии. М., 1957; *Гуревич Б. П.* Международные отношения в Центральной Азии: XVII — первая половина XIX в. М., 1979; *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства. М., 1964; История Казахской ССР. Алма-Ата, 1977—1980, т. 1—5; *Хафизова К. Ш.* Некоторые данные о расселении казахов в XVIII в. — В кн.: Н. Я. Бичурин и его вклад в русское востоковедение. М., 1977, ч. 2; *Шоинбаев Т. Ж.* К вопросу о присоединении Среднего жуза к России. — В кн.: Вопросы истории Казахстана и Восточного Туркестана. Алма-Ата, 1962; *Чимитдоржиев Ш. Б.* Взаимоотношения Монголии и Средней Азии в XVII—XVIII вв. М., 1979.

[3] *Моисеев В. А.* О джунгаро-цинских переговорах в 1734—1740 гг. — В кн.: Общество и государство в Китае: Тезисы и доклады VIII научной конференции. М., 1977, ч. 2.

стане, Кашгарии и Южной Сибири. Весной 1735 г. Букенбай-батыр сообщил русским властям, что к ним «от зенгорских калмык пленники ведомости привезли, будто китайской богдыхан умер, а зенгорские калмыки с китайцами помирились и хочет-де владелец зенгорской, Галдан-Чирин, на кайсаков Средней Орды послать войска двадцать тысяч человек»[4]. Надо отдать должное прозорливости царской администрации, которая, исходя из опыта прошлых лет, также предсказывала такое развитие событий. «Ежели контайша (правильно — хунтайджи — джунгарский хан. — *В. М.*) с китайцы войну конечно прекратил, — докладывала Сенату Коллегия иностранных дел 26 июня 1736 г., — то силы онаго имеют быть свободны... и тако от онаго владельца опасение иметь весьма надлежит»[5]. В связи с осложнением обстановки на своих сибирских границах правительство издало указ о формировании в Сибири дополнительных воинских контингентов[6]. Советские историки неоднократно отмечали, что «в зависимости от успехов и неудач в военных действиях против цинского Китая джунгарские феодалы усиливали или ослабляли свои нападения на Казахстан»[7].

Казахские ханства в эти годы продолжали оставаться раздробленными, рыхлыми политическими образованиями, раздираемыми межфеодальными усобицами, которые делали страну беззащитной перед лицом такого могущественного врага, как Джунгарское ханство. Характеризуя обстановку, сложившуюся в казахских степях на рубеже 20—30-х гг. XVIII в., первый начальник Оренбургской экспедиции И. Кирилов доносил императрице Анне Иоанновне, что «киргис-кайсацкая орда, никому не подвластная, многонародная и военная», длительное время находилась в состоянии политической раздробленности, вследствие чего в предшествующих войнах с джунгарами потеряла обширные районы Южного и Юго-Восточного Ка-

---

[4] АВПР (Архив внешней политики России), ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1, д. 4, 1735 г., л. 22.

[5] АВПР, ф. Сношения России с Китаем, оп. 62/1, д. 3, 1736 г., л. 27 об. Все даты приведены по старому стилю.

[6] См. там же, л. 37.

[7] *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства, с. 387; *Хафизова К. Ш.* Некоторые данные о расселении казахов в XVIII в., с. 87.

захстана с такими крупными городами, как Ташкент, Сайрам, Туркестан. «С той обиды все те киргис-кайсацкие орды с зенгорскими калмыками в непрестанной войне и могли б тех калмык одолеть, ежели б обще согласились, а у них один хан с войною войдет, а другой оставляет и так свое владение у калмык теряют»[8]. В результате опустошительных нашествий джунгарских феодалов в 20-е гг. XVIII в. экономика казахских ханств была подорвана, население массами уходило в Среднюю Азию, за Сырдарью, к Яику, что обострило взаимоотношения казахов с волжскими калмыками, башкирами, жителями Самарканда, Бухары, Коканда[9]. Эти вторжения ойратских войск ускорили сближение и последующее присоединение Казахстана к России, начало которому было положено в 1731 г. вступлением в русское подданство Младшего жуза. В конце 30 — начале 40-х гг. власть России признали ряд родов и племен Среднего жуза. Однако процесс этого присоединения был длительным, противоречивым, изобиловал взлетами и падениями и занял в общей сложности более ста лет[10]. Многие казахские ханы и султаны вплоть до 20-х гг. XIX в. оставались фактически независимыми правителями своих владений.

Как же складывались и развивались ойрато-казахские отношения в ранний период присоединения Младшего и Среднего жузов к России? Как видно из источников, в начале 30-х гг. XVIII в. власть и влияние ойратских феодалов в Средней Азии и Южном Казахстане значительно ослабли. Джунгары, обращал внимание правительства И. Кирилов в 1734 г., отняв у казахов Туркестан, «где была их старинная столица и славный купеческий город Ташкент, Сайрам и другия пригороды и местечки, по причине, имеющейся между китайцами и ими, зенгорскими калмыками, войны сами оставили и ныне теми городами не владеют»[11]. Эти сведения подтвердил в 1735 г. и посланец хана Старшего жуза Жолбарса. Та-

[8] Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках: (Сборник документов и материалов). Алма-Ата, 1961, с. 107—108.

[9] История Узбекской ССР. Ташкент, 1967, т. 1, с. 561; *Чимитдоржиев Ш. Б.* Взаимоотношения Монголии и Средней Азии в XVII—XVIII вв., с. 42.

[10] *Басин В. Я.* Россия и казахские ханства в XVI—XVIII вв., с. 258.

[11] Казахско-русские отношения..., с. 119; АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1, д. 4, 1735 г., л. 5 об.

ким образом, война с Цинской империей, а также целый ряд поражений в сражениях с казахскими ополчениями в 1726—1729 гг. заставили ойратских феодалов оставить часть захваченных ими территорий Южного Казахстана. Именно в 20 — начале 30-х гг. XVIII в. значительная часть феодалов Старшего жуза признала власть ойратского хунтайджи. Обстановка в сопредельных пограничных районах Среднего жуза и Джунгарии оставалась весьма напряженной. «Здесь всегда находились, — указывает И. Я. Златкин, — значительные военные силы для охраны ойратских кочевий от нападений казахских войск, равно как и для выполнения роли передового отряда на случай вторжения ойратских армий в пределы Казахстана» [12].

Узнав об уходе крупных ойратских сил в Монголию, отряды казахских феодалов в 1731 г. совершили нападение на ойратские кочевья. «В контайшино владение, — сообщали бежавшие из джунгарского плена халхасы, — на некоторые улусы набегали Казачья орда и в полон побрали контайшиных людей, жен и детей юрт с тысячю и больше со скотом и пожитками» [13]. Из русских документов того времени известно также, что весной того же года через территорию Южного Казахстана из Джунгарии на Волгу прошел улус влиятельного ойратского нойона (владетельного князя) Лозона-Цэрэна, известного в исторической литературе под именем Лозона-Шуно [14]. Довольно крупное военное столкновение между казахами и ойратами произошло в следующем, 1732 г. Находившийся тогда в ставке джунгарского хана русский посланник майор Угримов сообщал, что посланные против казахов войска обратно возвратились «с великим ущербом, так что едва и не все там остались» [15]. Этот год вообще был крайне тяжелым для Джунгарского ханства. Цинские войска нанесли ойратским армиям страшное поражение в местечке Эрдэни-Дзо и захватили инициативу ведения войны в свои руки. Война стала принимать затяжной характер. Вот на таком внешнеполитическом фоне проис-

[12] *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства, с. 387.

[13] АВПР, ф. Сношения России с Китаем, оп. 62/1, д. 6, 1732 г., л. 61 об.

[14] АВПР, ф. Сношения России с Китаем, оп. 62/1, д. 5, л. 24 об. — 27; Казахско-русские отношения..., с. 76.

[15] *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства, с. 372.

ходило присоединение к России Младшего и части Среднего жузов. Безусловно, в ставке ойратского хана знали о происходивших между русскими властями и феодалами казахских ханств переговорах, о принесении многими султанами и старшинами обоих жузов присяги на верность русской императрице, но не имели возможности воспрепятствовать этому [16]. Лишь когда мирные переговоры с Пекином стали приближаться к завершению, Галдан-Цэрэн активизировал военную и дипломатическую деятельность в Средней Азии и Казахстане.

Тревожные сведения о сосредоточении крупных военных отрядов джунгар вблизи укреплений Иртышской военной линии стали поступать в Коллегию иностранных дел и в Военную коллегию в 1737—1738 гг. Так, 3 июля 1738 г. сибирский губернатор Бутурлин докладывал в столицу, что в Горном Алтае в районе реки Кан зимой появился 8-тысячный джунгарский отряд, командование которого приказало алтайцам, чтобы они к весне «были в готовности с лошадьми и ружьем и чтоб-де были лошади хорошие в готовности ж» [17]. Расположившись вдоль южной части Иртышской линии вблизи Ямышевской и Семипалатинской крепостей, ойраты стали совершать грабительские набеги на приграничные кочевья Среднего жуза [18]. Осенью 1739 г. началось новое наступление ойратских феодалов на казахские земли. Северная колонна под командованием известного ойратского полководца Септеня двинулась из района озера Зайсан в кочевья Среднего жуза, лежащие по Ишиму и другим рекам. Другая ойратская армия, возглавляемая Сарыманджи, вторглась из района Ташкента на Сырдарью. Общая численность нападавших составляла примерно 30—35 тысяч человек [19].

Таким образом, широкие грабительские вторжения

---

[16] Не подтверждается показаниями источников мнение Ш. Б. Чимитдоржиева, будто «джунгары не знали о принятии казахами двух жузов российского подданства и по примеру прошлых лет совершали на них нападения» (Указ. соч., с. 45). Документы свидетельствуют обратное. См.: Казахско-русские отношения..., с. 126.

[17] АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1, д. 2, 1738 г., л. 42—42об.

[18] *Валиханов Ч. Ч.* Архивные материалы о русско-джунгарских и китайских отношениях. — Собр. соч.: В 5-ти т. Алма-Ата, 1964, т. 3, с. 237—240.

[19] *Валиханов Ч. Ч.* Указы Сибирской канцелярии. — Собр. соч., т. 3, с. 267—268.

ойратских феодалов в Казахстан возобновились в 1739 г. и продолжались свыше двух лет. Казанская губернская канцелярия сообщала в конце 1739 г. в Сенат, что джунгары в пятнадцати тысячах «напали на кайсацкие кочевья, владения Увак-Гирея, Абул-мамет-и Барак-султанов и которые кочевали около Иртышу и Ишиму рек». Население этих улусов бежало к Яику и Сырдарье [20]. Летом 1742 г. основные силы джунгарских войск были выведены из Казахстана и брошены в Среднюю Азию [21]. Страна была разграблена, сожжена, обескровлена. Тысячи людей угнаны в плен, превращены в рабов. Сочтя разрушительную часть своего плана выполненной, Галдан-Цэрэн переменил тактику. В Средний и Младший жузы к ханам, султанам, старшинам и батырам зачастили ойратские посольства с требованием, чтобы последние немедленно признали свою зависимость от хунтайджи, начали платить ему дань и в знак своего подданства прислали в Ургу (ставку Галдан-Цэрэна) заложников (аманатов) [22]. В случае отказа джунгары угрожали казахам новым вторжением. При этом посланцы Галдан-Цэрэна заявляли, что в случае новой войны с казахами ойратам окажет помощь цинский император [23].

Мнения казахской знати разделились. Ряд влиятельных феодалов начал переговоры с представителями джунгарского хана. Так, глава Младшего жуза Абулхаир отправил в Ташкент к Сарымандже Кутлумбет-батыра «с тем объявлением, чтоб он, Сарыманжа, с ним, ханом, не дрался» [24]. Большинство казахских феодалов, однако, настаивало на сохранении и упрочении связей с Россией. Выступая на собрании знати Среднего жуза, состоявшемся осенью 1741 г., султан Барак, отстаивая это мнение, указывал, что «сколько до сего при российской стороне они не находились, то от оной не только никакого озлобления не видали... и жили во всяком покое и по своей земле, а к зюнгорской стороне не успели еще и пристать,

---

[20] ЦГАДА (Центральный государственный архив древних актов), ф. 248, 1-й департамент Сената, оп. 113, д. 72, 1740 г., л. 1.

[21] Там же, д. 12/143, 1740—1746 гг., л. 1006; Казахско-русские отношения..., с. 203

[22] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1, д. 2, 1742 г., л. 7 об.: Казахско-русские отношения..., с. 210.

[23] Казахско-русские отношения..., с. 210.

[24] Там же, с. 182.

то видите, какое от них благополучие является»[25]. Все же целый ряд влиятельных феодалов Младшего и Среднего жузов, стремясь извлечь для себя ряд политических и материальных выгод, в частности вернуть захваченные ойратами земли и города Южного Казахстана, согласились выполнить некоторые требования Галдан-Цэрэна. Так, хан Среднего жуза Абулмамбет (1734—1771), надеясь возвратить Туркестан, отправил в Джунгарию заложников[26]. Его примеру последовали султан Абулфеиз, Ниязбатыр, Девлетбай и некоторые другие представители знати, которые, как докладывали вернувшиеся из Среднего жуза русские представители Уразлин и Лихачев, «напред сего с лежащих около Ташкента городков дань обирывали»[27], т. е. их кочевья располагались вблизи этих районов.

Резко осложнившаяся военно-политическая обстановка в Казахстане побудила русское правительство принять целый ряд экстренных мер как по защите своих границ, так и для обеспечения безопасности своих новых подданных. С Галдан-Цэрэном, гласил указ Сената от 20 мая 1742 г., адресованный оренбургской и сибирской администрации, «нужно будет в корреспонденцию вступить и подданных ханов и султанов с их людьми сколько можно охранять, а в крепостях и по всей границе от того владельца наибольшую опасность иметь и регулярных людей, особливо ж драгун умножить надлежит»[28].

Во исполнение этого указа Коллегия иностранных дел 8 августа того же года повелела передать казахским правителям, чтобы они «от зенгорских жилищ поудалились и приближились ко Оренбургу и к кара-калпацким жилищам и от своей стороны на зенгорские улусы нападений не чинили», а в случае новых ойратских вторжений укрывались в русских крепостях[29]. Начальнику Оренбургской комиссии И. И. Неплюеву было разрешено оставить расположенные по Яицкой линии Казанский, Уфимский и Шешминский полки, которые Военная коллегия намере-

---

[25] *Аполлова Н. Г.* Присоединение Казахстана к России, с. 106.

[26] Казахско-русские отношения..., с. 270; ЦГАДА, ф. 248, Правительствующий Сенат, д. 18/149, л. 180.

[27] Казахско-русские отношения..., с. 270.

[28] Там же, с. 199.

[29] АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1, д. 3, 1742—1744 гг., л. 4 об.

валась передислоцировать в Астрахань. Поскольку с оказанием реальной помощи казахам в отражении джунгарского нашествия русская администрация не успела, ее основное внимание было сосредоточено на том, чтобы нейтрализовать попытки ойратских феодалов привлечь казахскую верхушку на свою сторону. Так, летом 1742 г. в ставку хана Среднего жуза Абулмамбета И. И. Неплюевым был направлен уже упоминавшийся нами переводчик Уразлин с заданием объявить этому владельцу, что ему, как признавшему подданство России и принесшему присягу русской императрице, «с посторонними народами без указу е. и. в. в противные подданству его договоры и обязательства вступать не полезно и может чрез то не только высочайшую к себе е. и. в. милость утратить, но купно с народом своим подпасть за то и гневу е. и. в.»[30]. В ставку джунгарского хана был послан майор Пензенского гарнизонного полка Карл Миллер. В советской исторической литературе об организации и результатах этого посольства писали довольно много. Однако, на наш взгляд, некоторые моменты этого эпизода международных отношений в Центральной Азии освещены пока недостаточно полно, поэтому несколько преувеличивается, как нам кажется, значение и результаты миссии К. Миллера в деле улаживания ойрато-казахского конфликта, в освобождении из ойратского плена султана Среднего жуза Аблая и т. д.[31] В связи с этим вкратце остановимся на некоторых моментах из истории этого посольства.

Перед Миллером и его спутниками Оренбургская администрация поставила ряд довольно трудных задач. Во-первых, убедить джунгарского хана, чтобы он не только «более никаких разорений им (казахам. — *В. М.*) не причинял и войск своих на них не посылал, также б и вышезначенных запросов более к ним не производил», т. е. прекратил требовать от казахских феодалов присылки дани и аманатов, поскольку они являются подданными Российской империи. Во-вторых, добиваться возвращения

---

[30] Казахско-русские отношения..., с. 218.

[31] История Казахской ССР. Алма-Ата, 1957, т. 1, с. 242; *Аполлова Н. Г.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX вв. М., 1960, с. 92, 391, 414; *Басин В. Я.* Россия и казахские ханства в XVI—XVIII вв., с. 177; *Шоинбаев Т. Ж.* К вопросу о присоединении Среднего жуза к России, с. 53.

из плена султана Аблая с его приближенными. И, наконец, при проезде через казахские степи — успокоить население и заверить его в защите со стороны России в случае новых ойратских вторжений.

В состав посольства помимо К. Миллера входили: прапорщик Пазухин, переводчик Ерофеев, геодезист Тохтаров, капрал Дмитриев и шесть казаков. Вместе с возвращавшимися из Оренбурга ойратскими посланцами Кашкой и Барангом в сопровождении конвоя казахов Младшего жуза под командованием султана Ералы русская дипломатическая миссия выступила из Оренбурга 3 сентября 1742 г., 16 ноября достигла пограничных ойратских кочевий и, пробыв в Джунгарии несколько месяцев, 14 мая 1743 г. возвратилась обратно, фактически не выполнив своей главной задачи [32]. Более того, под предлогом свирепствовавшей в ойратских кочевьях эпидемии оспы К. Миллер не был даже допущен к Галдан-Цэрэну [33].

Стремясь помешать дальнейшему укреплению влияния и позиций России в казахских степях и поднять свой собственный престиж в глазах соседних народов, а также скрыть трудное положение ханства от русских властей, Галдан-Цэрэн не принял Миллера, и ответное письмо русской администрации было отправлено князем (зайсаном) Сары Манджей, которому Галдан-Цэрэн поручил все «киргис-кайсацкие дела». В 1743 г., отпуская домой султана Аблая, хунтайджи просил его передать Абулхаиру, что он напрасно «в подданство российское вступил», и похвалялся тем, что он, Галдан-Цэрэн, «от России нимало не опасен и посланного-де к нему российского посла, не боясь ничего, к себе не допустил» [34].

Отпуская Аблая и других пленников, повелитель ойратов преследовал цель снискать расположение к себе со стороны наиболее влиятельной верхушки казахских феодалов. «Галдан-Чирин тот отпуск в такой образ учинил,— подчеркивал в одном из своих донесений в Коллегию ино-

---

[32] О маршруте К. Миллера см.: *Ханыков Я. В.* О карте Миллерова маршрута от Орска до Зюнгорских владений и обратно.— Известия Русского Географического общества, 1850, вып. 4, с. 661—663.

[33] АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1, д. 3, 1742—1744 гг., л. 17—17 об.

[34] Казахско-русские отношения..., с. 305—306.

странных дел И. И. Неплюев, — чтоб показать, с какой умеренностью и льготою хочет касаков в своей протекции содержать»[35]. Переводчик Каменев, вернувшийся из Джунгарии, сообщал, что вместо Аблая в Джунгарию послали «Абулмамет-хан и Барак-солтан двух сынов с женами и с детьми, да с ними протчих киргис-кайсаков сорок семей»[36]. Так что, на наш взгляд, «заслуга» К. Миллера в этом деле невелика. Хотя, безусловно, Галдан-Цэрэн не хотел преждевременно обострять своих отношений с Россией, но это соображение играло уже второстепенную роль.

Несмотря на военные вторжения и дипломатический нажим со стороны ойратских феодалов, сопровождаемый различными льстивыми посулами, стало очевидно, что как рядовое население Младшего и Среднего жузов, так и большинство представителей знати по-прежнему тяготеют к России и верны своей присяге российскому престолу. На совете феодалов Среднего жуза об отправлении в Джунгарию аманатов большинство старшин и биев заявили ханам и султанам, что, «хотя-де вы не точию детей отдадите в аманаты, но и сами туда пойдете, то-де мы под властию Галдан-Чирина быть не хотим, а желаем быть в верности под протекциею у ея и. в. и от вас-де пойдем прочь кочевать». Совет так и не смог принять какого-либо решения, договорившись собраться вновь через 20 дней[37]. Поэтому, указывал И. И. Неплюев, даже если Абулмамбет «совершенно в тамошнюю сторону отошел и передался, то из-за сего важных следствий и опасностей здешним местам нечаемо и яко то во многолюдстве учинить ему весьма неможно». Неплюев полагал, что ойраты непременно обманут Абулмамбета и это послужит хорошим уроком для других казахских владельцев, и предлагал Коллегии иностранных дел лишить Абулмамбета ханской власти[38].

Между тем джунгарский хан, увязнув в войне против правителя Коканда Абд ал-Карим-бека, стремился выйти

---

[35] АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1, д. 3, 1742—1744 гг., л. 14 об.

[36] ЦГАДА, ф. 248, Правительствующий Сенат, д. 142, 1739—1745 гг., л. 28 об.

[37] Там же, 1-й департамент Сената, оп. 113, д. 365, 1744 г., л. 4 об.

[38] Казахско-русские отношения..., с. 272, 284.

из трудного положения, натравив на своего противника казахов или по крайней мере использовав казахские дружины вместе со своими отрядами. Однако и эта попытка потерпела неудачу. «Мы сами к пограничным местам поблизости живем, — отвечали казахские султаны и старшины на домогательства Галдан-Цэрэна, — и люди нам надобны и дать-де нам войска никоими мерами нельзя» [39]. Правда, отдельные воинские отряды казахов принимали участие в этой войне на стороне ойратов [40].

Ухудшающаяся обстановка в ханстве и военные неудачи в Средней Азии вынудили Галдан-Цэрэна обратиться к казахским феодалам с просьбой о посредничестве в примирении его с Абд ал-Каримом. Однако попытки султана Барака и других оказать помощь ойратам в этом деле не увенчались успехом. К середине 40-х гг. XVIII в. между Джунгарским ханством, с одной стороны, и Средним и Младшим жузами, с другой, установились мирные и даже в некоторой степени дружеские отношения. Казахи, приезжающие по торговым делам в Семипалатинскую крепость, говорили русским чиновникам, что ныне они с ойратами «в миру и, промышляя на степи зверей, с оными калмыками съезжаются друг с другом» [41].

Отказался ойратский правитель и от требования присылки ежегодных заложников. Возвратившийся в 1745 г. из Джунгарии подпрапорщик Савва Соболев докладывал командующему войсками Западной Сибири Киндерману, что, по его сведениям, казахских аманатов в Джунгарии нет, «токмо-де дети Аблай-салтана и Барак-салтана приезжают в Орду ко владельцу их Галдан-Чирину с легкими юртами и живут по месяцу и по два и гуляют с галданскими детьми и находятся-де у Галдан-Чирина в милости» [42]. Галдан-Цэрэн в эти годы всячески подчеркивал свое расположение к казахским феодалам. Так, отпуская от себя сына султана Барака Шигая, он наградил его двумя юртами, дал ему двух жен, назвал своим

---

[39] ЦГАДА, ф. 248, 1-й департамент Сената, оп. 113, д. 1607, 1745 г., л. 41—41 об.

[40] Там же, л. 57.

[41] АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1, д. 1, 1745 г., л. 52.

[42] ЦГАДА, ф. 248, 1-й департамент Сената, оп. 113, д. 1607, 1745 г., л. 41.

«сыном», уговаривал его, чтобы он «в зюнгорскую землю жить приезжал или хотя половину в своей орде, а другую в зюнгорской жил», просил его также передать всему казахскому народу, «чтоб, его не опасаясь, жили с покоем» [43].

Что же касается казахско-русских отношений, то Галдан-Цэрэн по-прежнему стремился помешать их развитию, привлечь казахов на свою сторону, более того, попытался втянуть их в столкновения с русскими пограничными командами и т. п. Но экономические и политические связи Казахстана с Россией крепли и становились теснее и прочнее с каждым годом. Об этом, например, можно судить по словам султана Барака, сказанным Джунгарским посланцам. Он заявил представителям Галдан-Цэрэна, что население Казахстана заинтересовано в сближении именно с Россией, а не с Джунгарией, в частности потому, что казахи имеют возможность вести неограниченную торговлю в русских городах и крепостях и, если прежде «и белого кафтана сыскать где не знали, ныне не токмо он, но и холопы их лисьи шапки и цветные кафтаны имеют» [44].

Смерть грозного хунтайджи Галдан-Цэрэна, последовавшая в сентябре 1745 г., положила начало новому этапу в казахско-джунгарских отношениях, рассмотрение которого выходит за рамки настоящей статьи.

Попробуем подвести некоторые итоги. Как видно из вышеизложенного, история ойрато-казахских взаимоотношений полна и трагических, кровавых страниц, и мирного существования на протяжении, например, того сравнительно небольшого исторического периода, который мы рассматривали. Что же лежало в основе политики каждой из сторон, какие цели преследовали казахские ханы и султаны, чего добивался Галдан-Цэрэн? Отвечая на этот вопрос, советские историки И. Я. Златкин, В. Я. Басин, Ш. Б. Чимитдоржиев, Т. Ж. Шоинбаев и другие указывают прежде всего на стремление обеих сторон захватить или возвратить отнятые пастбища, установить контроль над южноказахстанскими и среднеази-

---

[43] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1, д. 114, 1745 г., л. 89 об.

[44] Там же, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1, д. 1, 1744 г., л. 306—306 об.

атскими городами и торговыми путями, поживиться за счет грабежа своего противника. «Основной движущей пружиной джунгаро-казахских отношений в первой половине XVIII в., — подчеркивает Ш. Б. Чимитдоржиев, — являлось, как и в прошлые времена, желание расширить площади кочевий, захватить скот и пленных»[45]. Думается, что подобное объяснение далеко не охватывает всей сложности проблемы, в частности причин и мотивов джунгарской агрессии и дипломатического нажима на Казахстан и Среднюю Азию.

Главной задачей внешней политики джунгарских ханов, начиная с Батура-хунтайджи (1635—1654) и кончая Галдан-Цэрэном, было объединение под своей эгидой всего монгольского мира и воссоздание новой могущественной кочевой державы[46]. «Тень великой империи, — указывал академик Н. И. Конрад, — долго реяла перед умственным взором монгольских ханов»[47]. Однако на пути осуществления этого плана стояла маньчжурская династия Цин, воцарившаяся в Китае в 1644 г., ибо усиление Монголии означало неминуемое падение ее господства. Отсюда ожесточенная борьба между империей Цин и Джунгарским ханством на протяжении многих десятилетий. После присоединения Цинами Халхи, захвата Тибета, Кукунора джунгарским феодалам стало очевидно, что сил ойратов явно недостаточно не только для объединения монгольского мира, но и для успешного продолжения дальнейшей борьбы с маньчжуро-китайскими завоевателями. Поэтому острие их военно-политической активности поворачивается на запад. Организуя широкие военные вторжения на территорию Казахстана и Средней Азии, ойраты стремились не только обеспечить себя людскими и материальными ресурсами за счет грабежа завоеванных народов, но и вынашивали планы создания объединенного теперь уже монголо-тюркского государства. Отсюда вспышка бурной дипломатической активности в 40-е гг. XVIII в.: посольства к казахским

---

[45] *Чимитдоржиев Ш. Б.* Взаимоотношения Монголии и Средней Азии в XVII—XVIII вв., с. 46.

[46] *Куран М.* Центральная Азия в XVII—XVIII вв. Империя калмыков или империя маньчжур? Париж, 1912. (На франц. яз.).

[47] *Конрад Н. И.* О работе И. Я. Златкина «История джунгарского ханства». — В кн.: *Конрад Н. И.* Избранные труды. М., 1974, с. 182.

феодалам, к волжским калмыкам, в Тибет, в Горный Алтай, к кара-калпакам, в Среднюю Азию преследовали цель устранить, сгладить противоречия и сделать первые шаги к объединению. Особенно отчетливо это стремление прослеживается в дипломатической игре Галдан-Цэрэна с казахскими ханами и султанами. В Урге были весьма обеспокоены растущим сближением казахских ханств с Россией и пытались любыми средствами воспрепятствовать этому процессу. Насколько, однако, джунгары преуспели в этом? Вряд ли можно безоговорочно согласиться с утверждением И. Я. Златкина, что «одержанные ойратскими феодалами в начале 40-х гг. XVIII в. победы временно превратили правителей Среднего казахского жуза в их вассалов и данников» [48]. В источниках, например, нигде не говорится о том, что население Среднего (не говоря уже о Младшем) жуза платило какую-либо, хотя бы и символическую, дань ойратскому хану. Не участвовали казахские ополчения и в военных предприятиях ойратов. Что же касается присылки в 1742—1744 гг. аманатов, то это обстоятельство также нельзя считать признаком вассалитета. Некоторые казахские ханы и султаны шли на эту уступку либо опасаясь новых вторжений джунгарских войск, либо рассчитывая на соответствующую компенсацию. Если учесть, что в период с 1738 по 1742 г. около 400 султанов, старшин и других влиятельных лиц Младшего и Среднего жузов признали подданство России [49], то ни о какой зависимости казахских феодалов в проведении внутренней и внешней политики от джунгарского правителя в эти годы говорить не приходится. Взаимоотношения этих казахских ханств с Джунгарией нужно квалифицировать как взаимоотношения независимых, хотя и неодинаковых по силе и могуществу феодальных государств.

Таким образом, присоединение Казахстана к России началось в сложных исторических условиях и испытывало на себе противоречивое воздействие целого ряда внешних факторов, порой ускорявших, но порой и тормозивших этот процесс, но не могущих, однако, остановить его поступательного развития.

---

[48] *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства, с. 387.

[49] *Басин В. Я.* Россия и казахские ханства в XVI—XVIII вв., с. 154

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

Раздел первый

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Сулейменов Р. Б. Внешнеполитические связи Казахстана XVI—XVIII вв. в советской историографии 8
Пищулина К. А. «Бахр ал-асрар» Махмуда ибн Вали как источник по социально-экономической истории Восточного Туркестана XVI—XVII вв. 34
Суиланло М. Я., Супруненко Г. П. Сведения китайских источников о хозяйственной жизни киргизов в XVIII в. . . 88
Бейсембиев Т. К. Легенда о происхождении кокандских ханов как источник по истории идеологии в Средней Азии (на материалах сочинений кокандской историографии) 94

Раздел второй

ИСТОРИЯ

Юдин В. П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая . . . 106
Абусеитова М. Х. Из истории внешнеполитических связей Казахского ханства с соседними государствами во второй половине XVI в. 165
Моисеев В. А. К вопросу об ойрато-казахских отношениях в 30—40-х гг. XVIII в. 177

КАЗАХСТАН, СРЕДНЯЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В XVI—XVIII вв.

Утверждено к печати Ученым советом Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова Академии наук Казахской ССР

Зав. редакцией *А. А. Сулацков.* Редактор *Р. Н. Давыдова.* Художественный редактор *А. Б. Мальцев.* Оформление художника *Н. Ф. Чурсина.* Технический редактор *Е. М. Тахметова.* Корректор *А. А. Абабахриева.*

ИБ № 1417

Сдано в набор 28.02.83. Подписано в печать 9.09.83. УГ15104. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бум. тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. п. л. 10,1. Уч.-изд. л. 10,8. Тираж 2300. Заказ 75. Цена 1 р. 40 к.

Издательство «Наука» Казахской ССР.
Типография издательства «Наука» Казахской ССР.
Адрес издательства и типографии: *480021, г. Алма-Ата, Шевченко, 28.*